

Б.Собеседник
Юлия Дии

Книга
вторая

БЛУЖДАЮЩИЕ В МИРАХ

Маршал Конфедерации
Академия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Б. Собеседник
Юлия Дии
Блуждающие в мирах.
Маршал Конфедерации.
Книга вторая. Академия

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40170893
SelfPub; 2019*

Аннотация

В продолжение релятивно-плюральной многологии о незримо и неустанно блуждающих вокруг маршалах Конфедерации авторам пришлось вернуться лет эдак на двадцать в прошлое, во времена, так сказать, бурной молодости, дабы там, в стенах родной альма-матери – Академии конфедеративных маршалов, – попытаться разобраться в истоках бурных событий современности. Попытка, конечно, не пытка, н-н-н-нда... Удалась ли? Вам судить, дорогие читатели. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Уместно ль, нет, но покуда злосчастный конвой, месяц ледяное говнище, выбредал из благоуханной Пёсьей Промежности, героя нашего обуяли давнишние-предавнишние воспоминания о посещении с оказией славного града Соловца, где он, собственно, Наину Киевну-то свет-Горыныч, подругу свою незабвенную, и повстречал. А поскольку жизнь Юрия Ивановича Ширяева складывалась не только из регулярно обновления списка подвигов Геракла, спасения многочисленных принцесс, задержания и депортации опасных социопатов вроде Соловья-разбойника, Бэтмена, Человека-паука, Годзиллы, различной наружности и отврата Чужих Хищников, но и простых человеческих потребностей, как-то: поесть, поспать и остальное по умолчанию, мы взяли на себя смелость при необходимости дополнить сии воспоминания недостающими деталями во время вынужденного его бездействия. Так что уж не обессудьте!

Свершилось же знаменательное событие на исходе пятого полнолуния третьего цикла обучения в год Змеи, когда студента Юрика Ширяева, в ту пору совсем ещё безусого юнца, занесло в края далёкие таёжные милостию одного его, небезызвестного уже нам, знакомого репетитора, относительно молодого на тот момент, подающего надежды доцента Кафедры прикладной психостатики Академии Службы Конфедеративных Маршалов, нынче – убелённого сединами, заслуженного профессора Брукмюллера, и по сей день имеющего милую привычку приятно удивлять некоторых

своих нерадивых школяров, как правило – завянутых прогульщи-ков и разгильдяев, эпизодически внося, скажем так, творческие... хм... коррективы в условия стандартных аттестационных мероприятий.

«Проектирование и создание психостатической матрицы произвольной описанной реальности, с дальнейшим конструированием и реализацией стабильной результирующей матрицы Седова. Применение психокумулятивного эффекта Рубина с целью осуществления перехода в означенную реальность, поиска, изъятия материальных убедительных свидетельств её посещения и последующей их доставки в Академию для исследований и дальнейшего сохранения» – такая вот занимательная темка курсового проекта.

Хм... Применение... эффекта... По-казённому безграмотно как-то! Что, впрочем, куда более приемлемо, нежели какой-нибудь очередной указ очередного Мудрого Правителя, скажем, м-м-м-м... Скажем: «О принятии в гражданство», о! Вот это уже по-настоящему страшно! Нда-а-а... В октябрюта, что ль, принимаем, в пионэры? Может, в скауты? – модная, кстати, нынче штука. Гражданство – всё ж скорее статус, согласитесь, нежели школьная вам команда по пионэрболу. Аналогично статусам, к примеру, беженца или, как в лихое время случалось, вынужденного переселенца. «В статус» вообще принять-то разве можно?! Всегда вроде предоставлялся он, в данном конкретном случае – оно, родимое, либо обреталось по праву, к примеру, того

же рождения. Но уж никак не ПРИобреталось! – поскольку, на наш неискущённый взгляд, любое действие с приставочкой «при», по логике вещей, требует какого-никакого волеизъявления... хм... субъекта права, так сказать, желания самого ребёночка, проще говоря. Откуда у новорожденных несмышлёнышей эта самая воля? Как они её, скажите на милость, господа юристы-филологи, изъявлять умудряются? Ума не приложу! Обрести же неожиданно-негаданно можно всё, что угодно, в числе прочего и какое-нибудь буркинафасовское гражданство. А после ещё и огрести... Гм! Короче – невзначайка.

Ну хорошо, оставим пока в стороне словопрения по поводу «приобретения» и «обретения», на самом деле грань тонкая. Давайте-ка лучше процитируем Основной Закон, статью шесть, пункт один: «1. Гражданство Российской Федерации приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом, является единым и равным независимо от оснований приобретения». Таким образом, гражданин приобрёл или, проще говоря, получил, то есть стал обладателем на всей территории страны на основании пункта два всё той же статьи всех прав, свобод и обязанностей, предусмотренных Конституцией. Обладателем! Для того же, чтобы нечто приобрести, получить, необходимо, чтобы это нечто было гражданину предоставлено и, соответственно, гарантировано. Причём здесь принятие или, соответственно, вступление куда-то? Чёрным по белому ведь написано: граждан-

ство при-о-бре-та-ет-ся!!!

А-а-а-а! Всё, верно, пошло от одного весьма неумного, на наш взгляд, определения: «Гражданство – устойчивая правовая связь гражданина и государства, выражающаяся в наличии взаимных прав, обязанностей и ответственности». Да-а-а-а уж... Гражданство – это, оказывается, связь. А мужики-то не знают! Ну-ну! Какой му... мудрец сие выдумал?.. Почему неумного? Да потому что в понятие «связь», штуку весьма неконкретную, ну никак не упикивается приобретение гражданином каких-либо прав, свобод и обязанностей, а потом ещё и обладание оными. Связь, господа, – это всего лишь коммуникация! Скажите на милость, умники, как в «связь», пускай и правовую, можно кого-то принять? Не задумывались? А неплохо бы! И как, что ещё интереснее, её, правовую связь, можно приобрести? Вступить-то, конечно, в любую связь можно, хоть в правовую, хоть в... Господа гусары, молчать! Но вот принять в связь... Гм... Попробуйте-ка сначала с собственной женой поэкспериментировать, кого-нибудь в «связь» принять, хе-хе-хе! Грустная шутка.

Гораздо справедливее, на наш взгляд, было бы определить гражданство как «правовой статус гражданина в государстве» и далее по тексту. Красиво, да? Статус, кстати, вполне можно предоставить, ежели кто достоин, его же по случаю можно приобрести в ФМС за немалые бабки, и именно им, правовым статусом человека, определяются права последнего, его свободы и обязанности, а не какой-то там, понима-

ешь, эфемерной дурацкой связью. Одна вот только незадача. Принять в статус нельзя. О том и спич. Н-н-н-нда...

А вы гляньте, кака веселуха начинается, ежели кто-нибудь особо одарённый предлагает, пушай и в нарушение родной Конституции, этого самого гражданства лишать за всяческие провинности ужасные. Закачаешься! Как там пункт три вышеупомянутой уже статьи родной нашей Конституции-то звучит, кто-нибудь помнит ещё, читали хоть? А вот как: «3. Гражданин Российской Федерации не может быть лишён своего гражданства или права изменить его». Не может быть лишён, ять вашу етить, а вовсе не исключён! Ли-и-и-шён! Неужто разница не видна? Призадумайтесь, однако, товарищи грамотеи, чего лишать-то или не лишать, ежели человеку так по сути и не предоставили ничего? Его же всего-навсего куда-то приняли, курьи ваши бошки! Ну так исключайте, господа хорошие, выгоняйте из пионэров, космобольцев. Попробуйте, кстати, на досуге и из гражданства... хм... исключить. Или – о ужас! – выгнать кемь! Вдруг получится? Хотелось бы увидеть. Только Конституцию сначала подправьте маненько. Найдутся идиоты? Ха-ха! Смех, да и только!

И в завершение сказанного хотелось бы почитать на сон грядущий вместе с горе-грамотеями от власти некую присягу, на ура, кстати, одобренную нижней палатой парламента некоей Великой Страны. Вот она: «Я, Ф.И.О., добровольно и осознанно принимая гражданство Великой Страны, кля-

нужь: соблюдать Конституцию и законодательство Великой Страны, права и свободы её граждан; исполнять обязанности гражданина Великой Страны на благо государства и общества; защищать свободу и независимость Великой Страны; быть верным своей Стране, уважать её культуру, историю и традиции». Заметьте опять-таки, не «принимаясь в гражданство» или не «вступая в гражданство», а «принимая гражданство»! И что же мы здесь видим, интересно знать, то есть читаем? А то, грамотные вы наши, что человек принимает гражданство этой самой Великой Страны и, принимая его, клянётся соблюдать, исполнять, защищать и всё такое прочее. При-ни-ма-ет! Так предоставьте ему его! Смекаете, грамотеи? Сами-то читаете, что пишете? Хоть иногда, хоть изредка! Как можно принять то, куда, собственно, одновременно принимают тебя?! Н-н-н-нда... И как, кстати, можно выйти из того, что на тех или иных основаниях приобретено? Идиотизм, да и только! Когда испохабиться успели?! В общем, закачаешься с вашими ЕГЭ, растудыть нас всех в качель!

Однако вернёмся к пресловутой курсовой, в которой и доньше, кстати, ничто не поменялось. Выражаясь обычным языком, требовалось примерно следующее: для начала создать психоматрицу какого-нибудь литературного произведения: повести там, романа, сказки, рассказа, былины, да чего угодно! – и скулёмать на её основе «слойку Седова». Затем, организовав при помощи стандартного психоконнек-

тора доктора Рубина транспортный канал, так называемый «психоход», оперативно провести рекогносцировку тамошней местности на предмет наличия всевозможного дикого зверья, иных опасностей и, в случае отсутствия таковых, шустро десантировать туда сильно бэушный, но вполне себе ещё ничего, надежный, мобильный генерирующее-стабилизирующий комплекс МогенскомПП-53-СС, именуемый в народе, ввиду визуальной и некоторой фонетической схожести, – «Крокодил Гена», или просто «Гена».

Почему? Да потому, что цвета зелёного! Опять вопросы? Что такое «СС»? Гм... А. Г. А. Т. А. – Апогей Глубокомыслия Армейской Технической Аббревиатуры, вот что! Ну вы даёте, братцы чебурашки! «Саморазворачивающийся» и «самосворачивающийся» – дубль «Эс»! Что, съели? Убедительная просьба, кстати, с детищем Юлиуса Шрека¹ не путать! А ежели серьезно, чёрт его знает, что это означает. Хорошо ещё о дубле «Пэ» не спросили, а то так ведь и оконфузиться недолго... Во-о-от, значит... После чего спокойно, не торопясь надлежало посетить описанную в той самой книженции реальность, стырить что-нибудь интересенькое и тем же путём, как говаривал всенародно обожаемый персонаж Анатолия Папанова: «Бэз шума и пыли, буга-га-га-гага!» – вернувшись в родные пенаты, представить высокой академической комиссии неопровержимые доказа-

¹ Юлиус Шрек (13.07.1898 – 16.05.1936 гг.) – создатель и первый руководитель войск СС – оберляйтер СС.

тельства своего там нахождения. Ничего сложного, поверьте! Игрища молодых, хе-хе!

Много лет назад, надо сказать, курсы эти тихохонько, сами собой выродились в рутинное тестирование студентов на предмет овладения ими базовыми техниками прикладной психостатики. Деградировали до уровня обычной лабы, честное слово! Да так с той поры и повелось. И давным-давно уж нет нужды никому изобретать велосипед, что-то там создавать, разрабатывать, ибо к услугам любого нынешнего соискателя вагон и маленькая тележка вполне легальных апробированных матриц, скрупулёзно собранных, систематизированных, каталогизированных предыдущими поколениями третьекурсников, хранимых в строжайшей тайне где-то в глубоко законспирированных серверах. Всего-то и делов – слегка изменить, скажем, временные либо пространственные параметры, дабы банально не спалиться на «списывании». Преподы тоже ведь не пальцем деланные, все проекты мониторят и база матриц у них, без сомнения, обширнейшая. Кроме того, логично предположить, многие бывшие студенты нынче на кафедрах подвизаются, потому наличие такой «черной кассы» студенческой взаимопомощи давно уже всем стало понятно – самый секретный секрет Полишинеля.

Причем никто гайки не закручивал и закручивать явно не собирается. Сами посудите, ежели имеют место некие негласные, устраивающие все стороны договорённости, пра-

вила игры, за давностью лет вполне справедливо претендующие на статус традиций, да к тому же в рамках учебного процесса, зачем сие разрушать? Пускай себе резвятся, играют взрослые детки! Вот и душка Брукмюллер ничего на самом деле не рушил, а лишь настоятельно рекомендовал некоторым любителям глотнуть пивка во время лекций взбодрить, так сказать, свежей струёй устоявшуюся закоснелую учебную болотину, хоть бы круги по поверхности пустить, то-бишь использовать для работы над курсовыми что-нибудь эдакое, оригинальное, вместо порядком набивших уже оскомину, на молекулярном уровне детализированных, изученных, монументально-хрестоматийных творений Толстого, Диккенса, Достоевского, Теккерея и им подобных.

Что ж, ничего не поделаешь, пришлось исполнять. Как там у Александра Сергеевича? «Царь велит своим боярам, времени не тратя даром...» Так, кажется? Особо не заморачиваясь, Юра Ширяев выбрал себе для работы «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких, более осмотрительный практичный Роланд фон Штауфен предпочёл не рисковать, остановившись на «Иосифе и его братьях» Томаса Манна, Жанна же Сергеевна Назарова, девушка в юности малость экзальтированная, в чём-то даже мечтательная, ушла на «Тайное свидание» с Кобо Абэ. Необыкновенно романтическая вещица! Утончённым интеллектуалам настоятельно рекомендуем полистать на сон грядущий. Наивно было бы полагать, что профессорские чёрные списки тремя на-

шими юными филонами только и ограничивались. Отнюдь нет! Отметились в них, разумеется, и другие достойнейшие персонажи, но не о них нынче речь.

Недели за две до назначенного срока сдачи проекта Рол уже фигурировал в общаге гоголем и успел пару-тройку раз сцепиться с Пионером-Борькой по поводу роли и места еврейского мессианства в мировой истории вообще и трактовки отдельных фрагментов Пятикнижья в частности. Фон Штауфен напрягался, рычал, как перегруженный КАМАЗ в горах Дагестана: мол, он там был, мёд-пиво пил, все творившиеся вопиющие безобразия зрел воочию, а посему исказить что-либо, замалчивать подлинно-исторические факты никому, в особенности – друзьям, категорически не позволит! Борёк в ответ, брызгая ядовитой слюной, обзывал боша шмоком, сраным гитлерюгендовским ² недоноском, наседал с кулаками, клятвенно пообещав засунуть подслеповатые светло-карие немецкие глазёнки поглубже в его же волосатую тевтонскую задницу, мишуген бош! Интересно, однако, что бы Рол там увидел, а? С чем столкнулся? Гм... Знамо дело, с чем! Мда-а-а...

Маленько ошалевшая от душевного позитивчика классики японского авангарда, Жанна Сергеевна в Борькины с Роландом свары не вмешивалась, ходила себе бродила суме-

² Гитлерюгенд (нем. Hitler-Jugend, старая орфография Hitlerjugend) – молодёжное крыло Национал-социалистической немецкой рабочей партии. Запрещена в 1945 г.

речная по Академии, словно тень злодейски убиенного папы Гамлета, на вопросы отвечала невпопад или вообще не отвечала, категорически отказалась делать противостолбнячную прививку и чуть не покалечила химика-лаборанта из канадского сектора, некоего Огастина Фурнье, показавшегося ей отвратительно похожим на санитаря. Экзальтированность девичью будто дождём смыло. Надолго ли? Э-э-э-эх! В общем, всё, как обычно в подобных случаях.

Кроме Юры... У Юрика к тому времени вырисовался полнейший нескладос! И ладно бы парень сачковал там, бухал, как все нормальные студенты, или, скажем, по девкам шарился, ни фига подобного! Две недели просидел, точно гвоздями к стулу пришипленный. Головы, понимаешь, от стола письменного не поднимал, и всё впустую! Заколдованный какой-то оказался «Понедельник». Простой вроде, понятный текст, психополе порождает устойчивое, вполне рабочее, средней мощности. Реперы довольно легко определились, а вот матрица, ну, никак, сука, не клеилась и трендец – курсовому венец! То есть, по всему выходило, курсовому – трендец! То есть... Бл*дь, вконец запутались... Короче, трендец – венцу, и дело с концом! И это самое дело дурно, знаете ли, подванивало керосином – почитай, неминуемым отчислением гражданина Ширяева из Академии. Это на третьем-то курсе! Беспрецедентный случай!

Но... Не всё ещё, пожалуй, потеряно. Пациент пока скорее жив, нежели мёртв. Хе-хе! Первым на помощь, вполне

ожидаемо, примчался Рол. Совсем потерял из виду дружка закадычного, забеспокоился. Ну, разумеется! Свои-то проблемы все порешил, вандаба! – можно и о чужой беде полюбопытствовать. Хорошо, хоть так – когда есть, кому помочь. Двое суток друзья не ели, почти не спали, лишь кофе, кофе, кофе и неизменные сигареты. Взгрустнулось даже насквозь «пробурбоненному» хрипачу Тому Уэйтсу ³, из сочувствия и брутальной мужской солидарности переставшему сардонически ухмыляться с огромного постера на стене. Теперь он плакал. Верно, по тому же поводу, что и «наша Таня». Что ж! Не свезло парню, утонул-таки мячик, холи ш-ш-шит!

Многострадальная, выдавшая виды «пыжилка» ⁴ в первый же день раскалилась докрасна, приходилось её отключать ежечасно, дабы хоть немножечко охладить. Рол приволок откуда-то ещё пару мощных вентиляторов, но и они безнадежно не справлялись.

³ Том Уэйтс (07.12.1949 г.) – американский певец и автор песен, композитор, актёр. В числе прочих снялся в фильме Дж. Джармуша «Кофе и сигареты».

⁴ Лабораторный психогенератор (Psycho Generator Laboratory, PGL2310) английской компании EGP Bacon Group.

Жарища в комнате стояла страшная, ибо из кондиционера ещё прошлой осенью неведомо куда странным образом утёк хладагент. Куда? Зачем? Кто спёр? Озоновый слой, верно, разрушать намылился, хе-хе! Юрик же по безмерному головотяпству своему заявку на мастера-холодильщика коменданту с челобитной подать так до сих пор и не удосужился. Поэтому перегретые мозги снаружи остужали холодным душем, а изнутри – «Боржомом», изредка – пивком, за которыми, с искренним желанием помочь, позабывши разом все обиды, регулярно метался Пионер-Борька.

Матрицу перекраивали по-всякому, меняли корректирующие коэффициенты, фильтры, корреляторы, вводили дополнительные столбцы, строки, тут же их удаляли – в общем, обезьянничали, как могли, и даже однажды всю эту фиговину сдуру транспонировали. Получилась такая вещь в себе, вы не представляете! Такая, такая, да не та... Всё вокруг искрило, вибрировало, гудело, противно воняло серой и грозой. Со стола, заваленного грудями бесполезной макулатуры, испещрённой расчётами, графиками, диаграммами, потихоньку переместились на пол. Места больше, простора для бурной деятельности. До кучи софт ⁵ академический замороженный каждые пятнадцать минут зависал безжизненно, точно спинакер ⁶ в полный штиль. Короче, чего только не

⁵ Математическое обеспечение. Компьютерная программа.

⁶ Спинакер – тип паруса, предназначенный для использования на полных кур-

делали, всё безрезультатно! Выхлоп – ноль!

На исходе третьих суток мучительных страданий, когда двое осунувшихся горе-психостатов, развалившись на полу в состоянии полнейшей протрации, молча дымили, пялясь в потолок невидящими, покрасневшими от бессонницы и сигаретного дыма глазами, дверь внезапно открылась, и-и-и-и... Вошла она, одинокая Звез-з-зда пленительного счастья! Алиенора Сергеевна Аквитанская ⁷! Не вошла, вошла над миром! И это всё о ней: «Днём свет божий затмевает, ночью землю освещает – месяц под косою блестит, а во лбу звезда горит. А сама-то величава, выступает, будто пава; сладку речь-то говорит, будто реченька журчит» ⁸ – и немного о погоде:

– Чего ж это вы на полу-то разлеглись, мальчишки? Грязно ведь. Места другого не нашлось? ...Порнушку небось, как обычно, смотрите, мастурбашки? А девчонки ваши где? ... Вдвоём? ... Уау! ... Парни, совсем, что ли, прицел сбился?!

сах, от галфвинда до фордевинда. Как правило, устанавливается на ходу для достижения большой скорости судна при переходе на полный курс.

⁷ Алиенора Аквитанская (10.1124 – [31.03.1204](#) гг.) – герцогиня Аквитании и Гаскони. С 1137 г. – графиня Пуатье, в 1137–1152 гг. – [королева Франции](#), королева Англии в 1154–1189 гг. Одна из богатейших и наиболее влиятельных женщин Европы. Являлась супругой двух королей – короля Франции Людовика VII, а затем короля Англии Генриха II Плантагенета, матерью двух английских королей – Ричарда I Львиное Сердце и Иоанна Безземельного. Женщина, по свидетельствам летописцев, удивительной красоты, покладистого характера и добрых нравов.

⁸ А. С. Пушкин, «Сказка о царе Салтане».

Ха-ха-ха! Ну, вы в натуре даёте! Трам-та-ра-рам! – высокая стройная пышноволоосая особа подбоченясь нарисовалась в полутьме коридора.

– Ты вот, Юрий Иванович, крик души моей, слёзно обещался регулярно плезир, значит, девушке, а сам динамку который уж день крутишь, прячешься от меня, извиняюсь, как поц, да ещё с всякими тут... симпатичными взрослыми мужчинками... валяешься... Ай-яй-яй! – погрозила изящным пальчиком. – Некрасиво получается, ребятки! Дверь хоть бы запирали иногда. Люди-то, люди что подумают? Фу-у-у! А накурили-то! – наигранно помахала перед лицом рукой. – Дайте сигаретку, что ль, отравлюсь за компанию.

Глубокое грудное контральто моментально заполнило комнату волнующе бархатными вибрациями, резонирующими где-то в районе диафрагмы, неминуемо порождая тот самый, долгожданный выброс тестостерона со всеми вытекающими и, соответственно, втекающими физиологическими последствиями. И не будь наши друзья доками по части выдержки и самообладания – лагеря, полигоны, учения, чисто мужской коллектив, знаете ли, и прочее, – неизвестно, чем бы всё это закончилось! На самом деле доподлинно известно – милым таким междусобойчиком «на троих», и с утра по перваку было бы, наверное, неудобно, местами даже немножечко стыдно, но! С каждым последующим... хм... коллективным опытом... О-о-о-о! Так ведь далеко зайти можно! Хватит уже об этом, не срслось, и ладно! Поговорили, и бу-

дет! Хотя по большому секрету сообщим, некоторым, точнее – некоторой, временами ну очень того хотелось! Мартовскую кошечку в снях-то не удержишь, если только за хвост привязать. Да было бы кому! «Мальчишки» сей же момент вскочили, принялись тщательно отряхиваться, на руки плевать – волосы приглаживать. Хе-хе! Засмутились, будто их и впрямь на чём-то неприглядном подловили.

– Ба-а-а! Никак поправились? Давно ль, царица наша Савская⁹, из состояния сомнамбулического очнуться изволили? – Роланд паясничал, схоронившись на всякий случай за широкою Юриной спиной. – Поговаривают, после недавнего «психушного» бон вояжа в задумчивость болезную впали? Смотрите, как бы чего не вышло! Хоккеиста нашего, Огастина-то Фурнье с кафедры химии, очевидцы рассказы-вали, еле-еле из-под бульдозера выдернуть успели! Дрек мит пфеффер! – озабоченно покачал головой. – Полным ходом, говорят, пёр, нисколечко и не притормаживая! Катерпиллер, его мать! Да вы входите, входите, разлюбезная Жанна Сергеевна, не стесняйтесь, будьте как дома! Чего с порога-то распинаться, понимаешь, нервы соседям бередить!

– Гм! Вообще-то это мой дом, бубёныть! – попытался бочком, бочком втиснуться в разговор гражданин Ширяев. – Аз емь главный квартиросъёмщик, ежели что, а не этот при-

⁹ Царица Савская (X век до н. э.) – легендарная правительница аравийского царства Саба (Шеба), чей визит в Иерусалим к израильскому царю Соломону описан в Ветхом Завете.

хвостень...

– Хам трамвайный Огастинушка ваш Фурнье, малыши! – мурлыкала меж тем обладательница бархатного контрольта. – Вот и попал под раздачу. Слыхали? За-слу-жен-но! Впредь пусть знает, ещё круче по рогам схлопочет, – ножкой топнула капризно, – коли зуд похотливый в руках не уймёт, мазафака! Пока что я здесь главный решатель, кому трогать меня за попу, кому – нет! Все согласные? То-то же! Халат этот ещё на нём белый идиотский, а я, между прочим, под психокайфом¹⁰ тогда была, мне простительно. ... Волшеб-но! Пуф-ф-ф! Слегка подзатянулся, правда, процесс. С чего бы? Ума не приложу! ... Кто-нибудь читал «Тайное свидание» Абэ? ... Да-а-а-а, Юрец, вполне ожидаемо. Но ты-то, Ролик, уж точно должен быть в курсе моего душевного состояния, так ведь? Люди в белых халатах, бл*дь, япону маму их! Такие, знаешь... на всякое способные... там... ребята! Тебе хорошо знакомо, да? В связи с чем хотелось бы услышать, не стыдно вам, дорогой Роланд Иосифович...

– Йозефом папу моего звали, шайссе! – злобно прошипел бош. – Йо-зе-фом!

– ...напраслину на приличную девушку наводить, а? – невозмутимо проигнорировав тевтонское злобничанье, гостя плотно прикрыла за собой дверь, заперла на ключ и щеколду. – Взрослый дядечка, а сплетни дурные разносите, по-

¹⁰ Довольно распространённое стрессовое состояние после психостатического перехода. Человек как бы существует одновременно в двух реальностях (жарг.).

лучше любого сарафанного радио будет!

– Дык то ж, мадам Д'Жаннэт, не сплетни вроде, – немец смутился малость. – Очевидцы рассказывали...

– К вашему сведению – мадемуазель! Прошу не путать! А засранцу Фурнье с оказией передайте... Ручонки шаловливые нефиг распускать, блин корявый! Ясно вам?! Вырву и спички вставлю, курва матка! Понятно?! Жену пусть мацает... Или девку какую-нибудь стрёмную... Чего там ещё перспективненького есть у него? Собачка? Кошечка? ...На крайняк – кукурузину свою... мохнатую! ...У вас, кстати, кое-чему научилась, мусьё! Заметили?

Здесь красавица наша, ещё чуть-чуть мастерски выдержав паузу, вышла на свет белый, слегка возбуждённая беседой, разругавшаяся, явив, наконец, присутствующим неотразимое великолепие своё, вполне допустимо упомянуть – перевозданное, поскольку коротенькая туника тончайшего белого шёлка с золотистым узором по канве, едва-едва вуалирующая восхитительно округлую попку над длиннющими, фантастически красивыми ногами, больше распалела воображение, нежели вообще что-либо прикрывала.

Касаемо же иных славных достоинств, неизменно вызывающих жгучий интерес у большинства гетеропредставителей сильного пола кроме, разумеется, женских ног, поп и рисунка на любимой пижаме, прекрасно всё устроено было у юной леди, уж поверьте, господа! Великолепные формы, доннерветтер!

© Б.Соб

Fakir

А содержание-то, содержание! М-м-м-м! Пара сравнительно небольших, но чрезвычайно приятных на ощупь, наполненных сочной негой, очаровательных упругих полусфер с рельефно проступающими сквозь белоснежную ткань крупными тёмными пирамидками сосков. Объединение! Бл*дский размерчик – полноценная честная «трёшечка», самый, на наш весьма искушённый взгляд, что ни на есть востребованный мужчинами калибр! Смело на крупного зверя в поход! С одной лишь рогатиной! Весь лес – наш! И абсолютно не волнуйтесь, даже дуралейские меховые тапочки с огромными помпонами не спугнут добычу.

С лица её надлежало пить, пить и пить бесконечно! В огромных озорных раскосых васильковых глазах – вечное безоблачное небо! Ни единого облачка! Прямой почти классический нос, красивые, в то же время твердые, решительные губы, как и широкие скулы с ямочками на щеках, очаровательной, слегка удлинённой формы аккуратные ушки, отнюдь не вносили диссонанс в облик сего удивительно гармоничного творения Создателя, лишь добавляя ещё и ещё чувственности. Море, океан чувственности! Венчала всю эту красоту копна густых огненно-рыжих непослушных волос. У-у-ух! До чего хороша, чертовка! Слов нет! Одни жесты остались, потому умолкли все разом. Зарруга, гааш!

– Рыбонька моя! – Юрий оклемался, разумеется, первым, ему-то эти ножки восхитительные и всё с ними связанное

явно давно уж не в диковинку. – Ты куда это собралась, милая?

– Да к этой... К Бобкиной. Ну, ты же её знаешь... Оленька. Такая, тёмненькая, с хорошими сиськами... С нашей кафедрой. Двумя этажами выше живёт. А что?

– Почему такая... гол... гм... легкомысленная?

– Заодно думала мышонка своего проведать. Целых три дня уже не виделись! Как ты мог так со мной? – ворковала Жанна Сергеевна, опасно сближаясь. – Для тебя старалась. Мышонок скучал по мне? – обернулась вдруг с лукавой усмешкой. – Между прочим, Ролик, неровно дышит девушка к тебе. Обратил бы на неё внимание, котёнок, все уши прожужжала!

– Которая из них, мадемуазель?

– Не строй из себя тормоза, малыш! О ком мы только что говорили? Пойдём в гости со мной, заодно поближе познакомишься!

Опасное сближение благополучно завершилось успешной стыковкой. Требовалось лишь некоторое время для проверки функционирования всех систем, прежде чем открыть переходной, точнее – входной шлюз. Процесс пошёл.

– О-о-о-о! Далась мне эта корова. Гезицтскрапфн-н-н ¹¹! Пушай себе дальше жужжит! – отворачиваясь, дабы не перегреться, еле слышно бормотал Рол. – Хм! Оленька! Тьфу! –

¹¹ От Gesichtskrapfen (нем.) – уродина (дословно – «лицо-пончик», «лицо-оладья»).

фикен её... Бедный Юрка! С такой шикарной тёлки мигом умом тронешься! Шикса! Только от дела отвлекает! Холишит! Топала б себе мимо и топала к своей любимой Бобкиной, курва matka боска!

– Что, Ролик, милый? – васильковые озёра затягивали неумолимо, словно водовороты. – Не расслышала я.

– Ничего, ничего! Не обращайтесь внимания, дети мои. Занимайтесь своими делами.

Когда одаряют такой улыбкой, хочется плакать от бессилия. Потому, что не твоё. И непреодолимо тянет, точно собачонка мелкая, изо дня в день носить, носить, носить в зубах идиотские тапочки с помпонами за право хоть иногда, хоть когда-нибудь с щенячьим восторгом лизнуть хозяйку в носик, шейку, в ушко. А могут ведь и в кроватку допустить, в ножках полежать! О-о-о-о-о! Случается же такое с наручными собачками, и довольно-таки часто! Но, к сожалению, не со всеми.

Юре вот, типа, свезло. Он и замельтешил как-то сразу, засуетился, стал слёзно упрашивать Роланда и весьма некстати припёршегося с минералкой Пионера-Борьку оставить их с Сергеевной наедине. Ну хоть на полчаса, хоть минуточек на двадцать девять с половинкой! Странновато, честно говоря, смотрелась со стороны трансформация фактически свершившегося уже конфедеративного Маршала – бойца до мозга спины, ядрёна вошь! – в считанные минуты ставше-

го вдруг эдаким чихуахуа ¹², вытанцовывающим, свесив на бок влажный розовенький язычок, перед хозяйкой на задних лапках за кусочек пусть и вкуснейшего, сладенького, но всего лишь сахарку. Ой-ля-ля... И не стыдно?

Что ж, всяко бывает. Зов плоти порою берёт верх над благоразумием. Лишь бы в пагубную привычку не вошло – тогда всё, сливай воду, пропал человек! Как специалист требуемой квалификации, разумеется. В чём-то другом, возможно, и прибудет у него, хоть вовсе и не факт. То-то же, други мои! Долго уговаривать ребят не пришлось, с пониманием отнеслись к сложившейся, выражаясь галлицизмами фон Штауфена, аховой ситуасьён. Вульгарите, как говорится, оно и в Бужумбуре ¹³ – вульгарите, но подмечено метко, именно – аховой! Борёк минералку зачем-то с собой забрал. Была нужда ему с ней таскаться?

В общем, сначала в столовку к америкосам забрели. Думали поклевать маненько, без каких-либо излишеств, переяданий безбашенных, не тут-то было! Встретили местного завсегдатая – Добряка Ральфа, тут же свинбургерами с ним напихались до отвалу, мочи Микки Мауса ¹⁴ опились. Жрать-то, оказывается, как хотелось! Ужас! И потом, в хорошей компании, да под скабрзные мужеские разговорчики хав-

¹² Чихуахуа – самая маленькая порода собак, названная в честь мексиканского штата Чиуауа, где она была обнаружена в конце XIX столетия.

¹³ Столица африканского государства Бурунди.

¹⁴ Кока-кола.

чик, согласитесь, пролетает незаметно. Сколько в топку ни кинь, всё впрок! Гм... До поры до времени... По два профсоюзных талончика спустили, прежде чем налопались! Обычно одного на двоих вполне хватало, ежели не роскошествовать и форму спортивную поддерживать. Ну, не сдержались! Не змогли, переусердствовали сгоряча!

Хотели уж возвращаться – опять передумали. Решили ещё чуток времени голубкам дать, пусть поворкуют! Вышли из Академии, прогулялись до ближайшей студенческой забегаловки на Карлхайнц-Штокхаузен-штрассе, пропустили по паре жбанов пивка, поторчали под классику немецкого авангарда. После чего Борёк категорически заявил, что страшно устал, что от этой какофонии у него дико разболелась голова, и поплёлся восвояси, спать. Между тем пара часов, наверное, уже прошла, хватит, по идее, ворковать-то! На месяц вперёд намilовались небось! Роланду ничего иного не оставалось, как вернуться к постылым матрицам, «пыжилке» холодной, другу своему – Юрке Ширяеву. И подружке его...

– Входите, мальчики, не заперто!

– Один нынче я! Хм... Мальчик...

– А где Боренька потерялся? Ха! Ну и ладненько. Так даже лучше, суеты меньше.

Судя по всему, совсем ещё недавно в комнате было жарко. Очень жарко! Не в смысле, ясный пень, экстраординарного повышения градусов Цельсия или, скажем, Фаренгейта, вовсе нет! Жаркие любовные баталии раскалили атмосферу

Юркиной берлоги, не иначе.

Стартовало оное действо, видимо, здесь же, на рабочем столе, отсвечивающем теперь посередь комнаты девственно чистой, до блеска натёртой столешницей. Будто бы случайно забредший на огонёк Мистер Пропер¹⁵ тщательнейшим образом обработал поверхность своими симпатичными флаanelевыми штанишками. Кроме того, с порога бросавшаяся в глаза нынешняя его, стола, неустойчивость – просто-таки вопиющая кривизна! – чего доселе определённо не наблюдалось, скорее всего, свидетельствовала о безнадёжно сломанной ножке, повреждённой, вероятно, вследствие излишней нагрузки или, быть может, некоего чрезмерно энергичного расшатывающего воздействия. Интересно знать, какого? Что бы это могло быть? Мда-а-а... Вопросов больше, чем ответов.

Затем звериные игрища, предположительно, переместились в ванную, многочисленные чему свидетельства – лужи на полу, валяющиеся там-сям мокрые полотенца, тапочки, иные интимные принадлежности. Какие-такие интимные? Трусы мужские!

Завершилось же всё в конце концов вполне традиционно, на огромной Юркиной постели, где Роланд обоих участников шалой вампуки, собственно, и обнаружил. Ширяев возлежал на спине, красив, словно африканский буйвол, огром-

¹⁵ Универсальное чистящее средство, разработанное и производимое американской компанией P&G.

ный, мускулистый, широко, подобно буйволиным рогам, раскинув руки, и отчаянно храпел. Рядом, изящно поджав поблескивающие темно-алыми ноготками стройные ножки, притулилась разлюбезная Жанна Сергеевна и как ни в чём не бывало наводила изрядно поистёртый марафет.

На ней был любимый Юркин махровый халат, и всё бы хорошо, коль не было б столь... мягко говоря, эпатажно. Ибо, небрежно накинутый на плечи, он вообще ничего не прикрывал, бесстыдно выставив на всеобщее обозрение потрясающую женскую нагую фактуру, зовущую, возбуждающую порочную красоту, простецкое созерцание которой уже само по себе явилось неслабым испытанием для легкоранимой тевтонской психики. Сердцебиение, знамо дело, участилось, слюноотделение, соответственно, повысилось, штаны зашевелились. Стыдоба-то какая! Ой-ёй-ёй! Бош судорожно, громко сглотнул.

– Что-нибудь не так, малыш? – в широко открытых васьильках невинное озорство смешивалось с лёгким налётом удивления.

– Ну-у-у, знаешь! Так сразу и-и-и... Тебе не холодно?

– Жарко! – искусительница повела плечами и – р-р-раз! – к неописуемому ужасу Роланда осталась в чём мать родила.

– Жанин, дорогая! Я так не могу...

– Что скажешь, малыш? – с обворожительной улыбкой приподняла руками и без того высокие, красивые груди, кокетливо теребя изящными наманикюренными пальчиками

призывно торчащие спелыми виноградинами крупные соски. – Как тебе обнажёночка? Нравится?

– Грхм! Нет, то есть...

– Не-е-ет?! – мелькнули голубые грозы-молнии. – Ты хорошо подумал-то, парень?!

– Ну, то есть, да и-и-и... в то же время нет... Ты же понимаешь, Юрка, всё такое...

– Брось, Ролик! Не будь занудой! – грозы прошли, васильки на ветерке колеблются, играют. – Живи сейчас! Лови момент, мастурбашка!

– Добро... Гм... Попробую... Надолго? – стараясь не смотреть в её сторону, кивнул на спящего гиганта.

– Думаю, до утра.

– Бля-я-я, вот попадалово-то! Однозначно не успеем!

– Да что случилось-то? Юрка вона тоже блял что-то невнятное... Говори толком!

Далее следовало пространное сбивчивое изложение событий последних трёх дней вплоть до сего момента, обильно перемежаемое немецкими, французскими и – куда ж без них-то! – русскими антиэвфемизмами. Сергеевна слушала внимательно, задавала правильные вопросы и даже к вящей радости присутствующих накинула халатик. Дослушав до конца, некоторое время о чём-то молча с серьёзным видом размышляла, наконец прервала молчание:

– Тут такая штукавина, значит... Классическую экрани-

зацию Гарри Поттера ¹⁶ смотрел? – дива выстукивала ногтями незатейливый ритм. – Не ваш скучный мультик и не наш современный бестолковый ремейк, а старый культовый фильм Криса Коламбуса ¹⁷, плоский ещё, с Эммой Уотсон ¹⁸ в роли Гермiony?

– На первом курсе все баловались, самая простая матрица...

– Ты не понял, котёнок. Я не о том. Я о той самой облезлой обезьянке – Гермione, постоянно вытаскивающей двух юных разгвоздяев из всяческих щекотливых ситуаций. Именно, кстати говоря, благодаря офигительной женской интуиции, как это ни странно, блонди-логике и ответственному отношению к порученному делу. То есть к учёбе. Уяснил? Так вот! – безапелляционно подытожила она, подведя контур бл*дских, влажно полуоткрытых, перманентно толкающих на ляmurные интрижки губ и, лукаво подмигнув, с ободряющей улыбкой наглухо запахнула халат. – Я – в сто раз круче! Давай-ка, малыш, тащи сюда быстренько свою грёбаную курсовую!

– Бросьте вы это дело, мадемуазель Д’Жаннэт! Мы тут трое суток уже выё*ываемся, кривляемся, точно девки в вит-

¹⁶ Гарри Джеймс Поттер – главный герой серии романов английской писательницы Джоан Роулинг.

¹⁷ Кристофер Джозеф Коламбус (10.09.1958 г.) – американский кинорежиссёр, сценарист, продюсер и писатель.

¹⁸ Эмма Шарлотта Дюэр Уотсон (15.04.1990 г.) – британская киноактриса и фотомодель.

ринах Де Валлена ¹⁹, и всё без толку!

– Тащи, тащи! Гляну, покуда хорёчек мой дрыхнет сладенький, – с нежностью огладила распластанное рядом бездвижное тело. – Всё одно сидим, бездельничаем. И прикурите уже кто-нибудь даме сигаретку, плиз!

Особых противопоказаний к тому, честно говоря, не имелось. Госпожа Назарова, вообще-то, несмотря на неужёдную тягу к дурным компаниям, училась всегда хорошо, а в психостатике петрила особо хорошо! Даже Брукмюллер иногда её похваливал, что, как обычно, вызывало у многочисленных завистников вполне закономерный вопрос: за то ли петух кукушку хвалит, ась? Всяки разны слухи по Академии гуляли, однако в одной постели никто их так и не заловил.

С произведением Кобо Абэ, опять же, с позиции науки довольно-таки зубодробительным, справилась Сергеевна отменно и безо всякой посторонней помощи. Вот и сейчас, обложившись многочисленными таблицами, справочниками, методичками, нацепив слабенькие Юрины очки на свой хорошенький классический носик, отрешённо погрузилась в сложнейший тензорный анализ ²⁰ ... хм... сложившейся си-

¹⁹ Де Валлен – крупнейший и наиболее известный из кварталов красных фонарей в Амстердаме. Состоит из сети переулков, где расположены примерно триста однокомнатных апартаментов с витринами, арендуемых проститутками, выставяющими напоказ свои сексуальные услуги за окном или стеклянной дверью, обычно освещённой красным светом.

²⁰ Тензорный анализ – обобщение векторного анализа, раздел тензорного исчисления, изучающий дифференциальные операторы, действующие на алгебре

туаации. При этом наблюдать за увлѣкшейся девушкой, согласитесь, всегда интересно. Тем более – прехорошенькой!

Так же и герой наш с доброй улыбкой исподтишка посматривал, как его молоденькая визави забавно щурится, мило гримасничает, облизывает пересохшие губы, утомлѣнно закатывает глаза, морщится, нетерпеливо теребит высокий открытый лоб, трепет подбородок, грызѣт ручку, разумеется, не с той стороны, потом смешно высовывает посиневший кончик языка, косит на него удивлѣнные глаза, почѣсывается в разных местах, приличных и не очень, смачно цыкает зубом, похлопывает себя по бѣдрам, ѣрзает, мычит, ворчит, постанывает, протирает очки, тут же залапывает их, снова протирает, охает, ахает, периодически ворошит копну непослушных рыжих волос и иногда, забываясь, мурлычет гимн России.

– Очки?! – удивился Роланд, раньше ведь никогда не видел Жанну Сергеевну в очках. – Тебе, кстати, идут.

– Я линзы обычно ношу. Бесцветные. Слушай, не мешай, а?!

– Хорошо, хорошо! Умолкаю.

Где-то через час:

– Вы реперы для какой базы рассчитывали?

– Сначала «фантастика», потом – «сказка». Что-нибудь не

тензорных полей $D(M)$ дифференцируемого многообразия M . Рассматриваются также операторы, действующие на более общие, чем тензорные поля, геометрические объекты: тензорные плотности, дифференциальные формы со значениями в векторном расслоении и т. д.

так?

– Всё так. «Сказка» – правильный выбор.

– По-всякому пытались. Не выходит каменный цветок, хоть убейся!

– Не нужно!

– Что не нужно?

– Убиваться! Помолчи, пожалуйста!

Ещё через час:

– Сможешь мне результирующую психограмму для каждого элемента слойки на третий экран вывести?

– Одновременно?! Да там их больше...

– Не тупи! По группам, разумеется.

– Кайн проблем²¹!

– «Пыжилка» одна? Есть резервная? Нет? Жаль. Значит, так: объединяй: сто восемнадцатый столбец, двенадцатая строка и по два столбца в каждую сторону, та же строка. Выводи, смотреть будем. Та-а-ак... Что там у нас? Ничего особенного. Что ж... Сохрани куда-нибудь коэффициентик, плиз. Дальше поехали...

²¹ От kein Problem (нем.) – без проблем.

Три часа с хвостиком минуло. И ещё час. Датчик температуры плаксиво пискнул, «пыжилка», в который уже раз, выключилась. Судя по всему, надолго. Погас экран, другой, третий. Комната погрузилась в полумрак. Жанна сняла очки, откинулась на спинку кресла и некоторое время сидела так без малейшего движения, уставившись взглядом в пустоту. Стало непривычно тихо, лишь Юрка ворочался, посапывая во сне. Роланд тоже, почитай, около часа, как прикемарил в дружеской компании, но теперь очнулся и наблюдал за происходящим с живейшим интересом. Дождался, наконец, заговорила девушка:

– Тут такая штукавина, значит... Можете пыхтеть сколько душе угодно, малыши, ничегошеньки у вас не выйдет! – встала, длинно томно потянулась, присела на краешек кровати. – Знаешь почему? Потому, что я умница, Белоснежка, а вы... Мужик, ну ты понял, да? Ха-ха! Гоблины, гномы, вот кто! – вальяжно откинулась на подушки, заложив руки за голову. – Короче-е-е... Короче, берусь решить вашу задачку, но! – снова вскочила, придвинувшись вплотную к Роланду. – С одним условием, зайчик. Предлагаю пари! – жарко зашептала ему прямо в ухо. – Если всё получится по-моему, я тебя оттрахаю, ежели нет – ты меня, как сидорову козочку, отъездишь разочек-другой. Договорились? Ты ведь хочешь меня, котёнок? Правда? Стра-а-ашно хочешь и давно!

– Найн, найн унд нохмальс найн ²²! – взвопил Роланд. – И не подумаю!

– Не ори, люди спят! – прижала палец к его губам. – В чём причина твоего глупого отказа? Только тихо!

– Слушай, ты это всё серьёзно или шутики шутишь?!

– Очень серьёзно! Ты человек слова, сказал – сделал. Я тебя знаю. А-а-а... Там, дальше, видно будет. Согласен? Ты же на двести процентов уверен: не выйдет у меня ни чёрта! Чего боишься-то?

– Вовсе я не боюсь! Дрек мит пфэффер! Просто... Просто нечестно получается, и в том и в другом случае мы должны... это... Как это... Короче, Юрка мой друг, не могу я...

– Значит, пусть Ширяева выгоняют, так по-твоему?! Даже шанса ему не дашь?! Минимум миниморум ²³?!

– Почему? Ничего подобного! Как проснётся, сразу же продолжим изыскания. Глядишь, и поспеем. Гм... Канн зайн ²⁴.

– Вот именно! Может быть! А может и не быть! Я же тебе предлагаю быстренько, пока командир спит, проверить мои чисто гипотетические предположения, и всего-то! Чем ты рискуешь? Ха-ха! Девственность тевтонскую замшелую потерять?

– Пока спит?

²² От Nein, nein und nochmals nein! (нем.) – Нет, нет и ещё раз нет!

²³ От minimum minimorum (лат.) – «меньше меньшего», малипусенький.

²⁴ От kann sein (нем.) – может быть.

– Да!

– Всё равно, нечестно!

– Давай договоримся иначе. Если у меня получится – мы с тобой перепихнёмся. На радостях. Пару раз. Много?! ... Хорошо, хорошо! Е-ди-нож-ды! ... Нет, ну вы видели?! Люди тут пороги околачивают, мун лайт серенады... чаттануги... эти... чу-чу... под окнами горлопанят с ночи до утра, а этого парня я уговариваю! Как маленького! ... Более никаких условий! Понимаешь? Всего одно условие! Получится – потрахаемся! Не получится – не потрахаемся! Согласен? ... Да, да, всё-таки два! Но в одном же? И поскольку первое, по твоему же глубочайшему убеждению, в принципе невозможно, то, естественно, остаётся лишь второе! Нет поводов для треволнений, соглашайся, котёнок!

– Ладно. Уговорила, речистая! Согласен. Шайссе! Но только пока спит!

– По рукам! Ребятишки, телефонку дайте уже кто-нибудь. Для вас же стараюсь!

– А свой?

– Не брала. Положить некуда было.

– А в...

– Кто о чём! Ха-ха! Никак нет, Ролушка. К любимому так торопилась, аж трусики забыла надеть!

– Ты что же это, Жанин, зайка, через всю общагу топала совсем без никому?! Голая почти?! Холи шит! – бош горестно схватился за голову. – А мужики-то не знали! Ой-и-и-и!

– Алло! Максик? ...Будьте добры Максимилиана Варламовича, пожалуйста! ...Спасибо! ...Алло, Максик, отрывай-ка от дивана свою толстую задницу и тащи её в общагу! Быстренько! Поторопись, вопрос жизни и смерти! ...Чьей? Чуть проваландаешься, твоей будет! ...Мы тебя у Юрки Ширяева ждём. ...Что значит: не хочешь?! ...Лень?! ...Ты не забыл, что должен мне, так, между прочим? И, кстати, тут господин Ширяев подозрительно живо интересуется, за что же, собственно, ты мне должен-то, а? ...Рассказать? ...Уверю тебя, мужчинка зверски расстроится! Впечатлительный такой, просто ужас! ...Вот-вот, я бы сказала, слишком нервный. А-а-а... Знаешь его? Знакомы? ...Замечательно, представлять друг другу не понадобится. ...Мне-то он по-любасику всё простит, уж я-то постараюсь! М-м-м... По крайней мере, есть чем. В отличие, кстати, от тебя, парниша! Ха-ха! ...А вот ты после этого расстроишься! ...О-о-о-о! Ты себе даже не представляешь как! Так расстроишься, уверяю, кушать не сможешь. Ха-ха-ха! Пока зубные имплантаты не вставишь! ...Какой шантаж, Максик? Ты это вообще о чём? ...Я и сама... это... удалить могу, без посторонней помощи. ...Просто мы все ужасно рады будем тебя видеть! ...Веришь?...Я злая?! ...Ах, зая! ...Встретим. ...Проведём. ...Накормим. Да, кстати, чуть не забыла! Чемоданчик свой волшебный сразу прихвати, чтобы потом лишний раз не мотаться! ...О'кей! ...Жду! Целую в пимпочку! ...Пока-пока! ...Чмоки-чмоки!

Звонила Жанна Сергеевна не кому иному, как Максимилиану Варламовичу Гонченко с Кафедры математического обеспечения прикладной психостатики. Симпатичный, должно отметить, паренёк.

Рыженький, голубоглазый, улыбчивый, но паскудный, сил нет! Просто больной на голову какой-то! Обожал всем всё обещать на своём же голубом глазу и никогда ничего не выполнял. За что частенько в этот самый глаз и получал.

Били сильно. Особенно – злые латиносы. Иногда до беспомощности. Что интересно, вины за собою ни в коем случае не признавал, всегда сваливая на кого-нибудь другого либо на метафизические обстоятельства неодолимой силы. Сокурсники, сотрудники кафедры в едином душевном порыве Максика недолюбливали и за глаза звали его просто – Гондонченко. Однако программки кропать он намастырился и в любую систему проникал без вазелина. За то и терпели уродца, не убивали. До поры до времени.

– Тьфу! Тошнилово эти твои: «пока-пока», «чмоки-чмоки». Слушать противно, шайссе!

– Мне, думаешь, не противно? Приходится...

– А «целую в пимпочку» – это, извините, куда?

– Ну... Скажем так... У вас с Юркой члены, а у Максика – пимпочка. Грибочек тоже сойдёт. Только не боровичок – скорее опёночек.

– Добрая вы, госпожа Д’Жаннэт!

– Да уж, не злая, эт точно!

– Позволь полюбопытствовать, страшно интересно! За что же он тебе должен-то?

– Ты не поверишь, Ролик, дело выеденного яйца не стоит!

Подумаешь, минетиком пару раз осчастливила, и всего-то! Это, по-твоему, преступление?

– Как посмотреть. Мне-то, скажем, глубоко пофиг. Хотя, честно говоря, не до конца понятно, за что этот самый мерзкий тип... гм... феррюкнутый гражданин Кондомченко, фикиен его, сударыня, удостоился вашей благосклонности. А вот Юрию Ивановичу явно не пофиг, уж поверьте! Он у нас парень дерзкий, доннерветтер!

– Да как ни посмотри! Всем пофиг! И Юрке в том числе.

– Жанночка, Жанночка! – Роланд хамливо пощёлкал пальцами перед её лицом. – Ваша маниакально-депрессивная настойчивость, юная леди, граничащая иной раз с непрошибаемым просто-таки ослицизмом, в вещах не столь, согласитесь, очевидных весьма-весьма порою настораживает! Не перегибайте, плиз!

– Э-э-эй! Ну ты не очень-то тут кочеврягу кочевряжь, мазафака! – Сергеевна в точности воспроизвела неприличные жесты фон Штауфена возле самого же его носа. – Здесь вам не приём у психиатра, а я не пациентка! Зато в Академии по муай-тай²⁵ и, кстати, панкратиону²⁶ – первая в абсолюте! Смекаешь? – довольно жёсткая, согласитесь, заява. – Кстати, по поводу ослицизма... Ха-ха! – тут же, как ни в чём не бы-

²⁵ Тайский бокс, или муай-тай – восточное единоборство происхождения из Таиланда.

²⁶ Единоборство с минимальными ограничениями. Фактически бой без правил.

вало, замурылыкала мягко, будто кошечка. – Ролик, милый, уж кто бы говорил! Сам же против очевидного упираешься упрямее всякого осла! Ладно, полчасика – минуточек сорок есть в запасе у нас, покуда толстосвин добирается. Так и быть, разъясню тебе... Как ты любишь говорить, ситуасьён, да? Вот её, родимую, и разъясню! Слушай, значит, сюда, малыш. Прикурю только...

Должно отметить, у любого мало-мальски нормального человечка – свои тараканы. Банально, но факт! Причём отсутствие в голове сих благословенных насекомых – отнюдь не показатель какого-то там, знаете ли, особенного порядка или, скажем, умственного благополучия. С чего вы взяли?! Скорее наоборот – повод для серьёзнейшего беспокойства! Самое время озаботиться, уж не вакуум ли сверхглубокий в головушке образовался? Быть может, кость сплошная? Сладкая вата? Хмелеграб ²⁷? Кока-кола?

Ещё случаи часты, ежели крыша напрочь прохудилась и в непогоду течёт, понимаешь! Тогда сквозь образовавшиеся дыры небо со всеми его небожителями и без телескопа хорошо видать. Как на ладони! Только вот незадача-то – заливает частенько огонь в очаге, оттого волшебный горшочек плохо варит. Всё каша да каша. Пусть и овсянка, сэ-э-эр!

Ах как хочется жаркого или щец томлёных иногда, вы себе не представляете! ...Тоже каша сплошная в голове?! Что

²⁷ Разновидность «железного дерева». В России встречается на Кавказе и в Крыму.

ж, с кем не бывает... Не огорчайтесь! Главное ведь – не падать духом. Овсянка – склизкая зараза, поговаривают, через нос хорошо выходит. Чем бы головку забубённую продать? Губами окаянными, думами потаёнными, размышлениями у парадного подъезда, хоть чем-нибудь! Мда-а-а... У парочки нашей сладкой, кстати, в порядке всё с тараканами, даже говорящие сверчки кое у кого на чердаке обретались.

Жанна Сергеевна – та вообще дама, надо сказать, способная, прибабасов – полна коробочка! Однако сводились они в большинстве своём к нормальному здоровому, пусть и весьма... хм... разнообразному блудству. Не то чтобы болезненность какая психическая у девушки наличествовала, боже упаси! Просто предпочитала мадемуазель Назарова это дело всем остальным своим многочисленным хобби. И потому, оказываясь порою пред нелёгким – ох, нелёгким! – выбором, всегда героически выбирала матумбу.

Несомненно одно: упрекать в чём-то юную леди бессмысленно, ибо не прожив, как известно, – не переживёшь, не попробовав – не познаешь вкуса! У каждого из нас, что бы там ни вопили тошные идеологи всех мастей и окрасов, крестопузые попы, культуртрегеры, придворные писаки, журналюги, прочая шваль прикорытная, свой, индивидуалистический, так сказать, путь к совершенству. Хоть карандаши точите, хоть блох подковывайте! А хоть и в стог сена...

«В стоге сена у реки,
Подчиняясь зову тела,
Пересудам вопреки,
Целомудрию не внемля,
Ждёшь с томлением груди
Новых встреч в зовущей неге,
Безгреховность в забытии,
Где-то там, в далёком небе.
Пусть изведает тебя
Любодей, пресытив чресла,
Не попробуешь огня,
Лишь вкушая пицци пресной.
Встав на путь любви утех,
Не печалься, в путь-дорогу!
Быть желанною для всех —
Значит, так угодно...»! ²⁸

С Роландом же гораздо интереснее дела обстояли. Гм! Как-никак действующий службист. Да-а-а-а... Бывают же чудачества у людей! Его, при всей скрытности, профессиональном умении вести себя и положительных анкетных качествах, конкретно плющило, например, от вида курящих дам! Йо-хо-хо! А вы не знали?! Обхохочешься! Разумеется,

²⁸ Юлия Дии, «Распутье у реки».

далеко не от всех, предпочтительно – рыжих и голых. А ещё лучше – в одной с ним постели! Причём плющило по-страшному, просто-таки колбасило! Согласитесь, не стоит сказанное воспринимать буквально, иначе большинство людей давным-давно уж ходили б, бродили по матушке-земле плоскими и зелёными. Хотя, спору нет, подобное встречается – из засады хорошо кошелёк на верёвочке сторожить, вместо коврика перед дверью лежать и под неё же удобно просовываться. Во всём свой резон.

Тащился он, словно церковная мышь по шкварке: восторженно шевеля дрожащими усиками, пуская слюни, шумно принюхиваясь и пища: пи-и-и-и-и! Того и гляди в мышеловку угодит! Тонус организма, сами понимаете, поднимался, чего вполне достаточно, дабы считать сей фактор весьма, весьма в жизни положительным.

Однако обладательницам сарделечных пальчиков с обгрызенными ногтями и облупившимся маникюром, нервно мнущим, крошащим несчастные сигаретки, ловить в подобных случаях абсолютно нечего, равно как и малахольным мокроносым созданиям, втянувши голову в плечи, частыми жадными затычками высаживающим на бегу сигарету за сигаретой. Жалкое зрелище, уж поверьте, положительных эмоций у стороннего наблюдателя не вызывающее, кроме, разве что, лёгкой брезгливости и недоумения: девочки, а вам-то за коим лядом, спрашивается, всё это нужно? Уродов рожать? Задумайтесь...

Различной степени перезрелости офисные леди, эдакие молодящиеся силиконово-декольтированные Кристи и Энджи – стройняшки на каблучищах, отчаянно хватающиеся за всякие новомодные штучки в тщетных попытках выглядеть современно и демократично, часами картинно торчащие в курилках, фигурия безжизненными, иссушенными фитнесом талиями и бёдрами, вынося друг дружке остатки мозгового вещества стерильно-бессмысленной болтовнёй, успевая при этом украдкой зыркать по сторонам, оценивая произведённое впечатление, поверьте, тоже давным-давно уже никого не впечатляют!

«Мозги жареные в сухарях. Буфет на вынос не торгует!»

Администрация

Милые женщины, не можете что-то делать красиво, не делайте этого! Ежели вы не голубоглазая, широкоскулая рыжая бестия с томным взглядом, красивыми чувственными губами и очаровательными ямочками на щеках – ну его на хрен! Бросайте курить, к бениной матери, здоровее будете! Да-а-а-а... Как это ни прискорбно, старина Роланд до одури любил порочных красавиц. Именно такая пред ним сейчас и обреталась:

– Ролик, милый, ау! Ты меня слышишь?

– Ага, Жанин, ласточка! И вижу...

– Что, тяжко? Ха! Тебе же предлагали, котёнок! Хм... Мо-

жет, ты не понял? Хочешь прямо сейчас, здесь? Меня...

– Всё я понял! Во-первых, здесь и сейчас ты, слава богу, себя не предлагала, а во-вторых, я что же, по-твоему, похож на самоубийцу?! Вдруг Юрка, хурензон, проснётся?! И вообще, мне кажется, кто-то что-то хотел разъяснить...

– Уже лучше, малыш! Последнее твоё сомнение осталось: «Вдруг Юрка проснётся?» – передразнила она Роланда. – Хурензон! Так гораздо лучше! Но... Согласная я, не стоит торопиться. Да, мой хороший? Я тобою позже полакомлюсь. На десерт. Мы ме-е-едленно спустимся с горы и ме-е-едленно, ме-е-едленно выеб...

– Слышь, Сергеевна, хорош трепаться, давай-ка лучше Юрку спасти! Там видно будет. Хм...

– Максик прибудет, сразу же бросимся спасать, не сумлевайся! Со всех ног! Да не переживай ты, Ролушка! Лица на тебе нет! Вовсе никакая я не нимфоманка. Просто захотелось поприкалываться. Всего-то делов!

Прециозно затянувшись, Жанна изобразила пару очаровательных кокетливых колечек и, манерно запрокинув голову, не спеша выпустила в потолок густые струи дыма. Глаза с поволокой полуприкрыты в истомлённой неге, изящные ноздри чувственно трепещут, восхитительные холмики грудей равномерно вздымаются под халатом. Ниже... Лучше и не заглядываться! Впечатлительный бош чуть с ума не сошёл!

– ...Тэ-э-эк-с. Тут такая штуковина, значит... Что же каса-

ется нас с Юрием Ивановичем... Честно признаюсь, непросто отношения складывались. Чрезвычайно непросто! Ревнивый оказался мальчик. Ну вылитый король Артур! ... Ты мой золотой! – дива заботливо подоткнула одеяло дрыхнущему без задних ног Ширяеву. – Удивительное дело, да? Только вот, малыш, твоя покорная слуга – не мягкотелая Гиневра. Неувязочка, понимаешь! Меня в богадельню, тобишь монастырь, и чёрною икоркой-то не заманишь! Разве что в мужской. Тогда, пожалуй, и заморской, баклажанной, обойдётся. Низкобюджетный, так сказать, вариант. Ха-ха-ха! Сама на безрыбье попрошусь!

С последними словами Назарова ланью грациозной соскочила с кровати, загасила сигаретку в плесневелом кофейнике, размяла ноги, походила, попрыгала, игриво взъерошила Роланду волосы, вернулась под Юркин тёплый бочок и, удобненько устроившись, продолжила:

– Ежели помнишь, сошлись мы близко с Юрием около года назад. Хотя о чём это я? – на твоих глазах ведь всё происходило, у тебя дома, в уютной маленькой, утопающей в садах, деревушке в предместье Дрездена. Ты же нас и свёл, поросёнок! – приятные воспоминания доставляли рассказчице явное удовольствие. – И тогда сразу же с любимым обговорено было: так, мол, и так, хочешь со мною быть, мышонок, давай сразу договоримся, личная свобода – дело святое, никаких посягательств! – шутливо погрозила она. – Низззя-а-а-а!

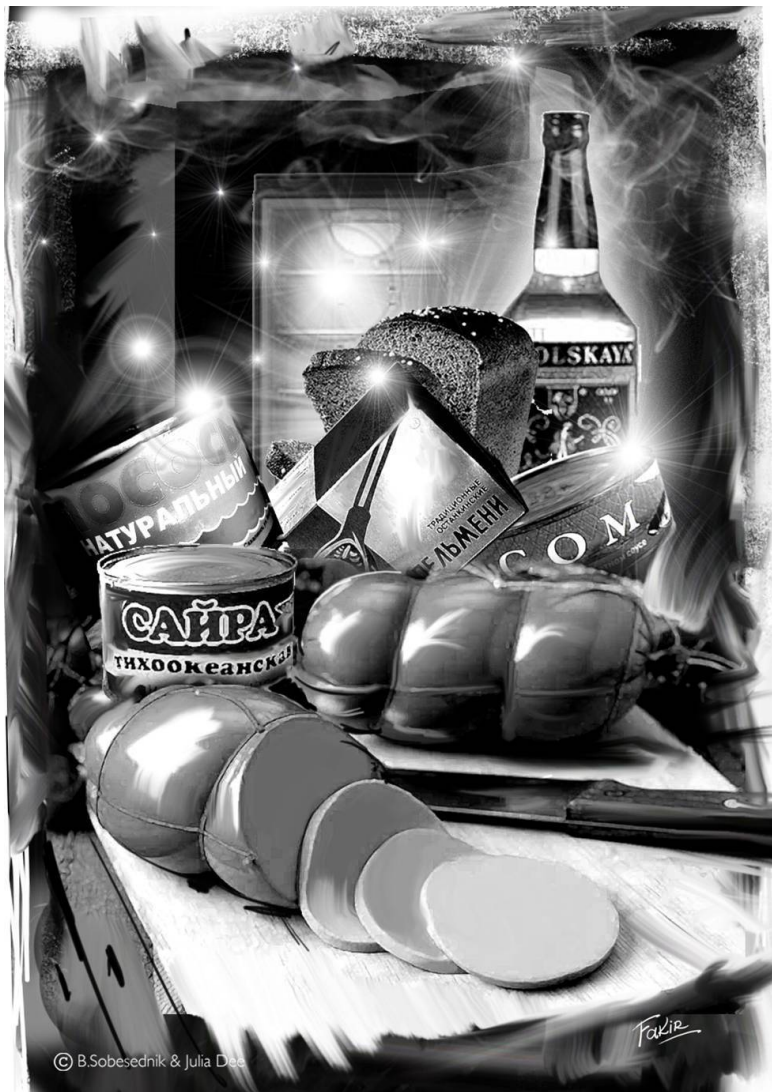
– Правильно ли я основной принцип твоей так называемой, – Роланд с откровенной издёвкой изобразил пальцами кавычки, – свободы понимаю: жить под одной крышей, трахаться... хм... под разными одеялами?! Хе-хе!

– Очень уж вы всё упрощенчески воспринимаете, господин фон Штауфен! Где-то, я бы даже сказала, на уровне какого-нибудь вашего государственного телерадиочрево вещания. – Жанна Сергеевна сделалась вдруг совершенно серьёзной. – Тамошние чревопроститутки и чревопроституты, будучи ангажированными во все дыхательные и пихательные, как раз и обожают порассуждать, просто-таки Соловьём заливаются, о высокой чревоморали и чрево нравственности! Хлебом их не корми! Да он им, собственно, не особо-то и нужен. Икорку, понимаете ли, ложечкой предпочтительнее ковырять. Верещагина помните в «Белом солнце пустыни», таможенника? Таможня рулит форева! Где-то так сегодня и живут. Во-о-от, значит... Ещё и морды строят кислые. Не по нутру им...

– Что это вы, Жанин, милочка, заладили, всё чрево да чрево? Словарный запас иссяк? Ужель так скоро? Хм! По существу вопроса бум говорить или не бум?

– Бум, бум, а как же! Хавчик есть какой-нибудь у вас? Хлебушка бы... Вспомнили Верещагина, бл*дь! Желудок теперь подсасывает...

– Полный холодильник! Ты же Юрку знаешь, он, что тот сурок, обязательно загашничек имеет.

Загашничек и впрямь знатный оказался! Одной только мясной нарезки пять наименований. А также: сыр, колбаска, хлеба бородинского три булки, любимые всеми людьми на свете консервы – «Сайра», «Лосось», «Сом, обжаренный в томатном соусе», «Останкинских» пельменей пачек несколько и много, много всякой другой ветчины. Да! Водка ещё. «Посольская», настоящая. Куда ж без неё-то, родимой?!

– А-ку-еть! – увиденное превзошло все ожидания. – Вы что, мальчики, магазин в посольстве ограбили?! День рождения у кого-нибудь? ...Ой! – тут же состроила скорбную физиономию. – Никак поминки?! Ха! По Юркиной курсовой! ...Нет? Ну, слава богу! ...Будешь чего-нибудь?

– Неа, куда там! Мы же с Борькой чавкали совсем недавно. Шайссе! Обожрались в макдачке, точно медведи камчатские! Только они, медведи, – вкусной и полезной рыбкой да икоркой, а мы – говнищем фастфудовским! Дрек мит пфэффер!

– Можно подумать, вас силком напихивали! Ладно, была бы честь предложена. – Безразлично пожала плечами. – Я, с вашего позволения, зажую пару бутеров, не возражаешь?

Некоторое время тишина прерывалась лишь шуршанием упаковок да постукиванием ножа о разделочную доску. Комната наполнилась восхитительным ароматом варёной колбасы. М-м-м-м! Кажется, «Чайная в кругах»! Даже Ширяев со-

петь перестал, причмокивая, заулыбался во сне, слюни пустил...

– Запаса моего словарного, уж поверьте, вполне достаточно, дабы запросто нос вам утереть, дорогой товарищ штатик! – с энтузиазмом оголодавшего спаниеля поглощая толстенный «тройной»²⁹ бутерброд, разглагольствовала Назарова. – А заладила, как вы выразились, по чистой случайности, можете не волноваться! Просто к слову пришлось. На-бо-ле-ло! Поскольку вокруг него, чрева, всё нынче в основном и вертится: насытить повкуснее, солнышком обогреть, морем омыть, переместить с комфортом, одеть опять же модненько, обуть, ну и так далее. Хорошая, кстати, колбаска, вкусная! «Докторская»? ...Нет? ...Когда ж высокорейтинговых чревополитиков во всякие там дурацкие токшоу для антуража приглашают или, скажем, высоконародных чреводепутатов – типа, мебелью отстояться в сторонке, о-о-о-о! – лишь прямо или косвенно о благополучии их бездонных придворных царственных чрев и слышно! Всё иное, не чревоугодное, словно девиации некие потешные, обсуждается всегда с идиотскими ухмылками, ужимками глупыми и хамскими издёвками. Да-а-а-а... Несерьёзно, господа чревопитеки! Такой же и вы, уважаемый Роланд! Не спорьте... хм... а то в глаз дам! ...Шутка!

Какую бы рыбку открыть: «Сайру» или «Сома»? «Сайра», конечно же, вкуснее, но... На «Сома» выбор пал. Баночка

²⁹ Бутерброд с маслом, сыром и колбасой.

меньше, за один присест съедается легко. И кусочки оставлять не придётся, а то ведь у этого злодея вечно всяка дрянь заветренная месяцами в холодильнике хранится-вялится!

– Шутка?! Слушай! Обидно, клянусь, а? Обидно, ну! Ничего не сделал, да? Только вошёл! Какой капризная, слушай? Хулиганка! Хе-хе! Безобидный, в общем-то, вопросик задал, а чуть не схлопотал по самые-самые...

– Чуть не считается! Позвольте закончить? Если, конечно, ни у кого из присутствующих возражений нет.

– Кушайте, кушайте! Не стесняйтесь, милая девушка!

– Я не о том! – с сожалением отодвинув от себя заветную банку, осторожно промокнула губы салфеткой. – Так вот, отвечая на ваши грубые, неженственные выпады, хотелось бы отметить: живём мы, когда вместе бывать доводится, реально душа в душу и, вопреки тому как вы соизволили выразиться, трахаемся вообще без одеяла. Даже зимой жарко! Замечательно трахаемся, доложусь я вам, жалоб нет! Перед зеркалами в основном! Но ежели по вполне понятным и объяснимым причинам у кого-то из нас возникает необходимость секса на стороне, это не воспринимается, уверяю вас, как трагедия всей личной жизни, смертельная обида и уж тем более измена Родине! Вполне, согласитесь, обыденное для человека желание вкусить чувственных наслаждений. Всего лишь – телесных, как их ещё называют. Пускай и с другим партнёром. Не более того. Короче, поверь, фигня вопрос!

– Фигня, говоришь, обыденная?! – Рол приободрился. – Вы смеётесь, дорогая Д’Жаннэт? Не поверю! Да для любого нормального человека это... это... Катастрофа, вот что это такое!!! Холи ш-ш-шит!

В перерывах между репликами быстренько подметена рыбка из банки и соус корочкой дочиста подтёрт. Чайку бы! Идти заваривать лень.

– Не кажется ли тебе, котёнок, что в данном случае критерии «нормальности» или, если хочешь, «катастрофичности», скажем мягко, несколько претенциозны?

– А ты считаешь, что трахаться со всеми подряд, налево и направо – это нормально?!

– Разумеется, я так не думаю, мало того, считаю недопустимым и возмутительным, мазафака! Меня ещё не всякий-то и добьётся! Но сам посуди, Ролик: когда человек упорно, неотступно движется к высокой цели, преодолевая сложности и невзгоды на тернистом нелёгком пути, упрямо карабкаясь вверх по отвесной неприступной скале, смертельно опасной, предательски скользкой, обосранной всякими там разными грифами и прочими гадкими орлами, разве не заслуживает он поощрения, достойной награды в красивом и ярком финале? Или, по-твоему, лучше заранее лишить несчастного всяческих надежд? Секир-башка! Кастриерен по-вашему, образно говоря, да?! Он же вообще никогда и никуда больше не рывнется! Так ведь и помрёт, бедняга, слаще морковки ничего не попробовав. Не жаль тебе?

– Жаль, конечно, но лучше уж так! Лишить заранее любых перспектив к бениной маме, и дело с концом! По-вашему суперобразному – мазафака!

– Постой-ка, постой-ка, о Роланд ибн Йо-о-зеф! – тут же состроила испуганную гримаску. – Ой, с отчеством ничего не напутала случайно?

– Хм! Да правильно, правильно всё. Только «о» не тяни, плиз! Неприлично.

– Извиняйте, батя, ежели протянула что не так! Однако... По всему выходит, Иришка Симонова... Да, да! Та самая хорошенькая жгучая брюнетка, жена доцента с кафедры биологии, к которой ты, свиньяка, бесстыже ныряешь в постель при любой okazji! Я ничего не напутала? Значит, следуя твоей же логике, она должна была бы изначально и бесповоротно на х*й тебя послать? Да, котёнок? И, заметь, не поздно ещё!

– Ну-у-у... По идее... Наверное... Да!

– Между тем не послала. Значит, что-то хромает в твоей логике, малыш. Не находишь?

– Нда-а-а-а... Но ведь немаловажен и масштаб бедствия. Размах! – с грехом пополам нашёлся бош. – Всем давать, знаете ли, милая Жанин, – поломается кровать, доннерветтер!

– Так не всем же. Тебе вот, например, дала бы с превеликим удовольствием! – контральто вновь завибрировало. – Ты же, хитрый хурензон, весьма ловко увиливаешь! Пока... Эх! Чайку бы сейчас! Да с пироженкой! А насчёт кровати

сломанной... М-м-м-м... Смею утверждать, котёнок, дело в принципе, а вовсе не в количестве собственно половых актов. Абсолютно не важно, сколько раз ты переспал с разными партнёрами. Важно лишь одно – делал ты это вообще или нет. И, к слову, чрезвычайно важно с кем...

– В таком случае позвольте с вами немного полемизировать, дорогая мадемуазель Д’Жаннэт! – бесцеремонно перебил девушку слегка взбудораженный тевтон. – Не следует ли из всего вышесказанного, что под этой вашей с пеной у рта и безумно горящими глазами продекламированной «свободой» подразумевается всего-навсего банальная сексуальная распущенность, а? Рядовое вульгарное бл*дство, грубо говоря! Курва матка боска!

– О-о-о-о! Сочные эпитеты! Во-первых, касаясь пены и прочих безумств... Милый Ролик, это не обо мне! Во-вторых, какую-никакую свободу нельзя продекламировать. Она либо есть, либо её попросту нет. А в-третьих, сказать без запинки изволь: что думает твой милосердный король? Съел, хороняка? Ха! Не напрягайся, малыш! Шутка из поэзии позднего Средневековья. Ежели серьёзно, в точности так, кстати, трактуешь «свободу» именно ты, Ролушка, в унисон с подавляющим большинством мужчинок касательно чужих симпотных жён! Ну о-о-очень вы за их... хм... продвинутую... раскрепощённость ратуете! Экая милая brutальная избирательность в суждениях! Упуская зачастую, между прочим... Ха-ха! Что ваши-то благоверные супруги, ну

или там подружки, без разницы, абсолютно такие же объекты чьих-то тайных сальных вожделений! Никогда о том не задумывался? Зря, батенька! Может, уже и явных! Ножки знай себе раздвигают, постанывают под кем-нибудь в дешёвых мебелирашках, подобно вам с Симоновой! Это ли не бл*дство? Сказать, сколько в моей запасной обойме подобных любителей «свободолюбивых» дам? Лучше не надо? Ха-ха! И почти все ведь женатики! А жёны их, что же думаешь, лыком шиты? Неосмотрительно, мягко говоря, успешных красивых баб за дурочек-то держать! Ибо на каждую хитрую жопу всегда найдётся что? Правильно, котёнок! – куда более хитрющая антижопа!

– Типун тебе на язык, Сергеевна! Не стоит ко всем с одним мериллом... Ты какой, кстати, чай предпочитаешь: чёрный или зелёный? Есть фруктовый, травяной. Какой?

– Чёрный. С бергамотом, если можно.

– Отчего ж нельзя? Всё можно!

Чай реально вкусный оказался. Или просто в канву пришёлся после обильной-то сухомятки? Непонятно. Обжигаясь, Жанна выхлюпала всё большими глотками, ей почему-то казалось – так лучше, вкуснее. К тому ж не терпелось договорить:

– Брось валенком прикидываться, малыш! Попробуй, к примеру, представить себя на месте того же доцента. Ну, муженька Иришки-вертихвостки... Кажется, датчанин? Или норвежец? Неважно! Короче, скандинавской породы. Как-

во ему милостию вашей по лесу гулять, а? Король-олень! ... Уф! Чаёк гарный! Спасибки, Ролик, уважил! ... Скажешь, не годится здесь моё мерило? Ещё как подходит! Самое то! В свою очередь, он, по-твоему, агнец, что ли, божий? Дудки! Знаешь Наталью, спортсменку-легкоатлетку с соседнего потока? Девка – загляденье, фигурка – супер!

– Багрееву, что ли?! – как-то слишком нервно отреагировал Роланд. – А что с ней стряслось?!

– Ты чего возбудился-то, мастурбашка? Я ж и говорю – классная девка! Ничего страшного вроде с ней не стряслось... Кроме того, что-о-о... Ой! Уау... Ролик, чертяка, ты же ей в папы годишься... Сдаётся мне, лишку сболтнула... М-м-м-м...

– Не мычи уже, говори! – взрычал бош. – Шайссе!!!

– Не знаю, как и сказать-то, котёнок! Ха-ха-ха! Вот умора-то! Ржу – не могу! Вы, мужички, похоже, зеркально друг другу рогов понаставили, сами того не подозревая! Ха-ха-ха! Да у нас тут стадо оленей на выпасе! И все, это... Короли, так выходит! Как один! Ха-ха-ха! Который из вас вачажный будет, мальчишки?!

– Прекрати ржать, я серьёзно! Целых три месяца уже встречаемся. Всё по-взрослому! Ты-то, кстати, откуда о доценте знаешь?

– Не могу не ржать! Ха-ха-ха! Я?! Откуда знаю? Да от самой! От Натахи! Мы же встречаемся! Не знал? Ха-ха-ха! Крайний раз перед самым психоходом!

– Вы?! Охохошеньки-хо-хо! Нда-а-а-а... Наталья Алексеевна ещё и лесбиянка до кучи?

Пригорюнился Роланд, погрузнел, репу зачесал. Оно и понятно, у кого бы что не зачесалось?

– Да как тебе сказать? Не то чтобы слишком... Но со мной-то кто ж откажется? Ха! – Жанна легонько щёлкнула Рола по носу. – Кроме разве что тебя – грустного ослика Иа-Иа! Оно ведь как в жизни бывает? Раз в душевой после тренировки встретились, другой, третий, ну и... сам понимаешь! Лямур-р-р! Единственно, странно, что о вас она мне почему-то ничегошеньки не выболтала. Удивительно!

– И ты, Брут?! Вернее, Жанин... Д'Жаннэт... Взгрустнёшь тут, короче, Жанна Сергеевна! А не рассказала лишь потому, что клятвенно пообещала молчать пока. Э-э-эх! Жизнь моя – жестянка! Холи ш-ш-шит!

– Жениться-то не передумал, малыш? А с этим, соперником своим, по совместительству – братцем молочным как разбираться будете? На дуэль его вызовешь? Он, кстати, парень серьёзный, в мел и юру ³⁰ нырял. А туда хлюпиков не берут, исключительно со спецподготовкой пускают. Короче, не косуля! Брачный турнир благородных оленей! Шоу тайм! Чур, я на кассе! Ха-ха! Зальёшь в перчатку бетону и по мордасам обидчика, по мордасам! Ты ему, он – тебе в ответку! Там, глядишь, головы друг другу поотшибёте, и-и-и-и... дуэль отпадёт сама собой, за ненадобностью. Ежели серьёзно...

³⁰ Периоды мезозойской эры – расцвет эпохи динозавров.

Хм! Вам бы по-хорошему встретиться всем вместе как-нибудь вечерком за чашкой чая, проблемку обсудить. Запросто решение найдётся, на поверхности ведь лежит! И заживёте вы к всеобщему благоденствию дружную шведской семьёй! Или датской, норвежской? Ха-ха! Чем не жизнь на Марсе? Мы с Иванычем ровно так и поступили бы! Только, в отличие от вас, дуралеев, заранее! Услышал? Не доводя до конфликта.

– Жениться? На фиг эти штуки, наганы взять прощу я в руки! – немного переиначил Роланд знаменитый ремейк. – Э-хе-хе! Теперь даже и не знаю...

– Прикольно, да? Меня всякие подобные штучки – романчики служебные, междусобойчики, любовные треугольники, квадратики – здорово заводят! Игра в классики, прыг туда, шмыг сюда... А тебя? ...Вижу, не дорос ещё! Хм... Или перерос уже... – Жанна на секундочку задумалась. – Не знаю, как ты, я для себя ничего зазорного в слове «бл*дство» не нахожу. В каждой женщине оно обязательно присутствует, будь спок! Созданы таковыми, понимаешь? Вопрос лишь в том, как и сколь глубоко в нас сущность бл*дская закопана. Хотя лично я бы скромненько назвала это всё-таки продвинутой раскрепощённостью.

– Да хоть как назови, смысл не меняется!

– Ровно то же самое кому угодно можно предъявить. Всё слова, слова, слова! А что, по-твоему, Роланд Йозефович, вообще есть такое свобода?

– Как тебе сказать. Гм... – настал черёд германцу задуматься. – Доннерветтер... По-моему, «свобода» в самом общем понимании этого слова есть отсутствие каких-либо внешних ограничений и понуждений. Да-а-а-а... То есть возможность индивида поступать согласно своей воле, эндогенным потребностям – желаниям, вне зависимости от экзогенных факторов, не нарушая, естественно, при этом законов этики. Ну... Это... Если помнишь ещё, в данном случае имеется в виду категорический императив Иммануила Канта ³¹.

– Разумеется, помню, Ролушка! Каждый вечер на сон грядущий «Критику практического разума» перечитываю. Весьма, должна отметить, успокоению души и дальнейшему скорейшему засыпанию способствует!

– Одного вот только понять не могу. Зачем тебе эта так называемая свобода? Чего тебе в Юрке-то недостаёт?

– Хм! – задумчиво покачала Назарова головой. – Тут такая штукавина, значит... Начну, пожалуй, с того, что предпочитаю модную нынче сентенцию «Свобода есть осознанная необходимость» старика Спинозы ³². Каковая, впрочем,

³¹ Термин, введённый Иммануилом Кантом в «Критике практического разума» и обозначающий основной закон этики. Имеет две формулировки: «...Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» (Кант И., Соч., т. 4, ч. 1, М., 1965, с. 260) и «...Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» (там же, с. 270).

³² Бенедикт Спиноза (Барух де Спиноза, 24.11.1632 – 21.02.1677 гг.) – выдающийся нидерландский философ-рационалист, натуралист, один из главных пред-

на мой взгляд, легко и непринуждённо коррелирует с твоим, вернее, кантовским пониманием темы. Осознавая необходимость отношений с разными людьми, по крайней мере сейчас, я, кроме всего прочего, с большой долей вероятности предвижу и вполне возможное усугубление ситуации в будущем. Мы ведь не в общем болтаем, так, о том о сём, а о вполне определённых вещах рассуждаем, правда, Ролик? О сексе, да? Так вот чем дальше по жизни, тем его, родимого, меньше будет. Таков, увы, закон природы! В Юрке мне, ясный пень, покамест всего предостаточно! Недостаёт, когда, к примеру, отсутствует он, м-м-м-м! – красавчик. Смекаешь? Или отсутствую я – красотуля! А дальше что? Командировки по полгода и дольше? Мне, что же, в неприступной башне из слоновой кости полжизни затворничать прикажете? Пояс верности носить? Жена моряка? Фикус вам на голову, господа хорошие! Каждый выбирает, что ему боле по нраву. Кто-то готов ждать, терпеть до коликов печёночных, верность неприкосновенную блюсти со скрежетом зубовным. По-моему – чистейшей воды мазохизм! Иным только того и надобно. Едва любимый за порог, тут же на сторону увильнут, шашь – с одним, шашь – с другим, с третьим... Нагуляются тайком и живут после от раза к разу в вечном страхе разоблачения. Лживые мерзкие твари! Я вот честно тебе признаюсь, длительные разлуки физически тяжело переношу, потому что-либо там блюсти не комильфо мне, но в то

же время и враньё бесстыжее не приемлю! Ты как, интересно знать, жизнь молодой красивой бабы, к мужицкому обхождению привыкшей, себе представляешь, коли вы месяцами в полях-полигонах пропадаете?

– Бог терпел и нам велел! Одна ты, что ли, особенная такая во всём белом свете? Случается, годами ждут! И ничего, терпят, лямку тянут.

– Ждать можно сколь угодно долго, ежели есть кого! Терпеть-то что? И, главное, зачем? Секс по сути своей, согласись, такая же физиологическая потребность человеческого организма, как и есть, пить, спать, дышать, справлять нужду и прочее. Что ж! Давайте все тогда не есть, не пить, не спать, извиняюсь, не срать, а только сидеть и ждать, ждать, ждать! Лишь бы кому не дать

– Никогда не соглашусь! Чепуху, извините за прямоту, городите, драгоценная моя! Секс – это не просто, понимаете ли, какая-то там рядовая физиологическая потребность! Вернее, потребность в нём, конечно же, всегда имеется, только вот удовлетворить её запросто, как правило, не выходит. Это тебе, шахер-махер, не стакан воды выпить и не бутерброд слопать! Дрек мит пфеффер! Хотя были когда-то, давным-давно и такие бл*дские поползновения. Ты ведь не первая, милая Жанин. Вспомни-ка знаменитую эпопею сексуального раскрепощения масс под чутким творческим руководством Сашеньки Коллонтай и Клары Цеткин. Облом-с у тётечек случился! Обломинго, шайссе! А всё почему? Да по-

тому, что секса без партнёра не бывает! Мы же не об этих... Как ты их называешь-то? Забавное словцо такое... О! Мы же не о мастурбашках здесь калякаем-малякаем, правильно? Значит, должен быть кто-то ещё, кто будет тобой в сексе о-бла-дать или кем будешь обладать ты. Об-ла-ди об-ла-да лайф гоуз о-о-он бра-а-а, ла-ла хау зэ лайф гоуз он! Ту-ру-ту! – промурлыкал бош знаменитый битловский припевчик. – Красным жирно подчеркни, плиз! И здесь – стоп машина! Ходу нет, суши вёсла! Шайссе! Дальше ничто и ни в какие, самые широченные, ворота не пролезет! Ежели, конечно, без денег вы...

– Хм! С чего столь пессимистичные фантазии? Рыцарь ты мой... хм... образа печального!

– Всё прикалываешься, да, девочка... моя? А с того, что ежели кто-то в данный конкретный период времени чем-то ценным или, пускай, кем-то о-бла-да-ет, бьюсь об заклад, он никогда и ни с кем делиться не станет! Как бы и кому того не хотелось! Вникаете, мадемуазель Д'Жаннэт?! Частная собственность, дорогуша, – штука серьёзная, неприкосновенная, и надолго!

– Ага! Скажи ещё – на средства производства!

– Гм! Между сутенёром и проституткой близость, без сомнения, тоже возможна и, кстати, нередка, но, согласись, несколько иного свойства. Бизнес есть бизнес. Мир чистогана. Оставим их за скобками. Хотя... В некоторых случаях можно, наверное, и так понимать.

– Во-о-от! Наконец-то за пустой болтовнёй блеснула хоть какая-то конкретика. Гм! Лучик света! А знаете, Роланд, как раз таки против подобных частнособственнических отношений между людьми я всю сознательную жизнь выступала и выступаю донныне. Разумеется, не бизнесовых! С самого раннего детства. Вообще, считаю современную семью скрытой, узаконенной формой рабства. И сносно драться, кстати говоря, выучилась отчасти из-за странной тенденции большинства встреченных на моём жизненном пути мужчин вдруг, ни с того ни с сего, непонятно на каком основании

заявлять на меня свои права, как вы соизволили выразиться – неприкосновенной безраздельной частной собственности. Нормально, да? Туда не ходи, видите ли, сюда не смотри, с тем не разговаривай, дома чтобы до семи вечера была как штык, не то снег башка попадёт – совсем мёртвой будешь, и так далее, и тому подобное. Что ж это такое-то, а?! Дурдом!

Жанна Сергеевна сама того и не заметила, как дюже раздухарилась! Ой дюже-е-е! Раскраснелась, понимаешь, хорошенькая такая, глазёнки горят, ручками машет, словно пугало на ветру, и, видимо, под одеяльцем случайно тихохонько так медведя толк ногой! А может, вовсе и не тихохонько, потому что Юрий Иванович проснулся. У Ролика было гора с плеч. Ур-а-а-а! – блудливое пари не состоится. Чёрта с два! Не прошёл номер! При помощи искусных ласковых поглаживаний, поцелуйчиков, нашёптываний гипнотических Ширяев вновь был погружён в глубокий рабочий сон. Тут же зашебетала Назарова, будто бы и не прерывалась:

– ...Я, разумеется, ворчала про себя, возмущалась в подушку, возражала интеллигентно как могла. До тех самых пор, пока кое-кто, значит, руки себе не позволил распускать, мазафака! Вроде того: бьёт – значит любит! Пся крев! Ну это уж слишком, не на таковскую напали! Сломанный нос, свёрнутая челюсть... – Смешно скосив глаза к переносице, осторожно коснулась указательным пальцем кончика носа. – Что-то там ещё расквашенное, по мелочам... И, ты знаешь, как ни странно, девушку тут же зауважали! Молва момен-

тально по городам и весям разнеслась. Сей секунд! Почему? Объясните, плиз! Просто так, без мордобоя, нельзя, что ли, к женщине уважительно относиться? Ты сам-то, мил человек, что думаешь по поводу всех этих вульгарных поползновений на конституционные права и свободы граждан, а?

– Почему это вульгарные? Какие ещё поползновения? Колхоз, Жанночка, насколько я понимаю, – дело добровольное! Назвались груздями – будьте добры вести себя более-менее прилично! Я считаю, если уж решились хозяйство совместное вести, неча на сторону глядеть. Венчались, не венчались, есть штампик в паспорте, нет его – какая на хрен разница?

– Вообще-то разница есть и весьма, весьма значительная...

– Да брось ты! Ерунда всё это! Главное ведь, как к человеку относишься. Имеется в тебе любовь к нему и уважение или нет. Вот, собственно, и вся недолга!

– А-а-а-а! Вот оно что! Почёт, говоришь, и уважение? Любоффь, значит? Скажите пожалуйста! Мысль сию глубочайшую пояснить вразумительно сможешь? – Жанна мельком глянула на экран дрожащего мелкой дрожью, подмигивающего цветными огоньками телефона. – Телефона, телефона! Ролик кушать хочет! ...Только вкратце, плиз, безо всяких там антимоний и пространных рассуждений о месте и роли секса в любви и человеческой жизни вообще. Толстосвин от-

писался. Подлетает. На глиссаде ³³ уже!

– Запросто! М-м-м-м... Любовь – когда суженные всецело принадлежат друг другу, как говорится, и душой и телом. В горести, в радости и, между прочим, в разлуке. Где угодно можно расставшись обретаться, хоть на Луне, и притом всегда тепло вспоминать любимого человека. И верность, кстати, везде свято блюсти! Так... Уважение... Здесь мне сложнее... Наверное, самое главное – никогда не пренебрегать близким человеком. Ты ведь, когда прелюбодействуешь, по сути, пренебрегаешь... м-м-м-м... скажем так, постоянным партнёром или любимым, так?

– Продолжай, продолжай, малыш. После отвечу.

– Ага, барышня, крыть нечем? Выходит, ровно так оно и есть. Следовательно, не уважаешь и не любишь! Так-то, моя хорошая! – очень бош собою доволен остался, просто сиял от самодовольства!

– Хорошая, да не твоя... – в задумчивости разворачивала антитезу Жанин. – Ничего, это мы быстренько исправим! Вот только Ширяева в психолог выпихнем, сей же момент и приступим. Исправлять недочёты, так сказать...

– Постойте-ка, милая девушка! Не вы ли минуточек несколько назад убеждали меня, что никакая вы не нимфоманка, а просто прикалываетесь? Как прикажете это понимать?! Абкакен, да? Фу, как некрасиво!

³³ Глиссада – прямолинейная траектория движения летательного аппарата при заходе на посадку.

– Я передумала. А уж от неукоснительного выполнения условий нашего пари никто, Ролушка, тебя освободить никоим образом и не собирался. Так что готовься, друг-сосиска!

– Это мы ещё посмотрим! Хе-хе! Как фишка ляжет.

– Отлично ляжет, будь спок! Уж я-то постараюсь! Теперь по сути... Во-первых, убедительнейше бы тебя попросила впредь избегать применительно к моей персоне омерзительных словечек типа «прелюбодейство». Не обо мне.

– Почему? О ком же тогда?!

– Хм! Ты не поверишь, котёнок! Главным образом о тебе и тебе подобных. Ха-ха! Съел?

– Не понял! Что ещё за чушь собачья?

– Слушай и вникай, грубияшка! Классическое определение: прелюбодейство есть секс замужней женщины с мужчиной, не являющимся её мужем. Коротко и ясно, точнее не скажешь! Причём, что принципиально важно, имеется в виду брак, заключённый на небесах, то-бишь обязательное условие – таинство совместного причастия. Всякие же штампики в паспортах, и здесь, прошу отметить, наши позиции сто пудов совпадают, – шелуха несущественная. В небесной канцелярии никакие отделы ЗАГС не котируются. Даже Грибоедовский. Короче, от лукавого. По поводу же венчания авторитетно заявляю: малыш, ты не прав! Грамотно проведённый обряд – штука серьёзная! Я, ежели кто не в курсе, – девушка незамужняя и, хоть и слегка верующая, венчаться

в ближайшие лет сорок – пятьдесят не намерена. Потому, сколько бы и с кем мне ни довелось переспать, особо тяжкого греха на душу не приму. И вам, к слову, не навешаю! Конечно же, муж гражданский, коли силёнок хватит, может меня за бл*дство покарать, имеет на то, наверное, некое эвентуальное право: камнями побить, скажем, или там сжечь заживо, ну, в общем, как раньше в седом ветхозаветьи принято было, но там, наверху... – тут мамзель Назарова, сооротив ужасно серьёзную мину, многозначительно ткнула куда-то в район люстры, – смею тебя уверить, особое внимание на мои шалости вряд ли кто обратит. Да хоть бы и венчанная была! Начхать! Нам, бабам, завсегда это дело с рук сходило...

– Да неужели?! – покрутил бош пальцами, словно воздух щупал. – С чего такая, я бы сказал, странноватая избирательность?

– Вопрос, конечно, интересный, но... Несвоевременный! Как-нибудь потом выдастся времечко свободное – напомни, дружок, с удовольствием отвечу. Неинтересны мы им, понимаешь! А вот ежели кто-либо из вас, мужички, по глупости, от незнания ли, да неважно почему, вздумает перепихнуться с реально замужней мадамой – геморроя огребёт по самые-самые мохнатые ваши гулялки! Авторитетно тебе заявляю! Не отбрешетесь потом, собаки страшные! Рекомендую осторожнее быть. Ха-ха! Милые мои мастурбашки!

За окном приближался вой сирены скорой помощи. Где-то совсем, совсем рядом плаксиво всхлипнул напоследок и

затих. Роланд подошёл к окну.

© B.Sobesednik & Julia Dee

Fakir

Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве, и хрюкотали зелюки, как мюмзики в мове ³⁴. Внизу в сгущающихся сумерках суетились люди, метались туда-сюда, размахивали руками, и всё действие здорово напоминало встревоженный муравейник. Вскоре из соседнего подъезда выкатили носилки, осторожно перегрузили кого-то в машину, и скорая, подняв истошный вой, умчала прочь, выхватывая траурные силуэты синими проблесковыми маячками. Улица тут же опустела, будто и не случилось ничего.

– Что там происходит, Ролик?

– Понятия не имею. Отсюда не видать! – он повернулся к собеседнице. – Ты где это, очень мне интересно, уму-разуму-то поднабралась, а? Да ещё в столь... хм... специфическом вопросе? Хе-хе! Никак в школьной библиотеке?

– Вы крещёный, Роланд?

Гм! Вопрос на вопрос. Старая испытанная уловка, дабы слегка огорошить собеседника. Прокатывает всегда, каким бы очевидным ни был ответ.

– М-м-м-м... У нас не принято. Мы, атеисты, – народ мускулистый! Нас не заманишь опиумом каким-нибудь для народа... Но в самого Создателя верю и буквально на днях ещё более уверился. После посещения мной...

– Да слышана, слышана я о ваших околобиблейских психосодах! Именно там, кстати, уму-разуму и поднабра-

³⁴ Л. Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье», пер. Д. Орловской.

лась.

– Где это «там»? – фон Штауфен задрал нос и погрозил пальцем, точно Кролик из мультика о Винни-Пухе. – «Там», знаете ли, бывают разные!

– Учите матчасть, господин хороший! Читайте Ветхий Завет!

– Только-только оттуда, ничего подобного не заметил.

– Значит, не в том месте тусили и не в то время, батенька!

Трактовка, возможно, отличается.

– Так подскажи! Где тусить-то? Тусить где?!

– Знаешь что, котёнок, я тебе Пятикнижие по памяти пересказывать не подписывалась. Возьми да прочти! Весьма, кстати, полезное чтиво. И не то чтобы шибко сложное. Нормальный текст, вполне читабельный.

– Вот ещё, была нужда! – скривился бош пренебрежительно. – Мне только того по жизни и не хватало, что легендами да мифами Древней Иудеи голову себе забивать! Шайссе! Сплю и вижу, когда б почитать?!

Короткая пикировка закончилась, воцарилась неловкая тишина. Лишь потрескивала, живя своей внутренней жизнью, остывающая «пыжилка», да Ширяев мерно сопел в безмятежно-дремотном забытии.

– Тут такая штукавина, значит... Не хотелось бы никого огорчать, Ролик, но косностью своей железотевтонской... ты, змеёныш подколодный, всё ж таки... слегка достать меня измудрился, – задумчиво смотря куда-то сквозь него, растя-

живая слова, медленно, вполголоса, но очень внятно проговорила притихшая вдруг Жанна Сергеевна, – и я тебя, дружок, сейчас в хлам порву, точно самка богомола после тёплого... влажного... ритуально-животворного спаривания... Хоть и не было его... Пока... Готов? Ну, бандерлог красножопый, цепляйся хвостом за поручень. Поехали...

И разверзлись уста ея, будто хляби небесные, и грянул гром, и понеслись клочки, да по закоулочкам:

– Грхм! Хорошо начал, солдат! Ежели мне память не изменяет, с обладания кого-то кем-то на праве неприкосновенной частной собственности. Ха! И какая нам забота, если у межи целовался с кем-то кто-то вечером во ржи ³⁵! Так, что ли?! Думаешь, никакой?! Чёрта лысого! Довольно циничные рассуждения, котёнок, в русле чуть ранее анонсированной тобою же кантовской этики. Не находишь? Сейчас поясню. Для начала позволю себе напомнить всем присутствующим вторую формулировку любезно упомянутого вами, дорогой штандартенфюрер ³⁶...

– Чего уж там! Давай сразу обергруппенфюрера ³⁷ присвоим!

– Пускай будет по-вашему, мон генераль! Я всё ж на-

³⁵ Р. Бёрнс, «Пробираясь до калитки...», пер. С. Я. Маршака.

³⁶ Штандартенфюрер – чин (звание). Введён в 1929 году. С 1936 года, после создания войск СС, чин штандартенфюрера соответствовал чину полковника и должности командира полка.

³⁷ Обергруппенфюрер – звание в СС и некоторых других организациях Третьего Рейха, условно соответствующее званию генерала рода войск вермахта.

помню формулировку упомянутого вами в качестве некоего нравственного регулятора так называемой свободы – триумфа воли в реализации эгоцентричных побуждений – того самого категорического императива под редакцией товарища Канта, а именно: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству». Знакомо? Что сие означает? Каждый человек есть в высшей степени свободное создание божье, и нет ни у кого, кроме, разумеется, Создателя, никаких вещных, иных прав на него! Вот что!

Засим госпожа Назарова решительным движением свернула голову последней, стоящей у изголовья, бутылочке «Боржома» и, находясь, по-видимому, в состоянии лёгкого ража, одним махом бессовестно выдула почти всё её прохладное, освежающее веселящими газами содержимое. Прыти, прыти-то откуда столько? Хм! Только-только вроде чаёвничали... Словно услышав, притормозила, конфузливо стёрла помаду с горлышка, пускай и несколько запоздало, но предложила-таки собеседнику глотнуть. Молодчинка! Не забыла старого тевтона. Получив вполне прогнозируемый вежливый отказ, с облегчением пожала плечами, вроде того: «Ну, не хотите, дяденька, как хотите!» – быстренько заглотала остатки, и понеслась душа по нарастающей:

– А потому болезненные фантазии, Роланд Йозефович, на тему мелкобуржуазных частнособственнических амбиций,

всене непременно возникающих, по вашему мнению, между людьми в процессе становления их матримониальных отношений, мягко говоря, несостоятельны. В моём случае так и вовсе – абсурдны! «Плохой солдат! Ты хорошо начал, а кончил скверно»³⁸. Твои, помнится, слова: колхоз – дело добровольное, я ничего не путаю? А ещё: «Назвались груздями – ведите себя прилично! Неча на сторону глядеть!» Продолжим словоблудие? – короткие юбки запретить, губы не красить, не улыбаться, с мужчинами не разговаривать, чулки исключительно синие шерстяные и волосы в пучок! Любое самое благое начинание запросто ведь до хиджаба³⁹ нивелировать можно, была б на то воля политическая! Что же это, получается, за добровольность така интересная в твоём колхозе, ась? Это и есть ваше хвалёное единение... хм... «душой и телом»? Зато – она! Любоффь! Так следует понимать? А ничего, что вы тут все перетрахались, словно течные опоссумы, будто по жизни и всего-то пару раз погадить осталось вам?! Апокалипсис ждёте? Абкакен, да, минхерц? Не дождётесь, суки, бл*ди, проститутки!

Самое бы время притормозить, обдумать сказанное и, главное, услышанное. Перекурить, в конце концов! Хоть и не очень-то для здоровья пользительно. Куда там! Словно с цепи сорвались!

³⁸ М. Булгаков, «Бег».

³⁹ Хиджаб – свободная длинная одежда, закрывающая всё тело кроме лица и кистей рук, соответствующая нормам шариата.

– Передёргиваете, милейшая Д’Жаннэт! Никто и не утверждал, что здесь всё сплошь завзятые праведники собрались. Хе-хе! И речь ни в коей мере не о повальном нынешнем эпикурействе, если хотите, даже гедонизме, типа: что под себя имеем... извините – под собой... то есть, конечно же, – у себя! – то вроде того и хаваем благополучно, фикиен нас всех! Свинотное какое-то мировоззрение, тебе не кажется? Разговор, на самом деле, об эволюции отношений, от свинского промискуитета к м-м-м-м... высоким и чистым отношениям, как, собственно, вскорости и должно стать. Человечество неуклонно движется к светлому будущему. Согласна? Вот и в песне народной поётся: «Время летит вперёд, и мы летим вместе с ним. Время бежит вперёд, и мы бежим вместе с ним»⁴⁰ – тру-ту-ту-ту-ту! Семимильными шагами, думм наши копф! Разумеется, до идеала далековато ещё, кое-какие отклонения, шероховатости имеются. Но мы о них знаем, помним и будем всячески усердно исправлять в рабочем порядке. На сей счёт не извольте беспокоиться, доннерветтер! Что нынче посеешь, так сказать, то в будущем и пожнёшь!

⁴⁰ М. Науменко, «Время, Вперёд (молодёжная Философская)».

– Кто тут передёргивает, мазафака?! Я те покажу кузькину мать! Светлое будущее ему, видите ли, подавай! Гедонист-кондомист! Кое-какие отклонения, говоришь?! Что ж это вы такое несуразное вслух-то себе позволяете, а? Со всем одичали, барин? Ослепли, что ль?! Отклонения-то, прошу пардону, по-все-мест-ны-е! – слишком, что ни говорите, эмоционально вышло, надо бы уже поуспокоиться. – Практически все ведь примерные мужья и большинство их верных жёнушек... это... знай себе отклоняются, когда без догляду-то. Коли страха нет. На себя оборотиться не желаете? – на меня, доцента биологических наук, жену его, на Наталью – подружку нашу, как только что выяснилось, девушку... хм... общего пользования. Обычные люди – как раз таки рядовые среднестатистические «отклонисты». И никакое мы не исключение из правила. Мы, ежели хочешь знать, и есть это самое правило! А теперь вопросик на засыпку: что это вы, уважаемый, интересно знать, там сеять-то собрались, чтобы, значит, высокое и чистое пожинать, а? Семя, что ли, свое лукавое живучее повсюду без зазрения совести разбрасывать? Ха-ха! Лукавое и пожнёте, не иначе! Хотя... Глядишь, чего поинтереснее... трёхголовое народится...

Заминка образовалась. Фу-у-у! Наконец-то, притормозили. Улеглись страсти болтологические. Может, сеять передумал? Вряд ли... Бош, он такой упёртый, спасу нет!

– Э-э-эх, мать! Запутала ты меня вконец, Сергеевна. Я

ж образно выступил о колхозе-то! Ясное дело, большинство людей добровольно с какой-то там переляки эволюционировать вряд ли будут. Зачем им вообще напрягаться, ежели и так сойдёт? Даже за деньги. Даже за большие деньги! За большущие! За туеву хучу денег! Холи ш-ш-шит! Приписками заниматься станут, отчёты кропать о постоянном и неуклонном росте человеческого самосознания. Всё что угодно, кроме налаживания собственно процесса этого самого роста. Только бы бабла срубить! Гм... Стимула-то нет! Кто придумает – тому сразу десять Нобелевских премий не мешало б отсыпать! И что нам остаётся? Что остаётся, я тебя спрашиваю, дабы подвигнуть граждан расти хоть бы в чьих-нибудь глазах, лучше становиться, а? Отвечать не хочешь или не знаешь?

Роланд в ту минуту ужасно был похож на сельского учителя-педанта, выпрашивающего домашнее задание с хорошенькой нерадивой ученицы. И невдомёк старому перечнику, что отнюдь не все вверенные ему чада в погожие радостные выходные дома над учебниками корпят. Есть и такие, кто прогуляться любит! Хм... До университетской библиотеки. Хе-хе! Странное дело, не находите?

– Во-о-о-от! А я – знаю! – искренне радовался он своему знанию. – И я тебе скажу: страх! – вот что необходимо нашему человеку разумному боле всего. Страх потери близких, родных, имущества, медицинской страховки, работы, имиджа, репутации, лица, страх показаться смешным невежей,

глупым и неловким. Страх заболеть и однажды умереть, в конце концов!

Да-а-а-а! Желание жить вечно, патологический страх смерти – вот что зачастую движет людьми. И чужая воля. Твёрдая рука, если хочешь! По всему выходит, страх и принуждение – истинный двигатель прогресса!

Хорошенькую ученицу, однако, как выяснилось, голой, пусть и твёрдою, рукой не особо-то возьмёшь! Дудки! Жанна – девушка ищущая, натура творческая, беспокойная и, как знать, возможно, именно в тот самый момент маршрут её неустанных душевных поисков и метаний пролегал по узенькой, довольно замусоренной, но страшно притягательной улочке, зазывающей вывесками невиданных удовольствий, подъездами таинственных соблазнов, окнами манящих силуэтов, уютными двориками милых забав, галереями излишеств, парками чувственных увеселений, кафешками новых ярких вкусов, будоражащих мимолётных касаний и случайных удивительных встреч, кричащей всеми цветами радуги, петляющей меж унылых, зато очень-очень-очень правильных величественных зданий – строгих, без каких-либо радующих глаз излишеств, стандартного, пятидесяти оттенков серого идеально подогнанного камня, жилищ с единообразными скучными воздухо-свето-радостенепроницаемыми жалюзи на окнах, пылящимися пустоглазыми иконами по тёмным углам, балконами, захламлёнными велосипедами, старыми лыжами и благими намерениями, сваленными в кучи на чердаках, теперь совсем уж никому не нужными ум-

ными добрыми книжками, мертвенно-бледными энергосберегающими лампочками на неряшливых кухнях и в одинаково обрыдло пропахших «утренней свежестью морского бриза» карцерах-уборных. Ух ты! Почти сто сорок слов! Неслабо выступили, внушает! Кстати, а вам доводилось бывать на той улочке? ...Нет? ...Так одевайтесь же скорее и бегите! Скоро сказке конец, а кто слушал, тот – молодец, успеет ещё добежать. Ближе, небось, чем до канадской границы-то, а?

– Гм... Заключительный твой демарш, малыш, честно говоря, как-то не особо вдохновляет. Мда-а-а-а... Точнее, вызывает полнейшее недоумение! Страх? При чём здесь страх, милый мой?! Когда ж это под его воздействием создавалось что-либо нужное, позитивное?

– Как же, как же? А лекарства, к примеру вакцины? Не перед лицом ли ужаса эпидемий, мора, уносящего тысячи, десятки, сотни тысяч человеческих жизней, созданы они?

– Никак нет, мон генераль! – в непримиримой борьбе! Пионеры от медицины на себе множество лекарств, противоядий, да и самих ядов испытали, болезни прививали, причём зачастую с плачевным исходом. Сифилис, бубонную чуму, лепру, прочую страшную заразу. Их и сейчас-то не хорошо лечат. Хочешь попробовать? Думаешь, не осознавали люди возможные последствия? Прекрасно осознавали, смею тебя уверить! Это ж какой силой духа, смелостью нужно обладать, дабы на муки мученические добровольно себя обречь?! Прошу учесть, не из каких-то эгоцентрических по-

зывают, а из высших, да что там – наивысших устремлений! Во имя науки, спасения жизней миллионов и миллионов людей!

– Уау! Жанин, милочка, да вам впору с высоких трибун ораторствовать. Несмотря на молодость-то! Может, стезю не ту избрали? Подумайте хорошенько! На кой ляд вам далась эта феррюкнутая Академия? Двигали бы прямиком в политику! С такими... хм... я бы сказал, исключительными внешними данными и способностями, м-м-м-м! – цены бы вам не было! Опять же телевизор значительно интереснее смотрелся бы.

Но Жанна Сергеевна, как водится, шуток не понимала:

«Слова твои, потомок алеманнов славных,

Пусты, как старый жбан рассохшийся,

Худой.

Затем лишь стерпитя огласка логосов тщеславных,

Воеже быть отвергнутыми твёрдою рукой.

Моей.

Той самой, что противна всяческому понуждению

в угоду блажи фарисействующих царьков.

Сильней!

И ярче буду дуть в фанфары просвещения,

Чтоб скинуть мракобесия поповского оков, и водки жажну с целью очищенья загаженных фекальями мозгов!»

– О-о-о-о! Зер гут! Дас ист фантастиш! Это есть бессмертный строки какой-нибудь великий поэт? Мастер Цветик?

– Нет, бляха-муха! Это – экспромт!

– О-о-о-о! Какой интересный имя у великий поэт: Экспромт! Дрек мит пфеффер! Брависсимо, бл*дь!

– Мой экспромт! И хватит уже, в конце концов, фиглярствовать, накушались, мазафака! Хотелось бы мне, кстати, мысль свою закончить.

– Давай, давай, холи шит! Заканчивай что-нибудь! Хоть бы и мысль какую. Самому интересно. Гм! Шайссе!

Бытует мнение, согласно которому некоторые йоги, достигшие определённой стадии просветления и, скажем так, успешно медитирующие на аджну-чакру, при желании могут взглядом разрушить, к примеру, Луну. Взять вот так, запросто, и разрушить любимое небесное светило к бениной маме! Ни с того ни с сего. Спорно, конечно, но всё ж не бесспорно, опасения-то имеются кое-какие.

К счастью для господина фон Штауфена, подобными навыками Жанна Сергеевна, судя по всему, не обладала, иначе шибко худо потомку алеманнов славных бы пришлось, столь красноречиво свиреп был её взгляд. Между тем не стоит забывать и о коронном лоу-кике ⁴¹ в исполнении девушки. Ноги отсушит будьте-нате! А ежели в голову зарядит? Гм... Тогда точно кирдык, сливай воду! Однако обошлось, как обычно, без эксцессов. Страсти поутихли, градус эмоций снизил-

⁴¹ Сильный удар сбоку ногой в муай-тай.

ся, разговор вернулся в привычное дискуссионное русло. После краткого раздумья решила госпожа Назарова всё-таки продолжать:

– Ролик, я имею вам сказать буквально следующее... Тут такая штукавина, значит... Страх, чтобы ты понимал, котёнок, – всегда, заметь, всегда! – порождает лишь жгучую ненависть, трусливое лицемерие и ложь, причём ложь гнусную! Наигнуснейшую! Самую что ни на есть правдивую! И потому – самую страшную! Ибо в таком случае отличить невооружённым глазом правду от вымысла становится практически невозможно. А со временем уже и не нужно. Да и неважно в большинстве случаев. Ко всему привыкаешь, сжи-ваешься. Пингвины вон всю жизнь на льдине живут, и ничего, не жалуется, уверены, что рай именно там! Зачем, спрашивается, силы попусту тратить, с ветряными мельницами сражаться? Правильно, незачем. Лучше денежку украсть, рюмочку махнуть, курнуть или девку трахнуть! Предпочтительней – чужую. Так спортивнее. Какой уж тут прогресс, пожить бы нормально годика два – три, надышаться...

Вновь и вновь мысли нервно шарятся в поисках зацепок. Не находят, тянутся за чужими. Попрошайка! Подкиньте уже кто-нибудь мыслишку девушке, не закончим ведь так никогда! ...Спасибо! Кого благодарить?

– ...Та же петрушка и с пресловутой твёрдой рукой. Дорогой мой, когда ты, безропотно принимая на веру чужие догматы, действуешь вроде бы и по собственной воле, да

не совсем, а подчиняясь незримому жёсткому диктату, это ведь на самом деле не твоё! Не добровольное вовсе. Понимаешь? Скорее... хм... добровольно-принудительное. И принудительного в том дьявольском коктейле, будь спок, пусть и в неявной форме, но куда больше, чем добровольного-то! Теперь ответь-ка сам себе: способен ли человек на принудительное самопожертвование? Уверена, что нет. Даже звучит глупо. Личная высокая мотивация должна быть, высочайшая! – а не просто какой-то там дурацкий приказ. Когда-то давным-давно подобная мотивация встречалась довольно часто. Возьми тех же врачей где-нибудь в Африке, например, миссионеров, учителей, да кого угодно! Вспомни, скажем, Стаханова, шахтёра. Был у вас такой?

– Какая разница, был, не был? Знаю о нём, слышал краем уха.

– Несомненно, в ту эпоху новейшего возрождения имело место мощное идеологическое воздействие. Но какое! Давай-ка на месте разберёмся! Начнём с того, что в победу коммунизма когда-то верили все, от мала до велика, и куклы деревянные, и даже в какой-то степени сами собственно бородастые кукловоды в ермолках. Во-вторых, эта их вера была столь крепка, что порождала невиданный энтузиазм! У отдельных граждан и целых коллективов! Миллионов сограждан! Вот где она спрятана, мотивация-то! Во имя светлого будущего! Огромную страну после ужасной войны в считанные годы восстановили! А что же сейчас? Да ничего! Пусто

в душе! Оно и понятно, в обществе свиного потребления маловато места даже для самого скромного гражданского подвига. Для скромняжки! Тесно ему, понятно? Душно! И куда это, интересно знать, согласно вашей гипотезе, товарищ фон Штауфен, мы под аккомпанемент дружного прикорытного хрюканья от свинского промискуитета семимильными шагами движемся, а? Как в песне, вместе со временем, тру-ту-ту-ту-ту! Думм вашу копф! К каким таким высоким и чистым отношениям?! Ныне лень человеческая да гордыня непомерная всем твоим прогрессом хвалёным заправляют! ...Тихо ты, поросёнок! Не шуми, а то щас как дам больно! Обсуждению не подлежит, времени в обрез. Как-нибудь потом... Что же касается уважения, здесь, по-моему, самое важное не какое-то там умозрительное пренебрежение, а отсутствие – просто-таки табуированное отсутствие! – любых проявлений между близкими людьми лжи, вранья и прочего обману. Во как! И в этой связи, малыш, вспоминается теперь первая формулировка всеми обожаемого и, вероятно, по причине всеобщего обожания всеми нами же, от холопа до государя, регулярно нарушаемого незабвенного категорического императива: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». Во-о-о-от, значит, как! Именно так я всегда и поступаю, объявляя соискателям на совместное со мной, красивой, проживание свои, пускай не для всех привычные, но обоюдочестные исчерпы-

вающие условия. Господин Ширяев, кстати, не исключение.

– Что же это за условия такие зверчайшие... не для всех привычные?

– Роланд! Ау! Вы повторяетесь! Мы с вами битый час темку мусолим. Сколько можно? Вы уж и так по-всякому изгалялись, обзывались тут и банальной сексуальной распущенностью, и рядовым вульгарным бл*дством, и свинским... этим... Подсоби, мон шер, не откажи в любезности, – Жанна наигранно застенчиво потупила глазки. – Пуф-ф-ф! Запаятовала я!

– Промискуитетом, думм твоя копф!

– Во-во! Им самым, курва матка! Должна, кстати, сказать, котёнок, это твоя копф – думм, дырявая, точно старухино корыто! Не держится в ней ровным счётом ничего, блин горелый! Всё по десять раз напоминать приходится. Я о себе ничего не скрываю. Говорю, как оно есть: сла-ба на пе-рье-док!

И ежели кто из вас горит желанием со мной сожительствовать, господа хорошие, прошу мириться с этими моими маленькими слабостями. В свою очередь, готова мириться с вашими. Вы мне жить не мешаете, я, соответственно, – вам. Прямохонько по Канту! Притом что секс, как ранее уже вскользь упоминалось, это ведь никакая не измена, а всего лишь удовлетворение одной из многочисленных естественных потребностей женского организма, в чём ты, заметь, ни чёрта меня так и не разубедил! А как старался, как старался! За мужской говорить не стану, вам, мужикам, виднее...

– Это ты так считаешь, а подавляющее большинство нормальных людей иначе живут!

– Кто бы возражал! Просто один умник, не станем пальцем в глаз ему тыкать, как обычно, слегка извратил смысл сказанного. Я разве кого-то к чему-то призывала? Агитировала за «свободные» отношения? Решительно нет, малыш! Это ты всё наезжаешь да наезжаешь в тщетных попытках меня перевоспитать! Зря стараешься! Я просто так живу. Понимаешь? И всецело убеждена, что с любых позиций, каких угодно, в том числе и морально-этических, гораздо честнее и правильнее заранее точки над и расставить, нежели впоследствии нагло лгать бессовестно друг другу и гнобить всю оставшуюся жизнь! Притом что всё согласно твоему любимому императиву: ежели мне что-то можно, значит, и партнёра в том никто ограничивать не вправе. Главное, честны-

ми всегда быть, приличия соблюдать, гигиену... А вот у вас-то, родненькие мои, что-то с Кантом вконец не заладилось! Ты, мон шер, когда к Симоновой-то, к мартышке своей, под юбку лазил, поди, Наташке индульгенцию на блуд не выдавал? Нет, не выдавал! И она тебе не выдавала, а сама блудила! Как же так? Ха-ха-ха! Разврата мало вам, вы ещё и во лжи друженько чохом погрязли?! А между тем неплохо бы знать: «Вот шесть, что ненавидит Господь, даже семь, что мерзость душе его: глаза гордые, язык лживый, руки, проливающие кровь невинную, сердце, кующее злые замыслы, ноги, быстро бегущие к злодейству, лжесвидетель, наговаривающий ложь и сеющий раздор между братьями» ⁴². Смотри пункт два. Не знаешь цифирь, смотри его же! Читать, надеюсь, умеешь? Не помню точно, откуда цитатка, но за содержание ручаюсь!

– Чего ты до Симоновой-то дободалась, Сергеевна? Ревнуешь, что ли?

– Кого? К кому?

– Ясное дело! Меня к ней!

– Вот ещё, размечтался! Ха-ха! Может, её к тебе?

– Да ну тебя! Гм! Шайссе! Нахрен этого Канта, я уж лучше повру малость и погноблюсь... Интересно, кто-нибудь согласился?

– Согласился? На что? Не поняла...

– Не включай феррюкнутую, Жанин! И без того... весело!

⁴² Библия, «Книга притчей Соломоновых», 6:16-19.

– А-а-а-а... Ты об этом!

– Об чём же ещё-то?

– Дык... Вот Юрий Иванович, голубь мой сизокрылый, как раз и согласился! Единственный и неповторимый в своём роде. Долгих лет жизни ему и доброго здоровьяца!

– Да иди ты?!

– Бля буду!

– Ты и так... Неубедительно!

– Чтоб мне окриветь! Чтоб на меня у собаки не встал!

– О! Теперь верю! Ну, Юрец даёт, бродяга... Холи шит!

Попандос ходячий!

– А что ему оставалось-то? Две недели вокруг да около ходил. Маялся, бедненький! Кстати, я тут подумала... Ежели честно, без дураков стараться жить по принципам кантовской этики – чем не путь, стимул к самосовершенствованию?

– Ну, начнём с того, что «путь» и «стимул» – немножко суть разные вещи. Но даже не обращая внимания на различия... Хе-хе! Как же их заставить, людей-то? Они и о старике Канте-то знать, в массе своей, ничегошеньки не знают! Кроме того...

– Зачем заставлять? Я так живу! Аха-ха! Съел? Выкатывай сюда поскорее свои нобелевки! Желательно все сразу!

– Дай договорить, плиз! Кроме того... О чём то-бишь я? А-а-а-а... Кроме того, этику Канта много критиковали, например, за несоответствие так называемому золотому правилу нравственности. Критикуют, кстати, и доньне. Удобная

такая мишень для словоиспражнений, ленивый разве что не пнёт. Устарела, говорят, несовременно, неактуально...

– Да? Как интересно! Но ты же ведь сам... Ах, так! Тогда, умники-критики, библейское правило примите, пожалуйста, к неукоснительному исполнению: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки»⁴³! Если память мне не изменяет, что навряд ли, – Евангелие от Матфея, где-то в самом начале ищи. Это вечное. Никто не желает покритиковать? Своё отношение к сказочкам Древней Иудеи ты уже не так давно высказывал. Услышали. По существу собственно данного стиха есть что-нибудь возразить, добавить, съязвить?

Разумеется, у голубчика Роланда фон Штауфена было с собой завёрнуто, что возразить, добавить и даже – вы не поверите! – съязвить по существу одной из самых, без сомнения, популярнейших библейских максим. Кто бы сомневался! Но сегодня – увы! – не его день. Не свезло мужчине! И мы, наверное, так никогда и не узнаем тевтонского авторитетного мнения на сей замысловатый счёт, ежели, конечно, не ретранслируем дискуссию куда-нибудь в параллельную реальность. Или в перпендикулярную? На ваше усмотрение. А пока в дверь настойчиво постучались. Очень настойчиво! Просто долбились истерично!!!

– Ой! Никак Хрюкотанчик наш объявился?! – Жанна Сергеевна уже порхала по комнате, прихорашиваясь на ле-

⁴³ Библия, «Евангелие от Матфея», 7:12.

ту. – Звонок, что ли, опять не работает?! До чего ж вы, мужики, безрукие все! Ничегошеньки наладить как следует не можете! Беги, котёнок, открывай. Да хватит там греметь уже! Не приведи господи, Ширяева мне разбудите! Я вас обоих тогда в фарш наколбашу, поросята!

– Кто, кто?!

– Что «кто»?

– Толстосвин твой. Как ты его назвала-то?

– Хрюкотаньчик! Ха-ха! Правда, мило?

– Гм! Мило? А я тогда кто? Кто я по твоей... этой... свиной классификации?

– Ты? ...Борзохрюк, вот ты кто! Открывай скорее! Он же сейчас дверь вместе с косяком вынесет, мазафака! Что за нетерпение?! Приступ диареи, что ль, у кого-то?! На уши давит?!

«...В камеру вкатился матёрый жирный енот с охапкой прутьев. Он шёл прямо, прямо, пока не упёрся в решётку. Тогда он сел и начал раскладывать прутья, чтоб разжечь огонь. Взгляд у него был ошалелый, поэтому я догадался, что Лемюэл енота загипнотизировал. Под дверью камеры собралась толпа. Нас-то она, само собой, не видела, зато глазела на матёрого енота. Я тоже глазел, потому что до сих пор не могу сообразить, как Лемюэл сдирает с енотов шкурку. Как они разводят огонь, я и раньше видел (Лемюэл умеет их заставить), но почему-то ни разу не был рядом, когда еноты раздевались догола – сами себя свеживали. Хотел бы я на это посмотреть...»⁴⁴ Все бы поглазели с удовольствием, да? Не зря мы, поверьте, уделили здесь внимание творчеству мистера Каттнера, ибо очень уж Максимилиан Варламович смахивал нынче на того самого енота. Такой же жирный, матёрый и ошалелый. Не было, правда, особой уверенности в чьих-либо намерениях жечь костёр на полу Юркиной служебной однушки и уж тем более устраивать здесь же акт публичного самоизжаривания, однако складывалось впечатление, будто шкурку с него и впрямь сегодня уже разок-другой сдирали! Он шёл прямо, прямо, пока не упёрся в стол. Сел рядом и затих, тупо уставившись в никуда.

– Ну, здравствуйте! – сухогато, прямо скажем, поприветствовал гостя Роланд.

⁴⁴ Г. Каттнер, «Котёл с неприятностями».

Что за хамство? Руки даже не подал. От же немчура заносчивая! В каком хлеву воспитывался?! Меж тем никто, похоже, и не обиделся. Видимо, не до того.

– Привет, мурзик! Эй, Макси-и-ик! – Жанна помахала руками перед окаменевшим лицом. – Парниша, что с тобой?!

– Ничего. – Выражение пустых безжизненных глаз не изменилось. – Выпить есть? Налейте, ёта мать!

– О-о-о-о! Как всё запущено! Ролик, милый, мне там где-то в холодильнике початая бутылка водки пригрезилась. Глюки? ...Нет? В таком случае нацеди, будь добр, граммчиков сто, не больше. И минералки прихвати, запить, если не сложно! ...Кончилась? Тогда простой воды стаканчик. Слаб мальчонка...

Полстакана «Посольской» пролетели легко, без сучка и задоринки. Никакой запивки не понадобилось.

– Ещё! – всё тот же застывший гипсовый слепок вместо лица.

– А не поплохеет тебе, Хрюкотаньчик? Нам работать и работать!

– Какая, блин, к чертям собачьим, работа?! – глаза наконец-то ожили, страх сквозил в них. – Там... – он вжал голову в плечи и как-то неопределённо пошевелил руками. – Бл*дь! Там человека убили!

Немая сцена. Словно гром среди ясного неба! Это, промежду прочим, стольный град Берлин, ежели кто подзабыл! Причём Берлин, надо понимать, совсем не тот, что в прис-

нопамятные времена, после падения знаменитой Стены, на гребне истеричной, подчас граничащей со слабоумием популистской волны толерантности в течение нескольких десятилетий кряду до краёв заполонили разношёрстные толпы ауслендеров ⁴⁵. До самой последней капли человеческой терпимости, когда хочется порвать уже кого-нибудь в клочья! Ведь пришли люди, заметьте, абсолютно иного уклада и весьма, так сказать, бесцеремонно вторглись в чужой монастырь со своей жизненной парадигмой, непонятной, мягко говоря, большинству консервативных, без того потихонечку вымирающих от инбридинга ⁴⁶ аборигенов. Молодые, сильные, красивые, девственно невоспитанные, с хорошими зубами, честолюбивыми планами, амбициями и крепкими яйцами, свободные от каких-либо обязательств и предрассудков в своём едином халявном порыве – от работы кони дохнут, пускай туземцы работают! – эти незваные «вечные гости», брошенные к тому ж «гостеприимными хозяевами» в своём собственном доме на произвол судьбы, конечно же, не смогли, да и не захотели ни с кем и ни с чем ассимилироваться, предпочтя колготиться обособленно, повсеместно создавая в жирующей скучной Европе полулегальные нервные гетто, анклавов, разного рода тауны. Откуда, собственно, и доньше расплозятся кое-где по белу свету, на-

⁴⁵ От die Ausländer (нем.) – иностранец, иноземец, чужеземец.

⁴⁶ Инбридинг – форма гомогамии, скрещивание близкородственных форм в пределах одной популяции организмов.

ряду с привычными уже национальным бандитизмом и рэкетом, наркомания, проституция, контрабанда, подпольные казино, профсоюзы докеров и мусорщиков, прочие, прочие весьма прибыльные штуки. Вызывающие, в свою очередь, живейший интерес недобритых brutальных дядек, эпизодически устраивающих мафиозные разборки за передел сфер влияния с обязательно смакуемыми падкой на жареную человечинку, девственно «свободной» от совести прессой актами ужасающе кровавого насилия и изощрённых убийств, до трясушки пугающих простых обывателей.

Но... Это всё где-то там, в другом мире. Сложности с охраной правопорядка? Проблемы? Не-е-ет! Где угодно, только не здесь! Никаких вам миграционных заморочек, цветных гетто, всяких там чайна- и вьет-таунов. Здесь всё ж таки, господа присяжные заседатели, Восточный Берлин. Вос-точ-ный, смекаете?! – по праву считающийся, благодаря совместным усилиям бдительных граждан, вышколенной полиции и скромных незаметных вездесущих сотрудников Штази, одной из наиболее безопасных европейских столиц, да и вообще городов Конфедерации. Стена на месте, даже выше стала, крепче, красивее! Преступность, разумеется, имеет место, как, впрочем, и везде, где когда-либо ступала нога хомо цивилизованного. Может, хама? Больше, знаете ли, подходит. Нда-а-а... Воришки есть, безусловно, фарцовщики, спекулянты, хулиганы – шпана мелкая, футбольные фанаты, в общем, всего понемножку. Но без перебора! Как

и всё у педантичных немцев: ровно столько, дабы полицаи местные в тонусе держались, мохом не поросли от безделья. Гм! Но чтоб вот так, средь бела дня... человека убили? Тем более на территории Академии Службы Конфедеративных Маршалов?! Осмелимся предположить, самого закрытого и охраняемого учебного заведения во Вселенной?! Невероятно, но факт! Это-то нашим фигурантам мозг и подорвало. Кого-то, вполне ожидаемо, напугало, кого-то призадумало... Чертовщина, право дело! А насчёт Вселенной... Хе! Что ж, вполне возможно, слегка и загнули...

– Как убили?! Где убили?! Кого убили?! – хором взвопили присутствующие, тут же загалдели на все лады. – Шутник, мазафака! ...Хорош идиотничать! ... Шайссе! ... Да за такие шутки козлиные глаз на жопу...

– Скорую видели? Нет? Хоть слышали? – Максику, видимо, не до шуток, да и глаз жалко. – За трупешником торопились. Но... Облом-с! – Ещё более втянул голову в плечи. – А в коридоре, чтобы понятней было, пара крепких лысых чуваков дежурят. Один из них, кстати говоря, меня от подъезда аккурат до вашей дыры конвоировал. Откуда, спрашивается, этот урод знал, что мне именно сюда нужно, а?! Всю дорогу в спину тыркал, торопил, недоносок, ёта мать!

– Во-первых, здесь не тюрьма, малыш, – мягко возразила Жанна, – чтобы тебя конвоировали. Во-вторых, не такая уж ты, поверь мне, важная птица... И, кстати, никакая это не дыра, мазафака, а очень даже милая квартирка!

– Хорошо, хорошо, хоромы княжеские! Пусть сопровождал. Что-то принципиально поменялось? Не верите, сходите, сами гляньте! Сто пудов до сих пор ведь в коридоре сторожат, крокодилы!

– И то верно! Как это мне сразу в голову не пришло? – метнулась было девушка к двери. – Посмотрю? Я быстренько!

– Куда?! Стоять! Шайссе! – Роланд зычно гаркнул, аж самому неудобно стало. – Куда тебя понесло в таком виде? Хולי шит! Приключений на свою арш очаровательную ищешь? Рептилий не видела? В зоопарк сходи, фикиен их всех! А если он, и правда, типа того... не врёт? Похоже, кстати, на то... Сиди уж, отпаивай... этого своего... Хрюкотана несчастного! Сам схожу, гляну.

Отсутствовал всего где-то около десяти-пятнадцати минут, не более, фон Штауфен воротился, судя по всему, тоже слегка не в своей тарелке. Не столь расстроенный, конечно, как Максик, но и без выражения особого энтузиазма на лице.

– Грхм! В натуре пасут. – Удручённо проворчал бош. – Контору, естественно, не желают засвечивать, но все орлы при пукалках. – Хитро сощурившись, пригрозил пальцем входной двери. – От старого лиса ничего не скроешь! Пижнаки-то вона как топырятся! Дрек мит пфеффер! То, что кого-то грохнули, эт факт! По-видимому, птицу важную и, судя по всему, – гринго ⁴⁷. Я новосветский прононс паскудный,

⁴⁷ Презрительное обращение к американцам в Латинской Америке.

соплежуйский, с берушами в ушах различу! Разговаривают, точно рот свинбургерами набит, фикиен их в самый арш! И торчат нам здесь безвылазно, по самым скромным прикидкам, часа три – четыре, не менее. Пока, значит, Шерлоки ихние Холмсы вместе с Пинкертонами разнохают там всё досконально. Да-а-а-а... Отпечатки пальцев ног на потолке снимут, помаду губную соскребут с писсуара. А может, вообще и не помаду, а пятна крови... хм... дефлоральной! Хе-хе! В грязном белье покопаются, пепельницы перетряхнут, корзины мусорные. Бачок опять же помойный опустошат – объедки перепробуют все на предмет возможной отравы ядом или, к примеру, наркотой. Хм! Заодно и пообедают...

– Фи, какая гадость! – Жанна Сергеевна прыснула в кулачок. – Хорош скабрзничать уже! Вы, мон шер, чай не в бомжатнике! Здесь всё ж таки приличные люди-то собрались!

– Вот и я говорю – гадость! А трупешник, кстати, так и не вывезли. Он там всё ещё лежит, мелом очерченный, валяется, очереди своей ждёт. Увезли девку какую-то покалеченную, еле живую. Мне только одно непонятно... – Рол озадаченно тербил мочку чисто арийского лопухого уха. – Почему вся эта чешуя происходит именно в нашем, извиняйте, вашем совковом секторе? Какого рожна бедолага гринго именно сюда припёрся? Мамзелька ещё эта при нём стрёмная... Гм! Ну, дела-а-а-а...

– Мужчину, между прочим, в лестничный пролёт сбросили! Понимаете? – вскинулся вдруг Максимилиан Варламо-

вич. – Какие ещё, на х*й, писсуары, пепельницы? Что вы такое городите несусветное?! Неужто вам человека совсем не жаль? И девушку вслед за ним... Оттого, видно, и жива осталась. Труп при падении удар смягчил. О ужас! – воздел он руки. – О времена! – возмущению его не было предела. – О нравы!

– А ежели он сам упал? – не унимался с лёгкой издёвкой Рол. – Что скажете? Стояли, шахер-махер, мальчик с девочкой на лестничной площадке, никого не трогали, целовались себе взасос. Вдруг, ой! Что с тобой? Поскользнулся мальчик, как водится, на кожуре банановой, незадачливыми контрабандистами подброшенной, потерял равновесие и-и-и... Фьють! – наслаждался тевтон собственным красноречием. – Чёрт побери! Крылами взмахнул и полетел! Вниз, разумеется, куда ж ему ещё лететь, думм твоя копф?! Сверху-то крыша, не пробиться! Шъёрт по-бье-ри! И так это, понимаете ли, бодро полетел, что не успел вовремя затормозить. Да ещё подружка солидное ускорение придала. Она-то, по всей видимости, высвободиться пыталась из его цепких лап, но... Увы! Не змогла! А вдруг они вместе прыгнули? Чем не рабочая версия? Несчастливая любоффь и всё такое... – бош неприлично почесался. – Эдакие Монтекки и Капулетти местного разлива! Забрались под купол цирка, взялись за руки, феррюкнутые, и сиганули на потеху благородной публике...

– Вам не надоело паясничать, Роланд, клоуна корчить из себя? – как-то уж слишком нервно отреагировал Хрюкотаньчик. – И хватит тут яйца почёсывать! Человек, между прочим, погиб! Ёта мать! Вы не заметили?!

– Гм! Хамить изволите, батенька?! – интонация тевтонского вокала теперь не предвещала ничего доброго.

– Тэ-э-эк-с! Давайте-ка быстренько на кухню, мальчишки! – весьма вовремя разрядила обстановку благоразумная хозяйка раута. – Там поговорим. Развыступались крикуны, понимаешь! Доставай бутылку, Ролик. И закусь на стол мечи, не жмотничай! Тоже, пожалуй, глотну по такому случаю. А ты, кстати, почему осведомлённый такой выискался? Где, кто лежит? Куда, кого повезли? Сам-то откуда знаешь?

– Дык пообщался со служивым вежливо, хе-хе! В отличие от некоторых. – Хмуро покосился на Максика. – Куревом угостил. Пока напарник его отлучался куда-то. По-маленькому, надо полагать...

– А может...

– Не может! Здесь вам не тут! По-большому будут, когда всех преступников изловят!

Должно отметить, мадам Д’Жаннэт слегка погорячилась. Похоже, не стоило ей столь опрометчиво распоряжаться клёвыми харчами, к тому ж – чужими! Явно просчиталась девушка! Ели молча, пережёвывали случившееся. Каждый по-своему. После очередной стопки Максика, как водится, раз-

везло в зюсю, и он, растёкшись по столу и двум стульям одновременно, напоминал теперь скорее огромного, выбросившегося с горя на брег скалистый, несчастного тюленя, нежели приличного, пускай и слегка ошалелого, енота.

Пережитый стресс вкупе с употреблённым вовнутрь изрядным количеством водочки, видимо, пробудили в нём зверский аппетит, вследствие чего ширяевские запасы, тут же подвергшиеся жесточайшему истреблению, таяли, словно сливочное масло во рту Феде Давидовича ⁴⁸. Хм! Бережливому германцу только и оставалось, что грустно хмыкать да вздыхать вослед колбаскам, нарезке, сыру, иной снеди, с первою космической скоростью исчезающим в ненасытном чреве. Они-то с Назаровой тоже, разумеется, рюмку-другую выкушали и закусили, однако супротив рыжего Гаргантюа ⁴⁹, к тому же под большой жирной мухой, даже парным разрядом достойно выступить шансы невелики! Разве что Добряка Ральфа на подмогу вызвать! Да и к чему, скажите на милость, юной леди все эти излишества? Все эти килокалории и килограммы? Так, баловство одно... Оставалось лишь ждать и трепетать в надежде, что милый Хрюкотаньчик до беспмятства всё же не обожрётся! Слава богу, процесс поглощения, к вящей радости присутствующих, вскоре застопорился. Натолкав в итоге под завязочку впечатляюще вместитель-

⁴⁸ Д. И. Ювачёв (Хармс), «Федя Давидович».

⁴⁹ Персонаж-обжора сатирического романа французского писателя XVI века Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

ный свой эпигастрий, гражданин Гонченко с явным сожалением отпал от корытца. Некоторое время он так сидел, сопел, вяло переводя осоловевший взгляд с остатков колбасы на распотрошённую упаковку ветчины, затем на огрызок языка, горбушку хлеба и так далее, и тому подобное, по кругу, пока не почувствовал вдруг острую потребность немедля выговориться, излить душу кому-нибудь, чтобы, значит, почувствовать себя наконец-то Д'Артаньяном в придорожном сортире, ощутить всеобщее внимание и даже, чего уж там, погреться в лучах мимолётной славы. Языком спьяну помолоть – любимое занятие мужское, девки отдыхают! Сей же момент глазёнки голубые блеснули, бровки птичками белёсыми взлетели, рыжий бобрёк аж ирокезом вздыбился, спящий проснулся и запричитал гундяво:

– Ой-и-и-и! – со звоном хлопнул себя по лбу. – Говорила мне мама: не ездни никуда, сынок! Не ездни, говорила, и всё тут! Гы-ы-ы-ы!

При этом каждое его слово сопровождалось ухмылками, охами, ахами, междометиями, пожиманием плеч, закатыванием глаз и прочими обезьяньими ужимками. Толстосвин и по трезвяку-то выглядел, положа руку на сердце, довольно дурашливо, а в подпитии так и вовсе – шут гороховый! Всё-таки пьяные в массе своей люди странноватые! Причём Назарова нашла сие ламенто ⁵⁰ милым и даже забавным, в то

⁵⁰ В опере XVII–XVIII вв. (преимущественно итальянской) – ария скорбного, жалостливого характера, как правило, предшествующая переломному моменту

время как у Роланда пьяный Максяткин скулёж, напротив, провоцировал лишь приступ сильнейшего раздражения!

Так, кстати, случается, ибо одни и те же события зачастую вызывают диаметрально противоположную реакцию: инь и ян, чёрное и белое, мужское и женское. Извечные, знаете ли, склоки, ссоры, раздоры. Как только вместе уживаемся, мир делим? А у геев и лесбиянок что? У олигархов, челяди прикормленной? Всё сплошь голубое или розовое? Где в их однополюсной жизни, в таком случае, единство и борьба противоположностей? Гм! Тоже ведь вопрос неоднозначный...

– ...И куда это, интересно знать, ты попрёшься на ночь глядя, мудило? – вопрошал мужчинка сам себя. – И правильно! Э-э-э-э... Куда я попрусь? Голодный, холодный, несчастный... Всеми забытый, брошенный... М-м-м-м... Останься дома, уговаривала она меня... Представляете? У-у-у, не останусь! Нет! И не уговаривай! Съешь котлеток, выпей чайку, телик посмотри! Ну-у-у... Бля-а-а-а... Я же не такой, правильно? Если я срочно нужен друзьям, какой может быть телик? А-а-а? Я вас спрашиваю, ёта мать! И не нужно думать, будто Максимилиан Гонченко чего-то там испугался! – громогласно вдруг возвестил он с видом пьяного мышонка, вознамерившегося скушать злобного дворового котища. – Варламыш ни х*я не боится! Да-а-а! И нех*й тут... С вашими, понимаешь... Максимилиан всегда спешит на помощь! Вот так-то!

© B.Sobesednik & Julia-Dee

FAKIR

Это нужно было видеть! В конце своего душещипательно-го спича Максик, вы не поверите, столь артистично закатил глазки и всплеснул ручонками, эпатажно и, не побоимся этого слова, – жантильно, что железный бош таки сломался. Не сдюжил нервического напряжения тевтонский рыцарь! Ай-яй-яй! И потому, исходя желчью, едва-едва сдерживая рвотные позывы, давясь сильным, при ближайшем рассмотрении не очень-то искренним кашлем, быстренько ретировался в ванную.

– Чего это... он... Грхм! С ним?

– Не знаю. – Отвечала Жанна, загадочно улыбаясь. – Слюной ядовитой поперхнулся, видать. Ха-ха!

– Бля-а-а-а... Дела-а-а-а...

И тут наш Хрюкотаньчик вдруг начал удивительнейшим образом быстро трезветь. Прямо на глазах!

– ...Странности начались, только я подъехал. – Потекло из него вполне связно, причём без всяких предисловий, словно вентиль открыли. – На подъезде скопилось довольно много машин. Австрийцы же через наш сектор срезают, чтобы крюка не давать, бельгийцы, ещё кто-то, по-моему – испанцы. Брукмюллер с Кристиной отметились там, Раухенбахи с детьми, Ибанес, паршивец, как всегда, с новой шикарной тёлкой. Во чувак даёт, полностью фамилию оправдывает, ёта мать! Букву бы ему одну поменять... Ещё какие-то ребята, я их впервые видел. Иноземцев в объезд направляли,

наших всех здесь тормозили, не пропускали. Собрался уж было домой разворачиваться, смотрю, сзади – скорая. Пришлось посторониться, пропустить. И в этот момент здоровенный мордovorот из службы безопасности показывает, да так, понимаете ли, настойчиво, мол, дуй за скорой, и побыстрее! Мне куда деваться-то? Дунул, ёта мать! Налейте, что ли!

– Хватит уже бухать, алканоиды! – откуда ни возьмись, тихой сапой нарисовался брутальный Роланд. Никто его и не заметил, а он, точно суслик дембельский, тут как тут. – Всё самое интересное в жизни пробухаете, алкаши-разрядники! Я же сказал, часа три минимум нам тут безвылазно торчать. Работать будем! Ты-то вообще в курсах, урюк, зачем тебя сюда позвали? ...Нет? Шайссе! ...Юрке помочь слойку собрать, а не жрать и бухать на халяву! – ввернул-таки своё «фи!» злой германец. – Вот зачем! Дармоед, холи ш-ш-шит! ...Что не знаешь? ...Тебе и не нужно ничего знать, Жанин вон всё подскажет. А пока валяй дальше! Рассказывай давай, фикин тебя! Чего застыл-то?

Вы не поверите! Максимилиан Варламович уже почти как стекло! Слегка запотевшее, конечно, но вполне ничего себе, пригодное к употреблению. Фон Штауфен в непонятках, Жанна Сергеевна тоже на измене слегка. Коротенький диалог вполголоса:

– Мадемуазель, вы с этим хлыщом давно знакомы? Пару стакашков чистоганом ведь засадил, не разбавляя, курва матка боска! И ни в одном глазу!

– Да я сама ох*ела! Извините за красное словцо. Обычно пары коктейлей полуалкогольных хватало, чтобы мальчик... того... в соплю, а тут такое дело...

Между тем Максик по-хозяйски так не терпящим возражений, командирским тоном продолжал себе вещать, не особо заморачиваясь интригой происходящего:

– Ладно, ладно! Хотели слушать? Так слушайте, не болтайте! Подлетаем мы, значит, к жилому корпусу, там народищу-у-у! – не протолкнуться! И как раз носилки вывозят, а я за скорой впритык стою, всё на моих глазах происходит. Вижу, сиськи торчат под покрывалом, знамо дело – женщина на носилках. Шевелится. Ну и слава богу, думаю, ничего страшного! Пятна крови, правда, на ней. Неприятно. Дайте хоть закурить-то, ёта мать! Свои в машине забыл.

– Курите, курите, Максимилиан Варламович, батюшка! – Рол пришёл в себя и снова всю стебался. – Может, сигару желаете из ширяевских запасов? Настоящие кубинские. Без бля! Рекомендую! Презент! Э-э-э-э спэйшл фор юоу-у-у-у! От небезызвестного гражданина-а-а... Ебанеса, кстати.

– С превеликим удовольствием!

Ага! На халяву-то чего ж экзотики не пыхнуть?! Авось понравится! Сигарный дым заволок комнату и повалил клубами в приоткрытое окно. Там собрался в тучи, а внизу забегали люди, выглядывая из-под зонтиков и приговаривая: «Тц-тц-тц, похоже, что дождь собирается! Тц-тц-тц, похоже, что дождь собирается!» Они бегали и бегали, а дождь всё не

собирался и не собирался... Ерунда какая-то! Так и не собрался. Люди собрали зонты и недовольные разошлись. Нда-а-а... Халява, безусловно, вещь сладкая, однако необходимо помнить – почти из всех правил бывают весьма, весьма горькие исключения. Сигары – особая статья! Тем паче – кубинские.

О-о-о-о! Лишь истинный любитель по достоинству оценит их необыкновенный вкус и аромат! «Ромео и Джульетта», «Коиба», «Х. Упманн», «Партагас», «Монтекристо» – ласкают слух ценителей сигар. Людям же насквозь порочным, намертво свыкшимся с противными вонючими липкими сигаретками либо с огромным трудом от них отказавшимся, высокого кайфа попросту не понять. Как не понять его и простым смертным, ассоциирующим тонкий аромат великолепно скрученной «Черчилль» или, скажем, «Лонсдэйл» в лучшем случае с запахом давным-давно не стираных, одиноко стоящих в углу носков, чадящего кизяка или ещё чего похуже...

Максик сигары курить, без сомнения, не умел. Он бы в курильщики сигар пошёл, кто ж его научит? Да и, как чуть позже выяснилось, не хотел вовсе. Просто выпендрился маленько! А вот понимание этой простой тезы пришло к пареньку явно с некоторым запозданием. Несколько довольно-таки глубоких затяжек на свою несчастную задницу он сделать всё ж умудрился. А как же иначе? Кто первый прокукарекал, того и в суп! Напросился – будь добр, исполняй! Тем более

в присутствии хорошенькой самочки! Пых!

– ...Кое-как припарковался на стоянке за домом. Пых-пых! – рассказчик кайфовал, вполне заслуженно ощущая себя центром всеобщего внимания. – Гляжу, в теньке прямо на газоне злобно нарушают правила парковки штук пять огромных джипов затемнённых с штатовскими номерами. Та-а-ак! Пых! Ничего не бояться, суки! Мне бы сейчас мигом штраф размером с месячное жалование влупили, по самые не балуйся! Этим же пох всё! И бродит вокруг такой, знаете, как в дешёвых голливудских боевиках, бугай с квадратной челюстью, в абсолютно непроницаемых очках и с пружинкой в ухе. Эдакий перекачанный кот Базилио! Мэн ин блэк! Пых-пых! Не-е-ет, думаю, дело не в женщине! Тут что-то поинтереснее!

В общем, поначалу всё шло ничего себе так, довольно естественно и непринуждённо: Хрюкотаньчик самозабвенно пыхал настоящим хабанским ⁵¹ дымом, бош садистки ухмылялся, периодически поглядывая то на него, то на часы, Жанна с любопытством и в то же время с некоей опаской в трепете душевном ждала неминуемого трагикомического финала.

– ...Только-только из машины вылез, значит, дверь не успел закрыть, уже какой-то мелкий бес в костюмчике вокруг вертится и на этом своём гундявом американском английском приглашает куда-то с ним незамедлительно пройти. Пых! Я бы, может, грешным делом и отказался, нда-а-а-

⁵¹ От исп. La Habana – Гавана, столица Республики Куба.

а... Но тут меня быстренько взяли в оборот пара будто из-под земли выросших питекантропов с дежурными пружинками в ушах и понесли. Двое из ларца, козлы вонючие, одинаковы с лица! Да так бодро! Этот, мелкий, за нами едва поспевал!

И доставили, значит, нас прямёхонько в соседний с вами подъезд. Во-о-о-от... Пых-пых! Там какой-то пучеглазый лысеющий головастик долго и нудно выпрашивал: кто я, откуда, где работаю, с кем, извиняюсь, трахаюсь, но ни разу – ни разу, слышите?! – не выпросил, а за какой такой ох*ительной надобностью, Максимилиан Варламович, ты сюда припёрся, а? Потому что явно для галочки! Точно заранее все ответы знал, ёта мать! Да я бы тогда, наверное, и не ответил. Сам не знал, честно говоря... Пых! Там же лежал труп. Возле него-то, собственно, всё и происходило. Зрелище омерзительное, граждане, доложусь я вам! Бр-р-р-р! Лужа крови, ошмётки мозгов на стенах, – рассказчик судорожно сглотнул, Назарова занервничала, – руки переломанные, ноги... – обошлось пока. – Фу! Кошмар! Затем головастик скомандовал одному из питекантропов. Та-а-ак, значит... Он-то меня сюда прямым ходом и... приволок. Препроводил то есть. Там... За дверью как раз один из этих... Пых-пых!

Дождались... После очередной, так скажем, смачной за-тяжки Максимилиан Варламович вдруг закашлялся, позеле-нел, виновато огляделся по сторонам, вскочил и, зажав рот обеими руками, выпучив глаза, быстро-быстро засеменял в сторону санузла.

– Марш за ним, гнусный провокатор! Уморил-таки бед-ного Максика?! По полной ответишь мне, сadyoga! – Жанна Сергеевна взашей вытолкала бессовестно гогочущего Ролан-да в том же направлении. – Блевать только в унитаз, мазафа-ка! В биде и писсуар – не смей! Бельё чистое там не запач-кайте, только-только погладила! Суки, бл*ди, проститутки!

Кайф Максяткин кончился, по сути, так и не начавшись, но за всякое удовольствие всегда приходится платить, при-чём, что интересно, за сомнительное – втридорога! Максик, судя по всему, заплатил сполна, ибо, когда минут через трид-цать – сорок сердобольный, насколько гены позволяют, фон Штауфен приволок обратно его вымоченную в холодной во-де, обмякшую тушку, лица на бедолаге не было.

– Жив?

– Жи-и-ив курилка! Куда он, на х*й, денется из самолё-та? Единственно, зря Юркины продукты извели. Глокает не жуя, мишуген поц! Колбаски целиком выпрыгивали из него! Шайссе! Просто троглодит какой-то!

– Надеюсь, унитаз не засорился?

– С трудом-с, но сдюжил-с!

Всё это время несчастный возлежал на специально по такому поводу освобождённом от всяческого хлама кухонном диванчике и молча страдал, переводя умоляющий взгляд с одного говорящего на другого. И даже никак не воспротивился, когда Роланд твёрдою рукой вколол ему в вену некий чудодейственный препарат из армейской аптечки господина Ширяева.

– Что это? Сильнодействующее? А не помрёт? Слабенький же ещё совсем! – забеспокоилась добрейшая Жанна Сергеевна. – И потом... Два трупа за день... Не многовато?!

– Ежели б не вколол, мог, пожалуй, и... того... окочуриться. – Рол с удовлетворением осмотрел «пациента». – Теперь уж точно не помрёт! Минут через десять – пятнадцать будет огурцом, вот увидишь. Главное – жрать ему до утра не давать, помяни моё слово. Ни крошки! Только пить. Воду! Мно-о-ого воды, холи ш-ш-шит! А вы, батенька, – обратился он к полуживому Хрюкотаньчику, – ежели в напитках и еде удержу не знаете, рот лучше зашейте, через клизму питайтесь. Дольше проживёте, авторитетно вам заявляю! В рукопашном бою худому, оно, поверьте, сподручнее. И вот ещё что! Чуть не забыл! – бош по-отечески взял Максика за руку. – Запомните как таблицу дядюшки Брадиса, молодой человек: благородные табаки, будь то сигара или трубка, без разницы, нормальные люди в затяжку не курят! Уяснили? Это, знаете ли, целая наука, искусство, если хотите, – трубку или сигару грамотно курить! А как вы тут из себя с си-

гарой выкаблучивались, то больше на попытку примитивно-го... хм... суицида смахивало.

© B.Sobesednik & Julia Dee

Fakir

Хе! – задумался на мгновение. – О! Кстати! Закурить не желаете? – в ответ лицо Максимилиана Варламовича перекосило, а внутри гулко булькнуло и забурлило. – Ну-ну! Успокойтесь, милейший! Просто проверил нужные рефлексy. Хе-хе! Рвотные в основном. Смею утверждать, батенька, вы как раз в нужной кондиции. Воспользуйтесь моим дружеским советом – сию же секунду бросайте это гнусное занятие! Бро-сай-те! Должно получиться.

– А вы чего ж? – еле-еле пролепетал болезный.

– Я?! Гм! Ежели когда-нибудь доведу себя до подобного свинского состояния, обязательно брошу! Торжественно обещаю и клянусь! Доннерветтер!

– Я всё слышу-у-у! – мамзелька, оказывается, принимала живейшее участие в разговоре, только молча. – Тебя, Ролушка, никто за язык не тянул. Держись теперь, малыш, уж я-то с тебя не слезу!

– Хм! Заберись сначала!

– Между прочим, по поводу «заберись»! Ты ничего не забыл, котёнок? Зачем сегодня все мы вместе собрались? Бросайте-ка вы, господин Борзохрюк, свои хромосомы, обжору этого, пациент теперь скорее жив, нежели мёртв, и присоединяйтесь оборудование настраивать. Пора дело делать. А то с вашей «пыжилкой», боюсь, в одиночку не управиться мне. И «Гена» какой-то... не такой... Понаворочали тут чёрт-те чего... Молодые рационализаторы-изобретатели! В полчаса-то

хоть уложимся? К тому времени вашими молитвами и Хрюкотанчик, надеюсь, оклемается.

– Атеист я.

– Ну, пусть будут... мантры... хм... медицинские...

Получаса оказалось вполне достаточно для всего. Не так давно ещё еле живой, Максик расхаживал теперь эдаким петушком и даже покушался на пирожные, за что тут же схлопотал по рукам от бдительной девушки. «Пыжилка» гудела, светящиеся голубые экраны пестрели непонятными заколючками; «Крокодил Гена», микрокамера, прочие прибабасы выстроились в очередь, словно пионеры космоса, для отправки в неведомое; психоконнектор доктора Рубина тихонько потрескивал. Ширяев дрых без задних ног. В общем, затишье перед решающей битвой.

– Я вот одного только понять не могу, – Роланд оторвался от экрана Главного Вычислителя, в кристаллических недрах коего, собственно, и формировалась, «варилась», на сленге психостатиков, исходная психоматрица, а впоследствии, при должном усердии, удачном стечении обстоятельств, «варилась» и результирующая матрица – слойка Седова, – ты же видел мёртвого гринго, не так ли, мой юный друг?

– Да уж, этот момент, – Назарова удивлённо выглядывала поверх ширяевских очков, – должна признать, мы как-то слегонца упустили, а, Максик?

– Вы что, оглохли тут все?! Я вам об этом весь вечер талдычу! – Варламыш вновь почувствовал себя королём помой-

ки.

– Так проталдычьте же нам скорее, милейший, – бош, ка-
залось, сама любезность, – кто этот несчастный янки?

– Нет проблем! – наглый поц нарочито долго ковырялся в
зубах и-и-и-и вдруг выпалил. – Элвис Пресли!!! Буга-га-га!

Прикололся вроде того. Это он зря.

– Щас как дам больно! – милая Жанин, похоже, ничуть не
шутила. – Пойдёмте-ка на кухню, там хоть нормально разго-
варивать можно.

– Должен вас предостеречь, Максимилиан, – немец нерв-
но поигрывал желваками, – вы отчаянно рискуете отпра-
виться по его стопам. Конкретно! Не Пресли, разумеется, того,
другого. Ну так как?

– Ребят, вы чего? Вы это серьёзно?

– А сам-то?

– Я же пошутил!

– И мы пошутили, правда же, госпожа Д’Жаннэт?

– А я ведь ни фи́га не шутила. – С какой-то особой задум-
чивостью, с некоей даже, можно сказать, грустинкой в голо-
се проговорила Жанна Сергеевна. – Я тебе, котёнок, сейчас
просто-напросто сломаю нос! Или ногу, к примеру, оторву,
мазафака!! Или вообще на хрен удавлю!!! Хочешь, Максик?!

– Нет, не хочу! Озверели, что ли? Ну, хорошо, хорошо!
Вы и сами прекрасно его знали, вся Академия его знала, и
вообще он очень популярный персонаж! Знакомьтесь: Ан-
дерсон. Джон Андерсон.

– А-а-а-а... – открыл было рот Роланд и тут же снова закрыл.

– М-м-м-м... – госпожа Назарова тоже ничего вразумительного на-гора не выдала.

– Чего это вы мычите? Чего притухли? Вы что, как-то со всем этим связаны?! Так и знал, бл*дь! А-ку-еть! Дайте подумать! Я – единственный, кого пропустили через кордон. Так? Со мной единственным, по крайней мере на тот момент, беседовали американцы. Тоже факт! После чего меня единственного без всяких вопросов привели именно к вам, господа! Можно сказать, на аркане приволокли! Странновато всё выглядит, не находите, ёта мать? Если не сказать...

– Умолкни, ты, какер, единственный и неповторимый! – тихо, но жёстко обрезал его фон Штауфен. – Не сотрясай воздух, думм твоя копф! Дай хоть наконец-то и фонтану маленько отдохнуть! Гм... Странная, однако, история! – почесал он затылок. – Начнём с того, что Джон Андерсон – из Маршалов. Уже серьёзная заява! Юрец, конечно же, его знал, но будить по пустякам мы его пока не станем. Не след, сами разберёмся. Насколько мне известно, единственное, что их связывало, так сказать, лично, – серьёзный нокаут, в который Юра послал этого хансвурста на прошлых Академических играх, причём, если помните, в первом же раунде! Уделал задаваку, как сопливого! Да-а-а-а... Слабовато, прямо скажем, выступил мастер Джон, слабовато...

– Уау! Кто ж не помнит-то? Я в тот эпохальный вечер у самых канатов тёрлась. Обожаю брызги боевого мужского по-та! Всё на моих глазах происходило. Ба-бах! Мощнейший лоу-кик в бедро, тот на мгновение равновесие потерял, чах-бах-трах! – и тут же скушал правый крюк по бороде! Фантастика! Рухнул, точно с дуба жёлудь! Супер! Прямо там бы Юрке и дала, да не знакомы мы ещё были! Но... Тут такая штука-дрыка, Ролик... Уверена, это не всё, что их прямо или косвенно связывало.

– Да? Интересно, интересно! Просветите, милая девушка?

– А мне вот страшно интересно, что вы знаете о какой-то американской супер-пупер-спецмиссии, чуть ли не по спасению человечества, в которой, по слухам, Андерсон был задействован?

– То же, что и вы, Жанин. Вернее, что и все. Что якобы существует эта самая засекреченная миссия, и поэтому, естественно, о ней каждая собака в Академии знает.

– Н-н-нда. Негусто. Разочаровали, прямо скажем!

– Чем богаты! Ваш выход, госпожа Назарова. Пше прошу пани!

– Тут такая штуковина, значит... Не хотелось бы никого разочаровывать, господа, на самом деле нет у меня за пазухой ничего такого особенного, что могло бы вас хоть как-то...

– Да ладно?! Хе-хе! ...Серьёзно, что ль? Уау! ...Не разо-

чаровала, так хоть повеселила от души! Гы-ы-ы-ы! ... Прибедняться изволите? ... Вы мне это прекратите, дорогая Жаннин! Кто ж вам поверит-то? ... Сама-то поняла, чего сморозила?! – наперебой выстёбывались воспитанные деликатные мужчины, экзальтированно хлопая себя по ляжкам, самозабвенно агукая, гыкая, мацая воображаемые сиськи, сально причмокивая и пуская слюни. – ... Ну-ну! Интересно, а у кого здесь, в таком случае, вообще за пазухой что-нибудь есть? ... У Максика, что ль? Буга-га-га! ... Тем более – особенное! ... Подскажите, пожалуйста! ... Посмотрим, заценим!

– Так, малыши! Сдаётся мне, вы грешным делом решили, что речь вот об этом? – Назарова преспокойно распахнула халат, и тут же всё вокруг умолкло, даже назойливый самолёт перестал гундеть, и за окном сражённый воробей замертво свалился с ветки. – Н-н-нда? Смею вас уверить, ошибаетесь, мальчишки! А ежели сей момент не прекратятся скабрёзничания в мой огород, так и вовсе халатик сниму! Насовсем, мазафака! – дерзко топнула ножкой. – Заценили? А поскольку деваться вам особо некуда... Ролушка, котёнок, сходи, глянь, пожалуйста, на месте ль милые топтуны? Может, им по рюмочке хлебного вина вынести? Да с тарталеточкой вкусно! Э-э-эх, Сергеевна! – пальцами щёлкнула звонко. – Тоже ведь в чём-то люди, а? Как считаете?

– Маячат! Два тополя на Унтер-ден-Линден ⁵²! Кролика им дохлого в обе хари, а не по рюмочке! Фикен их!

– Вот-вот! Этим-то мы и займёмся. Будем, значит, друг друга... это... фикен, значит! Как раз-таки прямо в арш! Или криво. Причём, уверяю вас, сопротивление бесполезно, в этих цепких умелых лапах дольше пяти минут ещё никто не продержался! Уж я-то постараюсь! На милость к павшим тоже особо не рассчитывайте, не тот случай. Ну как, мастурбашки, готовы? Поэкспериментируем? Хм... Сексуально...

– Грхм! К падшим...

– Что?

– Пушкин о милости к падшим призывал.

– Это я в курсе, о Пушкине-то! Только вот вы после меня павшими станете. Ха-ха! И падшими, кстати, тож!

Повисла неловкая пауза. Она длилась и длилась, пока, наконец, бош не спохватился:

– Ты-ы-ы... халатик-то запахни, мил человек! «Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит...» ⁵³ – с явным удовольствием продемонстрировал тевтон недюжинные познания в школьном курсе русской литературы. – Мы же сюда не для того прибыли, не

⁵² От Unter den Linden (нем.) – «Под липами» – знаменитый бульвар в Берлине, получивший своё название благодаря растущим на нём прекрасным многовековым липам. Тополь там абсолютно не к месту.

⁵³ А. П. Чехов, «Хамелеон».

развлекаться, правда ведь, Максик?

– Нет, нет, что вы! – придушенно пискнуло в ответ.

– Мы собрались, чтоб сказку сделать былью!..

– Или болью? М-м-м-м? – с затаённой истомой в голосе проворковала девушка, поигрывая невесть откуда взявшимся в руке кухонным топориком. – Немножечко жёсткого БД-СМ по коленкам вашему брату явно не помешало бы!

– Да бросьте вы, госпожа Д'Жаннэт, эти свои дурацкие провокашки! Ну сколько можно?! Отставьте уже, понимаешь, кровожадно-средневековые поползновения инквизиторские на после потом! С кем-нибудь другим подобным образом развлечётесь! И вообще, откуда в вас столько наносного?!

– Да! Откуда?! – поддакивало из-за спины.

– И ещё очень хотелось бы, так, между прочим, в очередной раз напомнить присутствующим, что цель нынешнего междусобойчика состоит уж никак не в потакании чьим-либо садистским либо иным... хм... человеколюбивым склонностям, а-а-а-а... Грхм! – не сразу нашёлся тевтон. – А-а-а-а... собрались мы здесь, дабы попытаться воспрепятствовать весьма, весьма вероятному, на мой взгляд, исключению из Академии нашего доброго друга, коллеги, товарища, возможно даже, м-м-м-м... – сощурившись, словно оценивая, покосился на голую Жанин, – чьего-нибудь будущего мужа... отца, деда, Маршала и-и-и-и... как знать, вполне допускаю такую фишку в обозримой перспективе, – Президен-

та Всея Конфедерации! Представьте себе на секундочку: будущего Президента да пинком под арш, как оно вам, а?! И заодно, значит, всячески содействовать обретению наконец-то душевного покоя измученным «Боржомом» и бессонницей Юрием Ивановичем Ширяевым. Ура, господа-товарищи! Давайте же этим незамедлительно и займёмся! Оле-оле-оле-оле-е-е...

– Что, цирк приехал?! И вообще, в моём доме... В нашем с Юрой доме прошу не выражаться! Под арш ему, понимаете ли! Тихо уже, закончили! Хватит паясничать! Надеюсь, здравый смысл окончательно возобладал? – Жанна Сергеевна тщательно запахнулась. – Но ежели ещё хоть раз, хоть кто-нибудь... – пригрозила она поварским «оружием».

– Найн, найн унд нохмальс найн! – замахал руками Рол. – Ниммермейер ⁵⁴! Ништ БДСМ! Ништ шиссен ⁵⁵!

– Хорошо, поверю и в этот раз. – Бесцеремонно затолкав Максика в самый угол, Назарова угнездилась на диванчике, выставив свои фантастические ноги для всеобщего обозрения и восхищения. – Итак, продолжим... Каких-то чётких оформленных данных, информации в общепринятом понимании этого слова, честно говоря, нет, к сожалению, у меня. Так, кое-какие зарисовочки юного натуралиста... Но поверьте, братцы-кролики, у нас есть чем вас удивить! Все в курсе, наверное, на какой кафедре я подвизаюсь, да? Максик

⁵⁴ От nimmermehr! (нем.) – Никогда более!

⁵⁵ От nicht schießen! (нем.) – Не стреляйте!

не в курсе? Что ж ты так, малыш! На Кафедре безопасности систем, психостатических переходов, бла-бла-бла и всё такое. Ключевое слово – безопасность! Усёк? Так вот девушка я хоть и пытливая, но поперёк батьки в пекло лазать непривычная, и потому когда Юрий Иванович с гордо поднятой головой, с металлом в голосе борзо всхрюкнул Брукмюллеру, что, мол, без проблем окучит «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких, не придала тому особого значения. Юрочка, чай, не мальчик уже, отчёт в действиях своих отдаёт. К тому ж старина Роланд, о-о-о-о! – признанный гуру психостатики, друга в беде не оставит, всегда найдёт в себе силы подсобить. Нда-а-а... Ну, подумаешь, Стругацкие! Подумаешь, какой-то там «Понедельник»! Чем он мудрёнее вторника, скажем, или четверга? Детские игрушки! Чешуя русалочья, в двух словах! Однако вернувшись из загадочной Страны восходящего солнца и с некоторым удивлением застав господ Ширяева и фон Штауфена всё в том же удручённом состоянии духа у того же раздолбанного корыта, я слегка, честно говоря, прифигела! Время-то ушло! И тут во мне проснулся естественный профессиональный интерес. Я бы даже сказала – азарт! Кстати, знаешь ли ты, о Ролушка ибн Йозеф, как вашу парочку неразлучную с Ширяевым на факультете кличут? ...Нет?! «Муха ШеШе»! Ха-ха-ха! Правда, не знал? Мило, да? А ещё – шишиморы! Здорово, да?

– Нет! Не здорово! Будет наконец-то хоть что-нибудь по существу?!

– Будет, будет! Не дуйся, Ролик, тебе не идёт! Короче, решила я в базах пошариться, дабы по возможности облегчить мальчикам задачу. А базы, чтобы все понимали, любые нам доступны, включая и «секретные», и «суперсекретные» студенческие. Ха! Такая уж у нас кафедра хитрющая! И что я вижу?! Нет ни одной слойки для Миров братьев Стругацких, ни одной! Представляете себе?!

– Эко диво! Открыла Америку! Думаешь, мы этого не знали?

– Уверена, что нет, пока конкретно копать не начали. И не надо свистеть своим ребятам! Некрасиво!

– Ладно, проехали! – насупившись, буркнул Роланд. – У Юрки, я уже давно подметил, особенность интересная есть: ему всегда попадают самые трудные экзаменационные билеты, самые въедливые преподаватели, самые нерешаемые задачки и самые... хм... сложные... женщины. Что ж, тем ярче будут наши победы!

– Будут, брат-сосиска! Будут, не сумлевайся! Именно я в том вам и помогу!

– Ой ли?

– Оставь сомненья всяк! Слушай сюда, котёнок, не перебивай! Недавно мы со смежниками-европейцами проектик один небольшой американцам сплавил. Очередную сервисную систему для обслуживания больших объёмов информации. Больших не то слово – огромных! Гигантских! Вселенских! На самом же деле ничего особенного – обычная

межсекторальная научно-исследовательская работёнка. Целевое, бум говорить, расходование бюджетных средств. Ха-ха! Укрепляли дружбу, так сказать, между народами. Сутками на кафедре пропадали! У-у-ух! По большому секрету скажу, перетрахались все! Французы – вообще способные ребята, да и скандинавы ничего себе, крепенькие...

– Хм! Тоже мне тайна Мари Роже, перетрахались они! Было бы странным...

– Да не перебивай уже, сукин ты хурензон! Совсем, что ль, расчеловечился, вести себя прилично не можешь? Лучше б послушали, Роланд Йозефович, пока вы не шибко-то пьяны! Напомню, ежели кто не в курсе: янки заказчиками-подрядчиками выступали, саму систему лягушатники с датчанами мастырили, наше дело крайнее – безопасность. Мы ж всё по старинке живём, ресурсы экономим, потому своих отладочных баз не имеем. Все вокруг, разумеется, об этом прекрасно осведомлены, посмеиваются втихаря над нами, а плевать! И правильно, ресурсы денег стоят! У нас вона до сих пор вместо электронной библиотеки – неисчислимые тома засаленных инструкций лохматых годов. Не-е-ет, потуги были, естественно, но потом почему-то опять к бумаге вернулись. Так, говорят, надёжнее. Наверное, на случай Большого Электромагнитного Импульса. Ба-бах! Типа, когда там у них всё вокруг погаснет, медным тазом накроется, мы инструкцию по сборке и эксплуатации каменного топора при свечах изучать будем. При лучине! Аха-ха! В гордом одиночестве...

Лучина ли ассоциативно подвигла Жанну Сергеевну к размышлениям, топор ли каменный, может, свеча – сие науке неизвестно. Только призадумалась она, будто в стену невидимую упёрлась. Потихоньку, полегоньку на ощупь ту стену обошла, дальше двинулись:

– Вот только у кого «у них»? Хм... Непонятно... Войны уж давным-давно закончились, а мы всё в окружении мифических «врагов» продолжаем жить. И ничего, работаем, трудимся во благо родной Академии! Опять же библиотекарей не сокращаем, на радость заслуженным пенсионерам. Там, между прочим, Крестинкин дедушка до сих пор трудится. В бытность свою молодым – профессор, весьма уважаемый, кстати, в науке чел! И вы знаете, как-то вот и чухонцы попривыкли, и пшеки, и мадьяры, и норвеги. Удивительное дело, да? Оказывается, нравится людям странички-то настоящие бумажные перелистывать! Тут такая штукавина, значит... Отвлеклась я... Чего молчите-то, мурзилки международные, радио выключилось?

– Дык просила ж! Не перебивать.

– Хм! Неужто не перебили? И на том спасибо! Соответственно, отлаживался весь софт, как обычно, на черновых массивах заказчика. Впрочем, может, оно и к лучшему. И вот почему. В чужих, пускай и нерабочих, закромах иной раз очень интересные вещицы обнаруживаются! Антиквариат! Вспомнила я тут на досуге об этой системке и с огромным удивлением обнаружила, что доступ к отладочным фай-

лам-то до сих пор открыт у меня. Как интересно! Дай, думаю, пошарюсь! И что вы себе думаете? Нашла! Нашла, мазафака!!! Где-то далеко-далеко на периферии Великого Электронного Мозга чудом сохранились то ли промежуточные, то ли аварийные, то ли экспериментальные копии некоей весьма интересной базы. Видать, второпях перекидывали и попросту забыли подчистить. А может, специально... И потом, это ведь всё предполагалось исключительно для внутреннего пользования. Никто ж не виноват, что так вышло! Хотели-то как лучше! Но случай, как говорится, бог-изобретатель.

– Может, ещё чайку изволите? – ушлый фон Штауфен, считай, догадался, что именно нарыла Жанна Сергеевна, однако догадка сия его не радовала, ибо абсолютно никакой ясности не вносила и ничего, кроме кучи дополнительных тревожных вопросов, не порождала.

– Чайку? – несколько неожиданный, честно говоря, поворот событий застал Жанин врасплох. – Ну-у-у, чайку, наверное, можно... И даже – нужно! А что, зайчики-попрыгайки, ужель так скоро надоело слушать меня? Ушки на макушке завяли?

– Хе! Ушки здесь абсолютно ни при чём, мадемуазель. Тем более – на макушке! Хе-хе! Хотелось бы хоть одним глазком глянуть на чудо-юдо! Представь себе на секундочку Хрюка с эдакими ослиными завядшими ушками на макушке, каково, а?! Хе-хе-хе! – посмеивался Роланд, ополаскивая кипятком заварочный чайник. – Всухомятку-то, оно любая

пища, согласитесь, значительно хуже усваивается. Тем более для ума! Ворона – и та, не будь душой, сухую корочку в луже размачивает. Сладенького опять же пожевать не мешало бы для стимуляции, так сказать, затухающей... хм... спинномозговой деятельности.

Так и порешили. Бодрящий терпкий напиток пришёлся между тем весьма к столу, а вкуснейшие пироженки «картошка» в качестве лучших в мире нейрометаболиков – вы не поверите! – пролетели прямо-таки на ура, даже поспособствовав восстановлению пересохшего мозгового кровообращения! Чай, к слову, в народе популяризировался, когда и караси разноцветные, – во времена всё той же продвинутой китайской династии Тан ⁵⁶. Хм! Креативно, однако, правила семейка! Пытавшемся же примазаться под шумок Максику жёстко и безапелляционно указано было на его принадлежность к дружно жужжащему семейству пчеломухов, у коих сегодня, по несчастью, чёрный день. Ввиду чего он, увы, в глубоком шайссе, извиняйте – пролёте, то бишь лишён сладкого. Как, впрочем, и любого другого пропитания. Разве что сахарку в крепкий чай дозволено, да и то – лишь пару кусочков. Но... Как известно, всему, имеющему начало, да обязательно когда-нибудь наступит конец-трендец, венец любому реальному процессу. Всенепременно! Причём «хорошее», согласно известному закону подлости, может закончиться, едва-едва начавшись, «плохое» же мы огребаем

⁵⁶ См. далее.

вновь и вновь, невзирая на изрядно помятые бока, синяки, шишки, вопли, сопли и стадные стенания под поповские мантры. К глубокому сожалению подавляющего большинства присутствующих, завершилось и это уютное домашнее чаепитие.

– Теперь лучше усваивается? – принялась за своё болтушка Жанин. – Могу продолжать? ...Спасибки, очень мило с вашей стороны! А знаете, я отчего-то уверена, дорогие мои мастурбашки, что кое-кто из вас уже обо всём догадывается. Ну... или почти обо всём. Правда, Ролик? Были, оказывается, у янки попытки сварить слойку именно для «Понедельника» Стругацких! Были, как ты, Ролушка, любишь выражаться, фикиен их всех в самый-самый арш! Почему ж тогда, кто-нибудь вразумительно объясните мне, господа хорошие, информация об этом во всех конфедеративных базах напрочь отсутствует, хоть бы в разделе нереализованных попыток, а?! Ни единого упоминания! Ни следа, бл*дь, ни зацепочки! А ведь, согласно и поныне действующим жесточайшим техническим регламентам, просто обязана инфа там быть, курва матка! Гм! Ставим здесь большущий, жирнющий вопросительный знак! И ещё, пожалуй, целых три восклицательных!

Именно о тех самых попытках почти догадался Роланд. И всяческие конспирологические домыслы по поводу странного, мягко говоря, отсутствия в маршальских реестрах обязательной в подобных случаях информации о результатах,

в общем-то, заурядных, по крайней мере на первый взгляд, исследований напрягли боша гораздо сильнее, нежели все остальные драматические события прошедшего дня вместе взятые. Весьма, весьма, должно отметить, непохожие на экспромт, пускай и отлично подготовленный, напоминающие, скорее, хорошо отрежиссированный спектакль. Эдакий демонстративный акт устрашения! Кого, чего и, главное, зачем? Зачем, спрашивается, убивать столь экстравагантно, привлекая всеобщее внимание, когда существует без малого миллион способов тихо и незаметно умертвить человека? Безвременно, скажем, почил в бозе от сердечного приступа, трагически погиб в автомобильной катастрофе, поганочек откушал бледных по недомыслию... Да мало ли чего непредвиденного случиться может?! То-то и оно, что непредвиденного! Здесь же явная бутафория просматривается. Только вот с какой целью? Девушка опять-таки, в буквальном смысле слова невесть откуда на голову свалившаяся... Кто она? Откуда? Гм... Всего лишь ещё пара вопросов безответных до кучи... Касаемо же отсутствия в базах данных необходимых сведений, о-о-о-о! – это вам, знаете ли, не соплю на палец наматывать! Штука серьёзная, скандалом на самом высшем уровне попахивает! Ну и денёк, голову сломаешь! «Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко! Должно полагать, перед дождём...»⁵⁷ Ну его к бениной маме, послушаем-ка мы лучше Жанну Сергеевну, глядишь,

⁵⁷ А. П. Чехов, «Хамелеон».

чего-нибудь дельное и вырисуетя.

– ...Начала разбираться... Кое-что восстанавливать, конечно, пришлось... Обычное дело... Ребятки, кстати, в ряде случаев с реперами конкретно лажанулись! Спустия рукава сработали, крайне непрофессионально. Удивило! Так бывает, конечно, особенно у наших бездельников от науки, ежели процесс затягивается и результат не светит, по их мнению, даже в отдалённой перспективе. Проще тогда всё бросить на потом, быстренько какую-нибудь другую слойку сварганить и отчитаться перед начальством, но-о-о-о... В общем, схалтурили, типа, «на оть*бись»! За америкосами никогда раньше подобной лажи не водилось! Да-а-а уж... Мельчает порода. Зато один вариант меня порадовал! Здорово! Почти сварили, чуть-чуть слоечку недотянули! Прямо как вы с Юркой! Ну-у-у-у, чуток, может, ближе к цели были. Опять же ж, почему недотянули? Что помешало? Куча вопросов, ни единого ответа. Фигня какая-то! ...Да и ладно!

Глубокое бархатное контральто вернулось на радость слушателям, обволакивая, втекая в уши, завораживая, словно сладкоголосое пение сирен – несчастных, обречённых на ужасную смерть мореплавателей. Рассказчица теперь устроилась на бочок и так вещала, возлежа, точно на берегу Кампанском, грациозно изогнувшись, поджав изящные клюшки, удобно облокотившись о Максика. Легкомысленно распахнутый по причине кокетливого девичьего недосмотра халатик едва-едва прикрывал приковывающее взгляд краси-

вое упругое естество, распалая здоровый мужеский интерес. Хрюкотаньчик, бедняга, с трепетом душевным впитывая всем своим измученным поблёвышками организмом электризирующие флюиды восхитительно-обольстительного женского тела, замер, точно кролик пред удавом, ни жив ни мёртв. Роланд всё чаще и чаще гнал от себя прочь настырную прилипчивую мысль – как же ему всё-таки хочется проиграть пари! М-м-м-м! Охренительно хочется!! Холи ш-ш-шит!!!

– ...Я, разумеется, всё это дело через подставной канадский домен по-тихому слизнула. – Сергеевна знай себе ворковала, словно не замечая нарастающей вокруг сенсуально-электростатической напряжённости. – Не волнуйтесь, мальчики, не привлекут вас за соучастие! Ха-ха! Концов не найдут, потёрли базы. Буквально пару дней назад! Сами же они и потёрли. Видимо, за ненадобностью. Конец, конец... Концы, короче, в воду! В общем, последние суток трое, втихоря от глаз людских, отработывала Жанна Сергеевна ту матрицу, и, вы знаете, вполне успешно, мазафака! Есть кое-что! Сегодня свои наработки я наконец-то на вашем первоисточнике проверила. Не всё, конечно, гладко вышло, но, думаю, получится у нас. Уверена! Для того, собственно, и Максик здесь. Это всё мы немного погода в натурном виде, так сказать, отработаем. Обязательно! Уже скоро! Сейчас же я пока на другом, весьма-весьма, по-моему, занимательном факте ваше драгоценное внимание заострить хочу. Эй, знатоки, за-

вяжите-ка бантиком хвосты! Внимание на экран! Вопрос телезрительницы Фёклы Трутневой из деревни Добрые Пчёлы Рязанской области: как думаете, мастурбашки, чьи были все эти попытки? Ась? Спорим, ни за что не угадаете, особенно в свете сегодняшних событий? Ну, мальчишки, кто конфетку хочет?

Максик, несомненно, хотел, но у него нынче зверский облом-с! Зверчайший! С Жанной Сергеевной ведь не забалуешь. Соображаете? Удавит, не приведи господи, или ногу сломает, в лучшем случае – нос оторвёт! Поэтому оставим чревоугодника ненадолго в покое, пусть малька оголодает для остратки. Опять же целее будет! Старина Роланд относился к конфетам, да и вообще к сладкому, принципиально равнодушно. Единственной его маленькой слабостью были с раннего детства классические московские батончики «Рот Фронт». Прекрасный, без сомнения, десерт, почти... хм... натурпродукт, да только где ж взять-то его поздним вечером на окраине Берлина? Именно о том бош с лёгкой грустью и размышлял. Вкус детства! Мда-а-а-а, парочку любимых конфеток, пожалуй, зажевать для поднятия настроения сейчас не помешало бы! Ещё он думал-гадал о чередѣ странных, в то же время строго логичных событий минувшего дня, вроде бы случайных на первый взгляд, но неслучайных встречах, очевидных и невероятных совпадениях. В завершение всего почему-то вспомнилось ему, как однажды давным-давно в далёкой-далёкой галактике, на третьей от яркого тёплого

солнышка средних размеров голубой планете, в одной горячей-горячей точке, будучи в весьма-весьма непростой, совместной с кубинскими и ангольскими товарищами командировке, обнаружил он выдернутую чеку в ящике с ручными гранатами. Хм! Совсем-совсем не учебными. Очень-очень он тогда удивился! Вот прямо почти как сейчас. Что ж! Поглядим, чем всё закончится. Будем надеяться, не столь... гм... шумно, как в прошлый раз.

– Неужто жмурик наш сегодняшний сподобился?! – давненько-давненько не выглядел Роланд фон Штауфен столь озадаченным. – Не может быть! Да уж! Зашибись погода... Гм... Хундерт швэнце ин майнер келе, унд цу феранкерн мишь ин ден арш... ⁵⁸

– Точно так, господа хорошие! Джон Андерсон собственной персоной! Последняя попытка, кстати, самая удачливая, состоялась где-то около года назад. Вот и думайте теперь! ... Учти, котёнок, я по вашей берлинской мове тоже неплохо шпрейхаю. Ерст денкн, дан ленкн ⁵⁹! Сам-то сообразил, чего сморозил, али у тебя язык завсегда вперёд паровоза летит?!

– А что, собственно, такое? – сально осклабился Рол.

– Если я правильно поняла... Было высказано некое автопожелание... М-м-м-м... за гранью, я бы даже сказала, эдакого сурового мужеского супермазохизма... Или супре-

⁵⁸ Hundert Schwänze in meiner Kehle und zu verankern mich in den Arsch (нем.) – непереводаемая игра слов.

⁵⁹ От Erst denken, dann lenken (нем.) – Сначала думай, потом делай.

матизма? А-а-а-а, – не в силах выразить словами абсолютное бессмыслие последнего, безнадёжно махнула рукой, – та же шняга! В общем, подобного злющему врагу не пожелаешь, не то что себе, Ролушка! Ай-яй-яй, как опрометчиво! Для начала – рыбка золотая случайно ведь рядышком может оказаться. С нашими-то техническими возможностями – запросто! Ха-ха! Осознаёшь печальные последствия? Да и там, наверху, – Назарова привычным уже жестом тыкнула в люстру, – желание твоё мигом исполнить могут. Ты, поди, не впервой эту темку муссируешь, верно, малыш? Подумают, подумают... Ну... удивятся, конечно, маленько, но раз человек сильно хочет, почему бы и нет?! Мало ли у кого как жизненные обстоятельства сложились. Раз! Щёлк пальцами, и-и-и-и... полна жопа огурцов! Ха-ха-ха!

– Ну-у-у... Как-то уж совсем общё, неконкретно всё. Сдаётся, дорогая Жанин, слабовато вы шаритесь...

– Неконкретно? Слабовато? Это мы щас-с!

– Эй-эй-эй! – Максик явно чувствовал себя ущемлённым на празднике словоблудия. – Что ещё за огурцы?!

– Есть такой старый-престарый анекдот. Я как-то в библиотеке академическое издание Пушкина Александра Сергеевича разыскивала, попутно «Собрание старинных анекдотов» под редакцией Пустомлеева-Мединского обнаружила. Прикольное фамилиё, да? Запомнилось почему-то. И книжонка забавная. Ничего больше евоного не нашла, вконец пустой, видать, бамбук был, только, что шнягу всякую

собирал. Пустомелев более ему подходит. Будете слушать?

– Что, бамбук пустой?

– Хорош тупить! Анекдот, мазафака!

– Конечно же будем!

– За себя говори! Шайссе! Столько времени впустую уходит на трепотню вашу! Ужас!

– Представьте себе раннее летнее утро. Солнце ещё не взошло. Линкор, к примеру-у-у... э-э-э-э... скажем... «Севастополь», тихохонько покачиваясь, дремлет на рейде Севастополя... же. На корме только что сменившийся вахтенный матрос ловит рыбу, и попадаетея ему на крючок, значит-ся, золотая рыбка. Не какой-то там примитивный разноцветный гибрид карася, пусть и ведущий свою родословную аж со времён династии Тан ⁶⁰, коего в избытке вываливают в канализацию нерадивые горе-аквариумисты, а самая что ни на есть Золотая Рыбка! Пушкинская! Жирненькая такая, увесистая, будто слиточек банковский! Дальше прям по Александру Сергеевичу, классика жанра человеческим голосом: чё тебе надобно, старичок, мол, исполню в лучшем виде, чё пожелаешь – хошь стриптиз, хошь порно с осликом, ну, и всё такое прочее. А матросик-то дюже подуставший после вахты, спать, видать, страшно охота пареньку! Он и удочку-то забросил так просто, из озорства, развеяться немного перед

⁶⁰ Династия Тан (VII – начало X вв.) – китайская императорская династия, основанная Ли Юанем. Эпоха, традиционно считающаяся в Китае периодом наивысшего расцвета и могущества страны.

сном, расслабиться. Опять-таки курить во внутренних покоях корабля запрещено. Тем более – шмаль! И никакая рыба, поверьте, никуда ему не упёрлась, ни золотая, ни платиновая, ни даже полониевая двести десять. Разве что осётр икряной попадётся пудов эдак на десять – пятнадцать! Вот это – да, мирикал! Везуха-осетруха! Барыгам в порту толкнуть за полщены, на вырученные бабки столько косячков забить можно – весь флот в хлам укурится! В общем, присутствие полного отсутствия желаний у человечка, а тут ещё эта сраная Рыбка дободалась, знай себе канючит: загадай желание да загадай, загадай да загадай! До того достала, гнида, – глаза режет! Всю печень проела, что твой Прометеев орёл, курва матка! Как быть? Думал матрос, думал... Доло-олго думал! Тэ-э-э-к-с... Шифровальщика голубоглазого он, значит, сегодня ночью отхарил ко всеобщему удовлетворению, звездюлей от боцмана огрёб по полной, мяса кусок огромный варёного спёр на камбузе, сожрал... Гм! Запор гарантирован! Чего бы ещё захотеть? Жидкий стул? В прямом смысле дерьмовое желаньице... Анаши? Вроде есть пока ещё... Может, шнапса? Рыбка по ходу дела загибается уже на хрен, глазёнки помутневшие выпучила, плавником у виска крутит! Капец! Дурно ей без водицы-то. «О! – думает матросик. – Хорошо бы боцмана задобрить, а то ведь каждый божий день морду повадилась бить, падло! Чем чёрт не шутит, вдруг получится? Рыба-то взаправду говорящая! Не осетруха, конечно, но всё ж...» «Короче, лишь только боц-

ман наш проснётся, – строго-настрого наказал он Золотой Рыбке, – тут же выполни первейшее его желание! И смотри, вобла крашенная, чтоб без дураков мне! А то быро шас тебя... чайкам, вон, скормлю, секелявка, бля! Уразумела?! Побожись, сука! Так-то лучше! Гм... Я уж лучше после подсучусь...» С теми словами и швырнул, значит, высохшую полудохлую рыбёшку обратно в среду, так сказать, ея комфортного обитания. А черноморский миниптеродактиль – жадная зубастая чайка – не изловчилась схавать её на лету...

– Не понял. И что? Что дальше? Это и есть анекдот? Рассказишко какой-то дерьмовый. Когда смеяться-то уже начинать?!

– Сам ты – дерьмовый! А смеяться тут, малыш, и вовсе не над чем. Грустный анекдот. Ме-ло-дра-ма-ти-чес-кий! Знакомое слово? ...Как это... не совсем?! Гм! Озадачил, однако... Короче, горе у человека вышло, драма! Понимаешь? Поутру уже, солнце-то когда взошло, вышел бедняга боцман на палубу, потянулся и-и-и-и...

– И-и-и-и в чём драма... тизм?

– Ну и выдал ту самую злополучную сентенцию, дословно повторяю: «Зашибись погодка! Хундерт швэнце ин майнер келе, унд цу феранкern мищ ин ден арш!» Тут такая штукавина, значит... А поскольку Рыбка – тварь хоть и весьма скользкая, холоднокровная, но добросовестная попалась, курва матка, и, к несчастью, как выяснилось, обещания свои, в общем-то, всегда старалась выполнять...

– Это на немецком? Знакомо, знакомо! Как «швэнце»-то пишется, не подскажешь?

– По-моему с большой буквы и через а-умляют.

– Тэ-э-э-к-с! С большой, это понятно... Поглядим, погуглим! – Хрюкотаньчик вдарил по клавишам, словно заправский пианист. – Где тут наш козырный переводчик? – и уже через пару мгновений ржал кониной. – Буга-га-га! Во попандос у боцманюги! Хгы-гы-гы! С первейшим желанием-то! Ну, попал, ёта мать! Гы-гы-гы! Что ж это, товарищ Роланд, а?! Буга-га-га! Тоже хотите, да?! Хгы-гы-гы!

– Гм! Тамбовский волк вам товарищ, извиняйте за тавтологию, дорогой товарищ! Грхм! Всё, приехали! Хватит ржать! – рявкнул угрюмо томившийся до той поры в безмолвии фон Штауфен, и без очков заметно было, что он zelo смущён и раздосадован, ибо не ждал от присутствующих, тем более – женщины, столь неслыханной осведомлённости в рідной тевтонской мове. – Лучше подумайте-ка о довольно странных сегодняшних событиях. Дрек мит пфеффер! Я отчего-то уверен, всем полезно будет! – бош, по обычаю, серъезен на грани забавного, точно Снорк из замечательной книжки о муми-троллях. – Во-первых, массу вопросов вызывает просто-таки необъяснимое, если не сказать удивительное, отношение службистов янки к нашему дорогому гостю. С чего бы это, Максик, а? Что скажешь? Может, ты, Хрюкотан, – американский шпиён, думм твоя копф?! Родину за понюшку сраного виргинского табаку продал?!

– Гы-ы-ы-ы! – только и мычал не на шутку развеселившийся Максик, всхлипывая и умильно вытирая слёзы.

– ...Нет? Верю! Без обид, но для шпиёна у тебя кишка тонка. Может, вы любовнички? Гм... Тоже навряд ли. Слишком со многими бы пришлось... Хе-хе! Тут уж точно кишка нужна о-го-го! Лужёная!

– Пардон, пардон, пардон! – сей же момент ехидно осведомилась Жанна. – Вы-то откуда, Ролик, такой информированный выискались, позвольте поинтересоваться? Пуф-ф-ф!

Я о кишке лужёной, если что.

– Не позволю, курва matka боска! Ерст ди арбайт, дан дас шпиль, нах дер райзе комт дас циль ⁶¹! Не время сейчас! Всё бы вам, милая Жанин, шуточки шутковать. А между тем дело-то серьёзное! Да-а-а-а... Масса вопросов и ни единого ответа. Ситуация, честно говоря, вообще не поддаётся никакому осмыслению! Шайссе! Однако меня, как ещё к тому ж в числе прочих достоинств и прекрасного аналитика, – с гордым видом гулко постучал себя кулаком в рыжеволосую грудь, – гораздо больше заинтриговало другое, доннерветтер! – а именно появление здесь, в расейском секторе Академии, некоего бравого гринго, ставшего впоследствии вдруг совершенно мёртвым. С чего бы ему здесь дохлому валяться-то? Как вам, а?

– Хм... Да пока, честно говоря, никак. Потом, кому какая на фиг разница? – Назарова флегматично пожала плечами. – Высоко в горы вполз Уж и лёг там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море ⁶². Полежал, полежал, заскучал... Ну, и-и-и-и... сиганул, как водится, с верхотуры, блин корявый! Ушибся, разумеется, летать-то не выучен! Теперь вот, собственно, лежит себе, валяется... Кстати! – встрепенулась она ни с того ни с сего. – Что там ещё за подельница в уголовном деле фигурирует, а? Хорошенькая хоть? Из нашен-

⁶¹ От Erst die Arbeit, dann das Spiel, nach der Reise kommt das Ziel (нем.) – Делу – время, потехе – час.

⁶² М. Горький, «Песня о Соколе».

ских? Кто-нибудь знает? Вдруг не поделили чего?

– Бу-у-у-у! – продолжал пускать смешливые пузыри Хрюкотанчик. – Ёт-та мать! Уф-ф-ф!

– Вдруг, ласточка моя, бывает, ежели из маминой из спальни средь бела дня, покуда папа-трудоголик в обеденный перерыв секретарше начальника карандашик точит, выбегаёт некто кривоногий, волосатый и хромой! Вот это – вдруг так вдруг! Невзначачка, понимаешь, эдакий репримандик! Девушка не в счёт, уверяю вас, в ней как раз довольно явственно просматривается случайная жертва. Касаемо же причины появления здесь невезучего янки, абсолютно уверен, дело вовсе не в Юрии Ивановиче Ширяеве, крепко набившем кому-то когда-то наглуую звёздно-полосатую морду, а, как мне отчего-то кажется, именно в нашем сегодняшнем междусобойчике с твёрдым намерением сварить слойку в Миры Братьев Стругацких. Причём, прошу заметить, ни я, ни Юрка, к слову, до сего момента ни сном ни духом не были в курсе удачной попытки многоуважаемой Д'Жаннэт, умудрившейся надыбать где-то в абсолютно нелегальных, бесследно исчезнувших нынче базах пускай и не реализованный, но вполне себе рабочий прототип результирующей матрицы. Верная чуйка же подсказывает мне, что кто-то или, быть может, что-то, в отличие от нас с Иванычем, простачков, в курсе, бл*дь, всего происходящего! И это плохо, смею вас уверить, пахнет, дорогие мои!! Просто-таки за версту собачьим говном разит, холи ш-ш-шит!!!

О-о-о-о! Выразительно, не правда ли? Сколько экспрессии! Сколько натуральных эмоций! Да вам, товарищ фон Штауфен, в театральное в пору поступать было, а не в какую-то там, понимаешь, вшивую Академию маршальскую! Однако перебивать говорящего, несомненно, хамство беспардонное, не стоило этого делать. Хорошо б ещё хамским своим поведением и нашим великим прикорытным теле-радиоведущим озаботиться. Глядишь, плебс зомбированный когда-нибудь прилично вести себя научится, терпимее к инакомыслию. Хе! То-ле-рант-нее! Мы же не станем им уподобляться, умолкаем, внемлем гласу тевтонскому. Тем более ведь вещает шельмец складно, согласитесь, ушей не отвести!

– ...Неоднократные же, как тут совершенно случайно выяснилось, попытки хитрожопых гринго в строжайшей тайне от всего прогрессивного человечества проникнуть в те самые Миры, почему-то так и не доведённые ими до победных реляций, что тоже здорово напрягает, лишь усугубляют мои тревоги и, сами понимаете, подозрения! Теперь вот и десантник их бравый мёртв, хурензон! Последняя надежда человечества, мазафака! Инициировать официальное расследование у нас, к глубочайшему моему сожалению, нет никаких оснований. Доказать какой-то там мухлёж нынче не представляется возможным. Все следы преступления – а это именно преступление, причём серьёзнейшее! – уничтожены. Поэтому в сложившейся непростой, просто-таки аховой, доложусь я вам, ситуасьён, остаётся лишь одно! – здесь голос

германца зазвенел золингенской сталью, достигнув наивысшего, почти левитановского, пафоса. – Сделать то, что, судя по всему, не удавалось доселе никому!!! – энергично рубанул воздух широкой трудовой ладонью. – Забросить Ширяева в сердце того самого коварного пресловутого «Понедельника», начинающегося, подскажите-ка друженько, когда? – абсолютно верно, в субботу! Но с величайшей осторожностью, други мои, – предостерегающе погрозил пальцем, – с величайшей осторожностью, хурензоны мои ненаглядные!

Уж что-что, а заряжать пипл позитивчиком, подвигая соратников на более-менее героические свершения во имя... или просто за чёрный нал, Роланду фон Штауфену доводилось не впервой! Хе-хе! Вспомнить хоть бы его пламенные речи накануне битвы при Равенне. Тогда, должно отметить, совсем неплохо вышло, отжѐг будьте-нате! Воодушевлѐнные красноречием своего рыжего капрала, ландскнехты славно потрудились в тот день, атакуя боевые порядки Рамона де Кардоны ⁶³! Как-то на сей раз сложится?

– Да бросьте вы на х*й все эти свои конспирологические штучки! Гы-ы-ы-ы! Моя полиция меня стережѐт! – Максимилиан Варламович, видимо, окончательно пришѐл в себя. – Давайте-ка лучше поработаем немножко! Уф-ф-ф! Мне б затемно домой вернуться успеть. Иначе мама с утра будет бес-

⁶³ Рамон Фолк де Кардона-и-Англесола (1467 – 10.03.1522 гг.) – главнокомандующий войсками Камбрейской лиги, вице-король Неаполя, первый герцог Сома и граф Оливето.

покоиться.

– И то верно! – Жанна Сергеевна отчего-то пребывала в приподнятом настроении духа. – Мама волноваться не должна. Поехали, ребята!

– Моё дело предупредить! – деланно безучастно отреагировал Рол. – Дальше ваши проблемы... – подумал немного. – Какую базовую матрицу изволите выбрать, сударыня: нашу с Юркой или свою, то есть безвременно упокоившегося Джона Андерсона?

– Ролушка, зайчик, если мне телефон-то некуда было положить, куда, скажи на милость, я бы кристалл с матрицей засунула? Он ведь не маленький, мазафака!

– Гм... Логично! Что ж... Все по местам, задраить люки! Не курить, пристегнуть ремни! Грузимся, господа присяжные заседатели!

– Позвольте, позвольте! – недоумевал гражданин Гонченко. – Я-то вам за коим хреном понадобился? Страдал тут, блевал! Терпел хамёж этого рыжего бандерло... – брови фон Штауфена угрожающе поползли вверх. – Этого вот гражданина, да! Так за коим, я вас спрашиваю?!

– Не пыхти, Варламыч! – Жанна заняла место за дирижёрским пультом перед двумя огромными мониторами. – Цепляйся-ка быстренько к Главному Вычислителю и вперёд!

– К чему, к чему?!

– К серверу, мишуген поц! – у Рола, похоже, кончалось терпение. – Хорош дурака уже валять, и так уйму времени

потеряли!

– Кто ж это его... так... обозвал?

– Я!!! Ещё есть идиотские вопросы?!

– Нет, нет! Уже подключаюсь! А-а-а-а... собственно, за-чем?

– Ну, ты, бл*дь, меня достал! – бош взревел. – Щас я тебе башку-то отверну, дрек мит...

– Спокойствие, Ролушка, только спокойствие! – Назарова подседа к Максику. – Где тут наш волшебный чемоданчик? Просила же захватить! ...Здесь? ...Превосходно! Доставай программку, что ты для меня делал. Помнишь? Я тогда к Туве Янссон в Муми-дол навевывалась...

– Но-о-о-о...

– Никаких «но»! За всё уплочено! Боишься, на собственность твою шибко интеллектуальскую позарюсь? Так она ж наполовину моя! Я – заказчица, и я же спинкой отработывала! Не забыл, поди? А давай-ка теперь у Ролика спросим? Барин – добрый, он рассудит. Сама справедливость! Ха-ха! ...Ладно, ладно! Успокойся, малыш! Разворачивайся на своём кристалле, мастурбашка, никто кроме тебя и пальцем его не тронет. – Украдкой хитро подмигнула Роланду. – Только шевелись быстрее уже, эта твоя кваказябра дольше самой матрицы инсталлироваться будет! Договорились? Вот и славненько. Так! Всё! Собрались! За дело, мальчики!

Минут, наверное, сорок стояла относительная тишина, не считая каких-то странных переливчатых шумов в аппарату-

ре. Каждый занимался своим делом, не до болтовни, короче, было. Первым, вполне предсказуемо, отстрелялся Роланд:

– Ну, граждане алкоголики, хулиганы, тунеядцы, кто хочет сегодня поработать? А? Источник загружен, базовая матрица более-менее стабильна, реперов относительно немного... Точнее... Всего-то девяносто три штуки! Гм... Придётся, конечно, немного повозиться и даже попотеть... Шайссе!

– Ролушка, будь добр, малыш, графику результирующую выведи мне на второй монитор, пожалуйста! – Жанна Сергеевна спокойна и сосредоточенна, значит, всё пока по плану. – Только трёхмерных... этих... обструкций... абстракций, тьфу! – абстракций своих любимых не нагромождай, очень тебя прошу, и по двум осям вполне наглядно! ...В цветах, если не трудно, зелёных и красных. Мне так привычнее... Коэффициенты наши сохранил, как я просила? ...Умничка, перекидывай сюда! Корреляторы тож. ...Максик, ты как там?

– Работайте, рабы галерные, работайте, солнце ещё высоко! Займитесь уже чем-нибудь полезным! – в Хрюкотанском голосе проскальзывали трудно скрываемые нотки раздражения. – Вычислитель этот ваш... Зато – самый Главный! О-о-о! Еле-еле шевелится, ёта мать! До утра нипочём не управимся! Знал бы, ни за какие...

– Не бухти, мармыга! Нормальный аппарат у нас. Ну... подустал маненько, надо понимать, в последнее время от перегрузок. С кем не бывает? И потом чего вы хотели-то, ба-

тенька? Раскручиваетесь на внешнем носителе и ждёте через медленный порт какой-то немислимой производительности?! Развеселил старика! Хе-хе-хе! Откуда в ректуме, скажите на милость, полезные ископаемые, а?! Это вам не кимберлитовая трубка. Нету их там, не-е-ету-у-у! И не ищите! Так что трудитесь, молодой человек, трудитесь не покладая рук. Хе-хе! Труд облагораживает! Ди арбайт хат ден меншн гешафн ⁶⁴! – браво отрезюмировал Рол, обернувшись к Назаровой. – Давай-ка мы, Сергеевна, слоечку, что ли, сварим, пока суд да дело? А то Юрик проснётся невзначай и-и-и-и... Пиши пропало! Накроется твоё пари греховодное!

– Наше, котёнок, наше! Думаешь, слюни твои липкие до полу никто не заметил? Ошибаешься! Как ты на голую-то меня пялился, охальник рыжий, дух захватывало! Уа-а-ау! Аж мурашки по мартышке!

– Где-где мурашки? ...Вы мне это бросьте, разлюбезнейшая Д'Жаннэт! – сконфузился фон Штауфен. – Я этого не люблю! Давайте-ка лучше-е-е... м-м-м-м... Коэффициентики желаете перекинуть, корреляторы? Эт можно! Это мы мигом! ...Тэ-э-эк-с! ...Получите-с, шахер-махер, парикмахер! Сдачи не надо!

– И мне не надо! Ха! Глянь лучше сюда, Ролик. Картинка-то процентов эдак на шестьдесят – семьдесят вполне себе ничего, зелёная. Ощущаешь? Красных секторов не

⁶⁴ От Die Arbeit hat den Menschen geschaffen (нем.) – Труд создал человека.

так уж много, согласишься. Девяносто три репера совершенно точно «натягивать» не придётся! Учись, студент, как слойки конструлировать надобно! Ха-ха! ... Вот и всё! А ты боялась! – нараспев продекламировала Жанна, прихлопывая в ладошки. – Только юбочка помялась. А теперь иди к врачу, я ребёночка хочу!

– Хотеть не вредно! Работать будем?!

– Бум, бум! Заряжай таблицу корреляторов! ... Пли по моей команде! ... Приготовились! ... Огонь, мазафака!

Следующие часа полтора выдались на редкость событийными. Нда-а-а-а... Совместное творчество ведь, согласитесь, вообще – штука замечательная, то, понимаешь, роднит участников, и тогда, будто голубки влюблённые, воркуют они, льнут друг к дружке, противно лобызаясь чмоки-чмоки в дёсны, то – глянь-ка! – тельники ни с того ни с сего рвут на себе – в драку лезут. Да так ярко, иной раз водой студёной не разлить, бисовы души! Вот и у нас нешуточные страсти-мордасти эпизодически накалялись, вторя недавним постельным баталиям, и тут же утихали, откатываясь, словно морской прибой. Жаркие дебаты перемежались криками, ораами, уговорами, заверениями в гениальности, конгениальности, взаимных обвинений в беспросветной тупости, и даже чуть-чуть не дошло дело до серьёзного оскорбления личности посредством рукоприкладства. Или ногоприкладства, без особой разницы. Всё одно ж – больно! В результате фон Штауфену ничего иного не оставалось, как признать-таки

за Назаровой право немного порулить. Её инициатива, ей, соответственно, и карты в руки. Весьма неохотно уступил бош бразды правления, вроде того: мели, Емеля, твоя неделя! Меж тем, к немалому его удивлению, спустя непродолжительное время красные сектора на экране можно было уже по пальцам одной руки пересчитать. Вот это да! Слойка-то клеилась, ёта мать! Засим немец наблюдал с всё возрастающим интересом, ибо им с Ширяевым столь близко к заветной цели подобраться так и не удалось. В то же время нет-нет, а всплывала откуда-то из глубины кишечника лёгкая досада на собственную несостоятельность, точнее, на её, Жанин, необычайную удачливость и везение. А чем ещё прикажете объяснять странную девичью успешность? Женским умом-разумом, что ли? Прекратите дурачка валять! Кому, согласно всем известной поговорке, везёт? То-то же! Впрочем, довольно скоро выяснилось: одного лишь везенья здесь явно недостаточно. Не тот случай, господа присяжные заседатели!

– Готов, Максик?

– Жду ваших указаний, миледи!

– Ролик, смотри, котёнок, где-то здесь вы с Ширяевым и забуксовали.

– Наверное, да. Трудно сказать. Мне кажется, несколько дальше...

– Слушай! Нам-то ладно, самому себе хватит уже завираться, умник! Если б вы ещё хоть на один самый малюсенький шажочек малипусенький продвинулись, сварилась бы слой-

ка, мазафака! Сто пудов! Въезжаешь?

– Всё обидеть норовишь, Сергеевна?

– И в мыслях не держала! Подсаживайся, раз такой умный. Слушаю и повинуюсь! Рули, друг-сосиска! Каковы наши дальнейшие действия, мон генераль?

Полчаса тщетных потуг сдвинуться с мёртвой точки энтузиазма участникам вечеринки, сами понимаете, не прибавили. Нда-а-а-а... Зато сильно поубавили гонору заносчивому уроженцу Саксонии, что само по себе уже, согласитесь, какой-никакой, а результат. В конце концов, окончательно убедившись в бесполезности многозначительного морщения лба и дальнейшего пустого надувания щёк, вынужден был бош таки сдаться на милость победительницы:

– Шайссе! Сдаюсь! Сама рули. Если, конечно, знаешь куда.

– Кажется, знаю. По крайней мере, однажды мне нечто подобное удалось... Тут такая штукавина, значит... Короче, дело не в реперах вовсе.

– Да?! А в чём?! В чём вообще может быть дело кроме реперов?

– Сейчас, сейчас... Выбери любой проблемный красный сектор. ...Выбрал? Покажи трёхмерную графику, плиз! ...Зачем? ...Пойми, малыш, двумерная картинка нам уже неинтересна, роём глубже!

– Куда глубже-то? Реперы не совпадают, причём разнятся очень, очень здорово! В разы, холи ш-ш-шит! Всё уже с Юр-

кой перепробовали, не натягиваются, лопни моя селезёнка!
– Спокойствие, только спокойствие! Показывай давай красоту свою вселенскую, не тяни резину.

На основном мониторе к тому времени стараниями гражданина фон Штауфена уже возникло нечто фантастическое – отдалённо напоминающее марсианский пейзаж изображение бесконечной, уходящей за горизонт, красновато-коричневой холмистой равнины. С тем лишь явным отличием, что ряды холмов располагались ровно, словно по линейке. Зато высота различалась у всех, ни одного равновеликого! Это и было так называемое «одеяло», то бишь графическое представление сектора, в нашем случае, кстати, – весьма проблемного, результирующей матрицы Седова, где каждый «холмик», извините за неприличные слова, есть результирующий экстремум функций базового и резидентного элементов. Всё понятно? Не очень? Хм... Представьте себе, для простоты восприятия, толстое стёганое скомканное одеяло, грубо говоря – прошитые насквозь два куска ткани и проложенный между ними слой ваты. Представили? Соответственно по аналогии: нижний кусок ткани – исходная, базовая психоматрица, верхний – резидентная. Вата – возникающее при их взаимодействии психостатическое поле перехода. Всё вместе – пресловутая слойка Седова. Анкерные элементы матрицы (согласно классической психостатике), именуемые в народе реперами, играют примерно ту же роль, что и прострочка, – обеспечивают устойчивую функциональность конструкции.

В случае с одеялом это надёжная равномерная фиксация утеплителя по всей площади с целью максимального сохранения тепла. О как! Особенно когда индеец под ним один-одинёшенек. Хе-хе! Без индейки! Согласитесь, ежели одеялко не простегать или попросту, к примеру, напихать ваты в пододеяльник, оченно скоро вся она скомкается, свалется, и проку уж точно никакого не будет! В психостатике, поверьте, всё схоже. Склеить результирующую матрицу означает, используя различные нехитрые технические приспособы, так сказать, «натянуть», то есть нивелировать резидентные реперы до базовых значений, вследствие чего в определённый момент и возникает более-менее устойчивое психостатическое поле перехода. Причём реперы, в отличие от остальных элементов, никогда не совпадают, а лишь стремятся друг к другу в пределе на бесконечности. Таким образом, результирующая слойка состоит из двух, осторожненько так их назовём, матриц-энантиомеров, «простёганных» по реперам между собой. Вот, собственно, пока и всё. Нет, не всё? Тяжёлый случай! Хм... Для людей, абсолютно несведущих в психостатике, придётся, пожалуй, добавить кое-что. И хотя таковых, по причине стремительно повышающегося самосознания масс как движущей силы любой, в том числе и научно-технической, революции, остаётся всё меньше и меньше, естествоиспытатели-очевидцы поговаривают, что в джунглях Амазонии, пустынях африканских, в Антарктиде среди пингвинов некрещёных встречаются ещё иногда

дремучие индивиды, особенно ежели последние вдруг, па-че чаяния, по причинам недоразвитости лишены счастливой возможности состоять в Конфедерации. Нда-а-а... Так вот значит, Первоисточник, чтоб вы правильно понимали, дорогие товарищи, есть массив информации, с той или иной степенью достоверности определяющей некую, отличную от настоящей, реальность. Причём абсолютно не важно: книга ль это, картина, фильм какой, устное повествование, другой какой-либо источник психостатического поля, без разницы. Исходная, базовая матрица, сконструированная на основе этого поля, является, по сути, «входной дверью» в ту самую, иную, реальность. Соответственно, аналогичная матрица, созданная в текущей действительности и практически являющаяся, после, разумеется, серьёзной обстоятельной «на-тяжки», стереоизомером вышеозначенной «исходной», так называемая резидентная матрица, по всему выходит, есть «дверь» из мира нынешнего. В свою очередь, поле перехода, при наличии малой толики воображения, вполне можно до-рисовать себе как некое подобие шлюзовой камеры. Полу-чилось? Ну, значит, где-то так...

– Пожалуйста, вам одеялко, милая Жанин! Тёпленькое ещё, грейтесь на здоровье!

– Спасибо, мышастик! Теперь, господа, прошу всех со-средоточиться на ближайших к реперам максимальных рас-хождениях элементов по экстремумам. Задача ясна? И так далее, и тому подобное... Что тут у нас? Та-а-а-ак... Кстати,

какой хоть репер-то натягиваем?

– А? Репер? Это... Адаптация.

– Общая?! Ого, плохи наши дела!

– Не-е-ет, что ты! Всего-навсего репер интеллектуальной адаптации. Говно вопрос!

– Уф! Отлегло! Ролушка, котёнок, постарайся больше без особой надобности никого не пугать! Ладно? Мы же не в мир Хичкока погружаемся! ... Так, Максик, запускай скорее монстра своего. Задача плёвая, второй класс церковно-приходской школы. Ищем максимальные расхождения в секторе. Поэлементно! Обязательно в граничных областях поширяться, там частенько...

– Хм! Зачем тебе поэлементно, мать? Что ещё за глупости? – скептически скривился Рол. – Что делать-то с ними будешь? Доннерветтер! Они же жёстко по алгоритму Марковича выставляются для каждой базовой конфигурации.

– Алгоритм Марковича, как, к слову, и Эвклидова геометрия, физика Ньютона, вообще всё во вселенной, имеет свойство устаревать, и давно уже, можешь мне поверить, не есть истина в последней инстанции! Бесспорно, реперы всегда первичны, их коррекция однозначно влечёт за собой изменение остальных элементов. Так-то оно, конечно, так... Это, знаешь ли, как в старом детском анекдоте о слоне: съест-то он, как говорится, съест... Но... Кто ж ему дасть-то, животине ненасытной? Существуют, оказывается, и иные механизмы, закономерности...

– Что-что?!

– А то! Не мешай, скоро сам всё узнаешь! Есть что-нибудь интересное, Максик?

– Вагон и маленькая тележка, ёта мать!

– Никакая я не ёта! Зовите меня... Просто... Мать. Выкатывай по одному! ...Да не торопись ты, хороняка, не успеваю! Та-а-ак... Неинтересно... Мимо... Дальше... Следующий... – минуло ещё минуточек десять – пятнадцать. – Стоп! Ни фиги се! Что ещё за хрень?!

– Погоди. Сейчас. М-м-м-м... Строка семьсот восемнадцать, столбец триста восемьдесят девять. Тэ-э-э-к-с... О, кажись, нашёл! Гм! Показатель уровня интеллектуальности... среды.

– Какой ещё среды? Почему не вторника, к слову, не четверга?

– Да не в том смысле! В смысле, типа, среды обитания.

– Так бы и говорил: показатель уровня интеллектуальности среды обитания, темнило! Знакомый элемент, рабочий!

– Вот те дудки, Назарова, знакомый! Я же сказал: «типа»! Просто чтобы понятней было. Показатель уровня интеллектуальности среды обитания – та же строка, столбец, правда, другой – триста девяносто первый. Через один, выходит, от нашего. Уяснила? А здесь просто: показатель уровня интеллектуальности среды. И всё тут! Причём первой части или главы – я пока не понял. В других, судя по всему, иначе будет.

– Бл*дь! Дело ясное, что дело тёмное! Хорошо, пусть пока так. Ролик, малыш, что-то можно подправить? Коэффициенты какие-нибудь применить там, корреляторы?

– Всё уже применено. – Роланд неохотно рылся в толстенном справочнике-гроссбухе. – Тэ-э-э-к-с... Вышеозначенный элемент, с грустью и печалью сообщаю вам, сам по себе и не выделен-то нигде. По всему выходит – сущая безделица! Максимальная же групповая коррекция – на уровне трёх, максимум трёх с полтиной условных единиц.

– Сущая безделица? Смеёшься, котёнок?! Разуи глаза! Посмотри внимательно на графики: здесь минимум десятка выплывает! Базовая конфигурация исходной матрицы – «Сказка», правильно? ...На любой другой базе вообще ни черта не склеится! Плавали, знаем! ...Поэтому ваш так называемый показатель уровня какой-то там невнятной интеллектуальности автоматически и выставляется алгоритмом Марковича по шкале обычных сказок: от единички у простеньких народных блатных хороводных до четвёрки – максимального значения – где-то у Гауфа или Хоффмана. Между тем трёшка, пускай – четвёрка, я отчего-то уверена, даже для Карло Коллоди и Туве Янссон не прохонде, а тут, понимаешь, такое дело – братья Стругацкие! Маловато будет, мазафака! Маловато! Это вам не какой-то там паршивый Оле Лукойе, знаете ли, хундерт швэнце ин майнер келе!

– Ага, я так и понял... Швэнце именно туда и все хундерт сразу! Мне собственной башкой прикажете об эту желе-

зяку биться, повышающие коэффициенты выколачивать?! – потихоньку вскипал Рол. – Всё равно не выйдет ни шиша! Шайссе! В ейные же мозги кристаллические нипочём не влезть!

– Прямо так уж и не влезть? – Жанна кокетливо потупила глазки. – Сдаётся мне, ты нас недооцениваешь, малыш!

– Хоть прямо, хоть криво! На это я пойтить не могу! И ни с каким начальством советоваться не стану! – в притворном ужасе замахал бош руками. – Категорически запрещено всеми... на свете... техническими... регламентами, о! Коегде, к слову, за гораздо меньшие... хм... «шалости» серьёзная уголовка светит, если запамятовали, милая девушка! – и тут до немца начало потихоньку доходить. – Постойте-ка, братцы-хурензоны, уж не хотите ли вы сказать...

– «Мириться?! На х*й эти штуки, наганы взять прошу я в руки» ⁶⁵! – Жанна Сергеевна теперь фонтанировала матерными нетленками, искря, словно Магнето из второразрядных комиксов Джека Кирби. – Ха-ха! Регламенты? На то они и регламенты, чтобы их это... того... «На рею!!! Виси и не дыши. Забей заряд и вставь-ка фитиля, купчина лезет прямо на рожон. За тесаки, ребята, помолясь, ведь с нами бог и шкипер дядя Джон!» ⁶⁶ Максик, значит так: слушай мою команду! Внедряешься в стандартную программу проектирования результирующей матрицы, локализуешь указанный

⁶⁵ «Евгений Онегин матерный», неизвестный автор времён СССР.

⁶⁶ Л. Сергеев, «В тавернах припортовых».

элемент, корректируешь его до состояния полного нестояния, то бишь, извините, совпадения, и фиксируешь с максимальной надёжностью. Поехали! Ха-ха! Ролик, рот закрой! Муха ШеШе залетит, станет в животе жужжать, спать не даст! Ха! Надеюсь, мы не в сети, Хрюкотаньчик?

– Как можно, миледи? Давно уж всё заблокировано.

– Холи ш-ш-шит! Вы что, ребята, реально Марковича взломали?! – злой тевтон наконец-то конкретно проникся ситуацией. – С ума сбрендил?! Да за подобные делишки самое малое – из Академии пинком под арш...

– Ну... Не то чтобы сильно взломали. Так, чуть-чуть... На экран смотрите, гражданин Борзохрюк! Всем смотреть на экран, мазафака! О чём тебе битый час талдычили?! Те самые иные механизмы и это... закономерности тож! Мы сейчас что изменяем? ...Совершенно верно! Обычный элемент, который даже в справочнике упомянуть лениво! А что происходит? Реперы поползли навстречу! Разве не видно?! Да как борзо! Сектор-то теперича почти зелёный! Ещё чуток... Что я тебе говорила? Тютелька в тютельку! Съел? Поехали следующий! Быстро, быстро, мальчишки! Шнеллер!

– Фак! Фак! Фак! Холи ш-ш-шит! – в сердцах тихонько выругался фон Штауфен. – О майн гот, что ж вы натворили-то?! – схватился за голову. – Мит гутн форзэтцн вег цур хёле гепфластерт ⁶⁷! Хотя... В чём-то, наверное, гениально.

⁶⁷ От Mit guten Vorsätzen Weg zur Hölle gepflastert (нем.) – Благими намерениями вымощена дорога в ад.

Гм... Ежели в результате слойка склеится, впору дырку под орден ковырять! О-о-о-о! – окреп голос, бравурные нотки появились. – На докторскую, кстати, легко потянет, граждане алкоголики, хулиганы, тунеядцы! С удовольствием бы в соавторы как-нибудь присоседился! Ладно, – окончательно успокоившись, махнул бош рукой, – сами утонем, так хоть науку вперёд чутка двинем, а может, и Юрку Ширяева вытащим. Чем чёрт не шутит! Мы точно не в сети? Бог даст, проскочим. Короче, какие наши действия?

– Процесс понятен, да? Уверена, мальчишки, вы теперь и без девочек достойно выступите. Ха-ха! Справитесь, не волнуйтесь! Главное, друг дружкой не увлекитесь ненароком! Тут такая штукавина, значит... Никого я не бросаю! Пуф-ф-ф! Просто душ хочу принять, усталость смыть. Мне ж ещё Юрочку в «психоход» собирать! Кстати, к стыду своему вынуждена признаться, не читала ваша покорная слуга «Понедельник начинается в субботу», каюсь! Какая там эпоха? Девки местные нижнее бельё-то хоть носят?

– Это, как и везде, смотря по ситуации. Хе-хе! Ты, вона, иногда тоже... того... балуешь! ...Эпоха? Мнэ-э-э-э... – призадумался Роланд. – Где-то... Ближе к концу вашего двадцатого века, наверное. Джинсы-трубочки – куцый вариант до щиколоток, носки белые, ботики на «манной каше». Хм! Дефицит, не достать... Фигня! – кеды китайские вполне сойдут, Гленн Миллер, одномоментно прославивший на века вечные мухосранскую Чаттанугу, Билл Хейли со своими

Кометами, Элвис и всё такое прочее. Одним словом – стилияги! Хе! Штатники. Дрек мит пфеффер! Не волнуйся, Сергеевна, собрали вещмешок уже, лежит там, в шкафу, валяется, что твой ужик высоко в горах.

– Не мой, а Пешкова Алексея Максимовича, если уж на то пошло! Чужого, пусть и великого, не шейте мне тут, понимаешь! Ладно, нет меня. Надеюсь, к моему возвращению покончите, наконец, со всей этой постылой шнягой?! Надоело, чесс слово, блин горелый!

Не успели, однако. Два оставшихся сектора опять всем кагалом пришлось выправлять. И всё-таки оно случилось! Ура, товарищи! Слойка склеилась! Ну... Практически... Жанин по понятным причинам пребывала в лёгкой эйфории: ходила-бродила пританцовывая, о чём-то щебетала беспрестанно, взъерошивала «малышам» волосы и улыбалась, улыбалась, улыбалась с удовольствием от хорошо проделанной работы, предвкушая сладкое.

М-м-м-м! Оно и понятно, без пяти минут выигранное пари обещало ведь интригующий плезир со строптивым саксонцем! Не забыли, поди, ещё? В свою очередь, к некоторому удивлению фон Штауфена, обнаружилось, что и без «боевой раскраски ирокеза» девушка вполне себе ничего смотрелась: иногда свет божий днём затмевала и даже ночью довольно сносно освещала местами матушку сыру землю. Где только раньше гляделки тевтонские были? Гм... Вопрос! Оставалось лишь дожидаться окончательной стабилизации результирующей матрицы, рассчитать длительность плутониады, после чего запулить Ширяева на недельку до второго, куда Макар, соответственно, телят не гонял, и-и-и... Не тут-то было! Как говорят у них там, в Саксонии: «Руфе ништ «Хазе» бист ду ин им саке хаст»⁶⁸. Причём, дорогие мои любители препротивного японского бухла, в слове «саке», просим обратить внимание, ударение ставится на первый слог.

– Эй! Эй! Эй! Идите-ка скорее сюда! – в голосе Максика слышались неподдельно тревожные нотки. – Что-то случилось! Самсинг... это... типа, хэппинед, бл*дь!

– Ну, что там у тебя опять стряслось, а?! Мазафака! – как-то уж очень недовольно, раздражённо отреагировала госпожа Назарова.

⁶⁸ От Rufe nicht "Hase" bist du ihn im Sacke hast (нем.) – Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь.

Устала, наверное... Обычно, при ближайшем рассмотрении, недовольство, раздражение, иные формы гневливости оказываются сплошь делом напускным. Всего-навсего ширмой, скрывающей болезненность, испуг, обиду, безволие, душевную слабость либо полнейшее бессилие. Сильный человек никогда ведь не поддастся гневу, согласитесь, не изрыгнёт на окружающих, тем более – близких ему людей омерзительную гневливость свою, не опустится до банального вздорного твяканья. Он попросту проходит мимо мелких дрязг, прощает незлобивые ошибки, дурашливое ребячество, прочие, в общем-то несущественные, вполне безобидные штучки и, в отличие от подавляющего большинства склочных сограждан, при необходимости действует жёстко, но без лишних слов. Или бездействует молча, что, кстати, весьма относительно и зачастую равнозначно. Хороши ли, плохи ли, правильны, неправильны поступки его – решать не нам, хоть мы и очень любим судить, осуждать, обрекая порой сильных людей на бесчеловечные муки и унижения. Особенно когда не удаётся сломить их непокорную волю. Гиены всегда с особым остервенением набрасываются на израненного льва, заживо грызя его, долго и жестоко. Лев, справедливости ради отметим, почти всегда убивает подлую гиену довольно быстро, практически одним ударом. На то он, собственно, и благородный лев, недаром царём зверей наречён! Что ж! Всё это словоблудие, конечно же, никакого отношения к делу не имеет, и у милой Жанин, разумеется, с

гиенами ничегошеньки общего, только вот занервничала девица реально, ой, реально! Хе-хе! Пряма львица!

– Сами смотрите! – Хрюкотанчик тоже не косуля, ему лишнее на себя брать без надобности. – А то сделаю что-нибудь не так, с говном меня потом сожрёте! И с тапками.

В самом деле, происходило нечто странное. На только что сплошь зелёной холмистой равнине то тут, то там вспыхивали теперь ярко-красные огоньки-ягодки, будто раскинулись бескрайние битловские земляничные поляны форева, а индикатор уровня стабилизации результирующей матрицы замер, сука, на отметке восемьдесят с хвостиком процентов и ни с места! От же ситуёвина, растудыть её! Закачаешься!

– Кто-нибудь разъяснит мне, что это ещё за фигнюшки-помигушки? – лицо Жанны Сергеевны как-то сразу осунулось и глаза сделались пустые-пустые, точно стеклянные. – Я вас спрашиваю или кого?! Хоть кто-нибудь!

– Чертовщина какая-то! – Максик ошарашенно пялился в экран. – Впервые в жизни подобное вижу! Гм! Что-то сегодня долго не клеится... Негоже так, кирдык, похоже, слойке!

– Типун тебе на язык, Хрюкотан! М-м-м-м... – Роланд, видимо, решил поработать немного громоотводом. – Я, возможно, попытаюсь объяснить, однако не уверен...

Но Жанна уже ничего и никого не слышала. Девушка сидела, спрятав лицо в ладошки, из-под которых ручьями текли слёзы горшие. При каждом всхлипывании плечи её вздрагивали, и Ролику вдруг отчётливо вспомнились похороны

матери, где вот так же плакала навзрыд его младшая сестрёнка, и он, совсем ещё тогда мальчишка, утешал сестру, обняв за худенькие трясущиеся плечи, и тоже украдкой нет-нет, а промакивал платком глаза...

С тех самых давних пор не переносил суровый бош женских слёз. Никаких! Напрочь! Да, да! Тот самый «железный» капрал, что, несмотря на шквальный огонь испанской артиллерии, лично повёл в атаку деморализованную, изорванную в клочья, понёшую ужасающие потери гасконскую пехоту! Но то средневековая пехота, понимаешь, – богатыри, не вы! – а то они – хрупкие женщины. Пусть хоть и бабы-яги по жизни! Понимать надо!

– Жанночка, успокойся, милая! Что-нибудь обязательно придумаем, не переживай! – фон Штауфен приобнял Назарову, погладил по растрёпанным волосам, и далёкие воспоминания нахлынули с новой силой. – Да хорош реветь уже! Доннерветтер! Вот откуда, спрашивается, в самый неподходящий момент обязательно какое-нибудь шайссе всплывёт, а?! – в сердцах пробормотал он в никуда. – Почему, бл*дь, столь вопиющая несправедливость творится?! Айн фаулес ай фердирбт ден ганцн брай ⁶⁹!

⁶⁹ От Ein faules Ei verdirbt den ganzen Brei (нем.) – Одно тухлое яйцо всю кашу портит.

Ну... вопрос, конечно, интересный. Бывает, согласитесь, пашешь, пашешь на конечный результат, ходишь, ходишь в школу, колотишься, точно козёл о ясли, вдруг р-р-раз! – и вторая смена. А победа была так близка, чёрт возьми! И фортуна, гляньте-ка, хоть и нон пенис, но тоже ведь рядышком, руку всего лишь протянуть ⁷⁰, и-и-и-и: «...кажется достиг всего ты, пора оставить все заботы, жить в удовольствие начать и прибалдеть, и приторчать... Ан нет, готовит снова рок суровый жесткий свой урок!» ⁷¹ И столь долгожданный кайф, вопреки радужным ожиданиям, внезапно обламывается. Хрясь! – разбиваются хрустальные мечты, рассыпаются замки песчаные, теряются ориентиры, сбиваются прицелы, последними же, как и положено, тихо почивают в бозе несбывшиеся надежды. Гм! Будто так и надо, мазафака! Тут же, спустя буквально чудное мгновенье, пропадает всякий вкус к жизни, притупляется мироощущение, а образовавшаяся в теперь уже заведомо тщетном ожидании головокружильных успехов невиданная доселе лёгкость мигом улетучивается вон из тела. Без-воз-врат-но! То есть – на х*й! Вместо того сваливаются на человека, зачастую окончательно и бесповоротно погребая под тяжестью своею, напасти, сомненья, невзгоды всевозможные, нередко трансформируя накоплен-

⁷⁰ От *Fortuna non penis, in manus non recipere* (лат.) – Удача не член, руками не схватишь.

⁷¹ «Евгений Онегин матерный», неизвестный автор времён СССР.

ную за годы мартышкиных трудов и бесконечных изматывающих сражений с ветряными мельницами усталость в бездонную тряси́ну чёрной депрессии, и хочется волком выть, биться в истерике, плакать, рыдать навзрыд в подушку или же, отбросив прочь всякие условности, обречённо жевать на камеру галстук. А всё из-за чего? Вы не поверите! Как правило, из-за какой-то малипусенькой, ничего, казалось бы, не значащей фигнюшки-помигушки, которую и в расчёт-то никто никогда не брал! Какого-нибудь, к слову, неприметного показателя уровня интеллектуальности некоей малопонятной среды. «Не было гвоздя – подкова пропала, не было подковы – лошадь захромала, лошадь захромала – командир убит, конница разбита, армия бежит! Враг вступает в город, пленных не щадя, оттого, что в кузнице не было гвоздя!»⁷² Мелочь, казалось бы, да? Гвоздик сраный! Существует, кстати, весьма авторитетное поверье, согласно коему именно из-за горстки обыкновенных, ничем не выдающихся гвоздей, в силу роковой беспечности попросту не оказавшихся в решающий момент у захвативших английскую артиллерию храбрых французских кавалеристов, армия Наполеона проиграла битву при Ватерлоо. Такая вот... хм... темпоральная притча «О забавных мелочах». А в это время, о-о-о-о... Меж тем фон Штауфен, обильно орошённый назаровскими слезами, размяк окончательно, бесповоротно и совершенно искренне желал теперь лишь одного: скорей утешить несчастную

⁷² С. Я. Маршак, «Гвоздь и подкова».

расстроенную девушку любыми позволительными и иными способами и даже допустил – о ужас! – страшнейшее святотатство: тайно воцарился возлюбленную друга своего, Гультбария, – тьфу на ёжика вашего пластилинового! – Ширяева Юрия Ивановича, конечно же имелось в виду. Здесь притормозим, бо Роланд Йозефович, саксонский наш фон-барон, наконец набрался смелости, собрался с силами, зажмурил глаза и выпалил:

– Хрен с ним, с пари этим грёбаным! Готов побыть с вами... это... наедине... Сколько возжелаете! Вот только белугой реветь, пожалуйста, не нужно, милая Жанин! ... Не расстраивайтесь, ладно?

При этом мужественная тевтонская рука безотчётно прижимала к себе заплаканную мадемуазель всё крепче и крепче, сильнее и сильнее, пока, наконец, придушенное всхлипывание не перешло в надсадное кряхтение, а после и вовсе умолкло секунд на несколько...

– Уф! Да пусти же ты!!! Ох*ел совсем?! – ожила, затрепетала в железных объятиях Жанна Сергеевна. – Дышать нечем, насмерть задавишь ведь! Лучше бы трахнул разочек, чем рёбра-то ломать! Медведь!

Немая сцена. Мадемуазель даже плакать перестали. Во как!

– И ведь придётся! – разрядил обстановку бодрым тенором прорезавшийся сквозь возникшее неловкое замешательство гражданин Гонченко. – Куда ж вы теперь денетесь

из жёлтой подводной лодки-то, а? К-к-кино-то уже кончилось!

– Что придётся? – остороженько так, опасаясь, видимо, очередной какой-нибудь виктимной гадости, переспросил Роланд. – Ты это о чём? – хватку, однако, благоразумно ослабил. – Потрудитесь-ка объясниться, товарищ Хрюк!

– Попандос у вас, господин фон Штауфен! Рога-то по-любому лучшему другу наставлять придётся! Гы-ы-ы-ы! Примите мои поздравления, господа! Слойка многострадальная ваша стабилизировалась. На все сто процентов, ёта мать! Ур-р-ра, господа!

– Да ладно, Максик, не гони! – раздался в ответ нестройный, но довольно радостный хор, и кое-кто фальцетом взвизгнул, видимо, от счастья. – Ур-р-р-а-а-а-а!!!

– Ага, нашли дурачка! – проворчал Варламыш. – С вами гнать – себе дороже! То нос, понимаешь, оторвать грозятся, то ногу... Падло буду!!! ...Устраивает?

– Где?! Правда, что ли?! Показывай! – покрасневшие, мокрые ещё, но сияющие уже радостной надеждой глазищи тут как тут, и даже размазанный по щекам макияж, придающий происходящему налёт эдакого сценического элискуперовского хоррора, не портил теперь общей благостной картины.

Как, впрочем, и сам всегда несущий, по сути, море позитива Великий и Ужасный Элис Купер ⁷³, чьей горячей поклонницей, кстати, госпожа Назарова неизменно являлась аж с далёкого розового сопливого детства! Хм... Пожалуй, это был единственный мужчина в её жизни, которому она никогда ни с кем не изменяла. Ну... ежели только чуть-чуть с Фрэнком Заппой ⁷⁴... Но капельку-капелюшечку!

– Глянь-ка, Ролушка, судя по всему, не врёт, каналья! Ха-ха! – настроение красавицы, словно сердце, к измене склонное, мигом развернулось градусов эдак на сто восемьдесят... семь, не менее. – Реально стабилизировалась, красава!

– Ну-у-у-у... Что тут скажешь? – Фон Штауфен тянул резину, явно чувствуя лёгкий дискомфорт ввиду недавнего проявления в общем-то неуместной для людей его склада сентиментальности. – Грхм! Молодцом, боец Гонченко, так держать! Дай пожму твою мужественную руку! – нашёлся бош наконец. – Отлично сработано, сынок!

– Эй-эй-эй! Граждане, тормозите! – памятуя о едва-едва

⁷³ Элис Купер (04.02.1948 г.) – замечательный американский рок-певец, композитор и актёр. Один из первых шок-рокеров, являющийся, по мнению авторитетного All Music Guide, королём этого жанра. Своей новаторской деятельностью радикально расширил рамки представлений о сценических возможностях рок-артиста. Горячо любим всеми истинными поклонниками рок-музыки.

⁷⁴ Фрэнк Винсент Заппа (21.12.1940 – 04.12.1993 гг.) – великий американский композитор, певец, мультиинструменталист, продюсер, музыкант-экспериментатор, звуко- и кинорежиссёр.

не закончившемся серьёзными увечьями инциденте с Жанной Сергеевной, Хрюкотанчик под шумок руку благоразумно в ответ не подал, целее будет, по «клаве» всё ж надо чем-то стучать. – Я, конечно, молодец-огурец, спору нет! Но в данном конкретном случае всего лишь пассивный наблюдатель. Сидел себе преспокойненько, грустил о вас... хм... любовничках несостоявшихся, не шалил, никого, знаете ли, не трогал, примус починал, и вдруг...

– Разве это не твоих рук дело? – очень уж хотелось девушке всех вокруг в герои записать. – Не твоего... монстра?

– Хм! – нагло-развязно ухмыльнулся Максик, так, между прочим, поигрывая паховыми мышцами, словно вопрошая: «А которого из них, мадемуазель, вы, собственно говоря, имели в виду, ась?», но тут же сдулся, видать, в одном «из» уж точно не шибко-то уверенный. – Мой, как вы, Жанночка, изволили выразиться, монстр давным-давно вот здесь, на своём законном месте! – с довольным видом похлопал по козырному чемоданчику. – Думаешь, не заметил я ваши с немчурой перемигивания коварные? Ага, щаз-з-з! Не на таковского напали! Лохов в зеркале ищите! Лишь только последний сектор скорректировался, моментально всё было подчистую деинсталлировано! Съели?! – продолжал Варламыш бахвалиться своей небывалой осмотрительностью. – Что потом? ...Потом сидел просто-напросто, наблюдал за процессом. И вот оно случилось. Само по себе. Автоматично, так сказать. Прямо, собственно, на моих глазах и случи-

лось.

– Да?

– Точно так.

– А что же тогда... Какого рожна? – Назарова, казалось, пребывала в состоянии полнейшей растерянности. – Объясните уже кто-нибудь! Что случилось-то?!

– После, после! Слишком много времени потеряно. Запускайте «пыжилку», готовьте «Гену», микрокамеру, «Александр... Сергеича»⁷⁵, прочую лабуду лабораторную протокольную. Абсолютно все условности должны быть соблюдены, действуем строго по регламенту! «Рубинштейн»⁷⁶ включён? – фон Штауфен быстренько перехватил инициативу, а то так с соавторством, знаете ли, и пролететь недолго. – Плутониаду после высчитаем. Стоять, Назарова, бояться, никого руками не трогать! Ширяева не будить пока. Обстановочку разведаем, оценим, там видно будет.

Яичко, к всеобщему ликованию, оказалось на поверку не очень-то и тухлым. «Пыжилка» гнусно взвыла, и в воздухе, как обычно, слегка пахнуло горячей серой. Дьявольская всё-таки, что ни говори, штуковина, каждый раз мороз по коже!

– На входе коннектора сколько напруги бум заливать, гражданин начальник? – у Жанны аж ладошки вспотели от возбуждения. – Рубина полтора? Два? «Гена»-то ваш припухший, поди, тысячу раз переделанный, уже небось под

⁷⁵ Сленг: Анализатор агрессивности среды (модель: АС320).

⁷⁶ Сленг: Психоконнектор Рубина.

центнер тянет?

– Полтора, два?! Не вздумай, холи ш-ш-шит! – бош аж с лица сбледнул. – Совсем ошалела?! Минимум миниморум! Одну десятую, ну, максимум – ноль пятнадцать выставляй, не боле! «Гена» как раз вполне стандартный, чуть-чуть, быть может, тяжелее обычного. Килограмм, наверное, двадцать пять, думаю, тридцать. – Роланд по ходу дела ещё раз на всякий случай перепроверил оборудование. – Ну... Плюс-минус. А вот товарища «Рубинштейна» мы малость того, модифицировали, эт точно! – причём большей частью над увеличением выходной мощности колдовали... Маракон Витка подсоблял. Знакома с ним? Гений электрический, Тесла свежеиспечённый! И хорошо, что не знакома... Слишком, понимаешь, активный!

– В каком смысле?

– До баб чужих зело охоч, в таком вот смысле! Спортсмен-бабник-разрядник, фикин его! Теперь смотрите, малыши и малышки, ежели аж цельных две единицы на вход нашего суперконнектора залить, как вы, миледи, – фон Штауфен с лёгкой укоризной покачал головой, – давеча предложить изволили, то на выходе кавалерист-супертяж в полном обвесе, вкупе с конягой своей бронированной, склизкой говнопулей сквозь рамку пролетит, будьте покойны! А то, глядишь, ещё и страшилище какое средневековое лох-несское за собой потянет. Чудище, понимаешь, из Ваккареса! Соображаете? Доннерветтер! Словно мухи в пылесос! Все,

небось, баловались когда-нибудь? То-то же! В панцирь пукнуть не успеют!

– Извините! Зачем же в панцирь-то?

– С целью, так сказать, дезодорации и... хм... консервации! Хе-хе! Уяснили? Потому аккуратнее обходиться нужно с мощной аппаратурой-то, радость моя, нежнее. Тщательнее, я бы сказал! Это вам не фен, понимаешь, индустриальный, моментом выдует всё и вся на хрен! Скальп сорвёт с крыши! Тебе к стилигам именно сегодня приспичило попасть, да? И именно в таком виде? Заметь, так, между прочим, – без трусов, да ещё и в тапочках дуралейских с помпонами! Хе-хе-хе! По главной улице с оркестром! ...Да? ...Нет? ... То-то же! Эхе-хе-хе-хе! Опять-таки гадостей потом оттуда каких-нибудь сто пудов насосём! Оно кому надо?

– Слушайте, господа, может, я поеду, а? Ладно? – вмешался в разговор оставшийся слегка за кадром Максимилиан Варламович, нетерпеливо перетаптываясь с ноги на ногу. – Делать мне здесь особо нечего, неинтересно... Свечку разве что подержать? Гы-ы-ы-ы! Дык, надеюсь, сами теперь... как-нибудь сподобитесь.

– Да иди, иди уже, изнылся весь! Всё равно ведь никуда от нас не денешься... С какой ещё конягой?! – взбудораженная Назарова вновь перекинулась на фон Штауфена. – В Арканар⁷⁷, что ли, повоевать надумали зарулить между делом?

⁷⁷ Средневековое государство в романе А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом».

Аники-воины, бл*дь! Так слойка... это... вроде конкретно для «Понедельника» варилась, не в Миры Стругацких вообще... Чего ты всем тут голову морочишь?! Тапочки мои прикольные с помпонами покоя ему, видишь ли, не дают, мазафака! В зеркало лучше бы почаще смотрелся, бандерлог!..

– Совет да любовь! – съехидничал напоследок Хрюкотанчик, пятясь к выходу. – Счастья вам, голубки! Пока важный олень Ширяев, значит, не проснулся! Буга-га-га! Там уж не обессудьте! Гы-ы-ы-ы! – но его, по ходу дела, никто уже не слышал.

Обидно, слушай, да?! Столько полезного для людей сделал, а они... По-хорошему даже и не попрощались! Гм... Время, что ли, ещё не пришло?

– Ничего я не морочу! Дрек мит пфеффер! При чём здесь какой-то там Арканар?! Не собирались мы в это захоlustье! Это же у чёрта на куличках! И матрица примитивная, почти чёрно-белая. Сама же знаешь, наш поток в следующем семестре при Грюнвальде стажирuется. В частности, мы втрoём: Юрик, я и Пионер, то есть Борёк, приглашены выступать за сборную команду Польши, точнее за хоругвь земли Сандомирской. Или Куявской?... В общем, как фишка ляжет! Точнее, кто больше забашляет.

– Не поняла! День сегодняшний и далёкая гипотетическая стажировка... Хм! Какая взаимосвязь? Может, уже наконец-то объяснишь мне, бестолковке?! ...О, гляньте-ка! – отвлеклась на секундочку. – Действие второе, картина тре-

тья: те же и Хрюкотан с чемоданчиком! Возвращение блудного свинёнка!

– Пожалуй, рановато домой ещё. С вами здесь пока побуду. Не возражаете? – Максик вернулся крайне удручённый. – Там эти... крокодилы... Никого не впускают и не выпускают, гады! Приказ у них, ёта мать! Накаркала-таки, змеища?!

– Сам же сказал – жёлтая подводная лодка! Куда с неё денешься-то? Сиди уж. Только тихо мне!

– Да понял я, понял...

– М-м-м-м... – Рол в задумчивости своей на возвращение Варламыча, похоже, и внимания-то особого не обратил. – Ты вправду ничего не знаешь? Юрасик не выболтал в постели под пытками? Нет?

– О чём? Не томи!

– Ну-у-у... Скажем, о наших забавных похождениях при Равенне.

– Ничегошеньки не знаю я! Рассказывай уже давай, моська твоя поросычья! – не выдержала Д'Жаннэт нудных немецких тормозов. – Хорош кот за яйца-то тянуть, мазафака!

– Думаешь, хорош? Ладно, как скажете... Гм... – вновь умолк. – Включила бы коннектор, что ли, пусть пока заливаётся.

– Проснулся, соня! Всё давно фурыкает уже, блин горелый!

– На входе пять сотых установи... Нет, лучше – три.

– Чего так слабо? «Гена» ни в жисть «Рубикон»⁷⁸ не переползёт!

– Отставить спорить! Камерой сначала пошаримся, «Сергеичем» проанализируем. Мало ли чего. Тут дело такое, тонкое... Люди, понимаешь, с потолка падают, холи ш-ш-шит! «Гена», кстати, может, и переползёт. В конце концов дольёшь при необходимости. В чём проблема-то?

– Слушаю и повинуюсь, мон генераль! Никак нет проблем!

– Тэ-э-э-к-с... Шахер-махер, сами понимаете, парикмахер... Это мы включили... Это тоже... Вроде ничего не забыли. Грхм! Вундербар⁷⁹! Возвращаясь к нашим баранам, должен заметить, ничего страшного, на самом-то деле, тогда и не произошло. «Страшное» – вообще, знаете ли, категория довольно условная. Слоны, скажем, боятся, как ни странно, пчёл, медоеды – нет. Хотя относительно огромных слонов мелкотравчатые косолапые милашки-медоеды – сущие козявки! Я, к слову, самолётками не летаю, по крайней мере, стараюсь всячески сего избежать. Вы, мадемуазель, – летаете, и, насколько мне известно, даже по кайфу вам. Нда-а-а-а...

– А кто тогда из нас двоих, простите, козявка?

– Будет вам глупостями дурацкими перебивать, девушка!
Неровён час...

⁷⁸ В психостатике – граница между смежными реальностями.

⁷⁹ От wunderbar (нем.) – чудесно!

– Ой, молчу, молчу! Дяденька, прости засранку!

– Смотри мне, коз-з-за! ...О чём это я? ...Так вот, ежели кто не в курсе, мы втроём тогда унтерами под Якобом из Эмса ⁸⁰ ходили, точнее – капралами под лейтёхой его голу-боглазым – Фабианом фон Шлабендорфом ⁸¹. ...Как там дела-то? Приборчик мощность набирает?

– Экий вы торопыжка, господин фон Штауфен! Хм! В первый раз, что ли? Да набирает, набирает, не беспокойтесь! Не отвлекайтесь, пожалуйста, менее пяти процентов ещё.

– Любой процесс неусыпного контроля требует, дорогуша! Фюр орднунг ⁸², так сказать. А Фабианчик, надо отметить, прикольный оказался малый. Фабиашка-обаяшка! Злющий, резкий, что тот питбуль, доннерветтер! Вояка до мозга костей! Боец! В остальном же зря небо человечешко коптил, совестью, благородством, прочими добродетелями не обременён абсолютно. Ежели по-честному, без всяких там нынешних вальтер-скоттовских романтических эквивоков, – редкостный урод! Убивал и грабил, грабил себе и убивал. Насиловал, при любой оказии и без оной. Груды женщинам отрезал, подонок! Детишек на кол... Ничего не поделать, есть такая работа – наёмник, холи ш-ш-шит! Что, кстати, в те жестокие времена скорее за правило слыло, нежели

⁸⁰ Кондотьер (командир) ландскнехтов. Погиб в битве при Равенне (11.04.1512 г).

⁸¹ Лейтенант ландскнехтов. Погиб в битве при Равенне (11.04.1512 г).

⁸² От für Ordnung (нем.) – для порядка.

за исключение. Поднасрать, знаете ли, настучать на соседа за долю барахлишка малую тоже всячески приветствовалось. Измена Родине или там колдовство – самые распространённые статьи. А сколько в этой связи разнообразнейших истязаний и умерщвлений применялось, м-м-м-м! – закачаешься! Что ты на меня так смотришь? Иначе попросту не выжить было! Можно подумать, у твоего Кобо Абэ сильно замороженная человеколюбием публика собралась. В двадцатом-то веке! Это вам не Средневековье срачное, доннерветтер! Новейшая история, а говнюки те же! Э-хе-хе! ...Вот видишь! ...Чайку, кстати, не желаете?

– Кофейку б с удовольствием! Колбасит меня чего-то.

– Будь по-твоему, хозяйюшка! Максик, ты как? ...Учти, жрать не дадим, и не заикайся! ...Ничего, переживёшь, индус голодающий! Завтра нам спасибо скажешь! Теперь, выходит, уже сегодня.

Быстренько был накрыт к чаю стол; Роланд и Максик пили чай, Жанна Сергеевна кофеёк потягивала. Кроме того, Роланд и Жанна, как водится, плюшками баловались, Максик, в который уже раз, показали категорический кукиш и притом совсем без масла. Где-то за спиной ворочался соня Ширяев – симпатичный такой, здоровенный мускулистый детина вроде помеси терминатора с универсальным солдатом. Разговаривать через его голову никто не рисковал, облокачиваться – тем более, и вообще старались в ту сторону по возможности не дышать. «Рубинштейн» потихоньку на-

ливался.

«Хорошо устроился, малыш! – с оттенком лёгкой зависти думала Назарова, оглядывая временами соню Ширяева. – Кое-кому сейчас, наверное, очень хорошо, а кое-кому – увы! Везёт же некоторым... Однако с тортиком товарищ пролетел! Со своим же, кстати. Ха-ха! Пустячок-с, но чертовски приятный!»

Вскоре всё было сожрано, и на столе, к полнейшему унынию оголодавшего вкрай гражданина Гонченко, ничегошеньки, кроме чайников и чайной посуды, не осталось. Даже сахарницу спрятали от греха подальше. Довольно отдуваясь, подобрав румяной сдобной корочкой с блюда остатки восхитительного заварного крема, бош продолжил своё увлекательное повествование:

– И делишки наши шли в общем-то хорошо, весело, по плану, пока, значит, известный борец за мировую справедливость и права угнетённых народов бассейна Подкаменной Тунгуски... Понятно, о ком речь, да? ...Видишь, какая ты у нас умница! ...Короче, угораздило Юрку схлестнуться с неким Зигфридом, персоной, особо приближённой к фон Шлабендорфу. Чего-то тот по результатам трудной, но успешной осады и, надо понимать, жесточайшего разграбления Брешии ⁸³ несправедливо поделил. Шайссе! Попросту говоря – скрысил, гнида! Случилась же сия стычка близ сим-

⁸³ Брешия – город на севере Италии, в Ломбардии, административный центр провинции Брешия.

патичного, увитого свежим весенним виноградом, плющом, поросшего колокольчиками пригорода Равенны, где мы стояли лагерем как раз таки накануне очередной славной баталии. Глянь-ка, сколько там накапало?

– Двадцать процентов. Чуть больше.

– Хорошо идёт, глядишь, к завтраку и поспеем! Ты бы лучше поспал, сынок, – по-отечески обратился Рол к несчастному, истекающему слюной Варламышу, – и пусть сон заменит тебе еду! Хе-хе! Кажись, откуда-то из Дюмы нетленка?.. Ложись, ложись, подушечка вот тебе... Гм! И хоть Юрец к тому времени уже ничуть не сомневался в нечистоплотности воруги Зигфрида, да больно хитёр, изворотлив был козлице, ну никак на крысятничестве подловить его не удавалось! Тут же, на месте, в фарш изрубили бы, и никто, даже сам Герцог Немурский, за него б заступаться не стал! Жизнь ландскнехта, знаешь ли, столь коротка и безрадостна, обворовывать его – что дитя малое забижать! Во-о-о-от... А тут такая удача, понимаешь! Есть, без сомнений, в белом свете высшая справедливость, есть, курва матка боска! Далее воспроизвожу преимущественно с Юркиных слов. ... Водички дайте, плиз! ... Спасибо, радость моя, уважила старика! ... Однажды ночью приспичило, понимаешь, Маршалу Иванычу до ветру наведаться. В обычные дни, попутно отмечу, во тьме не бродил он, спал крепко, но накануне больших сражений со многими случалось. И мы втроём, честно признаюсь, не исключение.

Раздался тоненький... м-м-м-м... не храп – храпашок, храпунчик! То Максимилиан Варламыч хрючили, благоразумно внявши совету мудрого саксонца. Хе! Не столь и не всех, по-видимому, увлекли бошевские выдумки-то, уж больно быстро парня сморило! Отряд не заметил потери бойца – переглянулись, укрыли пледом, громкость прикрутили почти до шёпота и знай себе дальше гуторить:

– На угол своей палатки мочиться не стал, и без того уж всё хлевом провоняло, пошёл к соседской. Смердело, в самом деле, ужасающе! – фон Штауфена аж передёрнуло от воспоминаний. – Унбешрайблищ ⁸⁴!!! Вы себе не представляете, дорогуша! В обитаемом свинарнике была когда-нибудь? Хе-хе! Да не в Кремле вашем, в настоящем свинарнике! А пожить пару-тройку месяцев слабо? Не, не доводилось? Ай-яй-яй! Повезло! Тогда тебе наших тамошних ощущений ну никак не понять ни в каком приближении! Холи ш-ш-шит!

– Может, я всё ж попробую? Пуф-ф-ф! Понять и, возможно, даже где-то простить... А вы уж объяснить доходчиво постарайтесь, Ролушка! Ладно?

– О-о-о-о! Никак у нашей блондинки настроение философическое пробудилось?

– Рыжая я! Вкрай ослепли, уважаемый?! Мягкой посадки вашему зрению, Роланд Йозефович!

⁸⁴ От unbeschreiblich (нем.) – неопишимо.

– Юмористка, говоришь? Х-х-хе! Не-е-ет, милочка, нас голой рукой не возьмёшь! Хенде хох, понимаешь, аусвайс! Натуральный окрас шерсти – светло-русый у вас, я в сети фотки школьные надыбал. Рыжий цвет – это так, искусственный интеллект, будем говорить, замануха для лохов! Хе-хе!

– Уподобляться некоторым трофическим язвам не стану, а уж плоско острить по поводу масти вашей рыже-саврасовой – тем более! Однако, сдаётся мне, долговато вы в сви-нарнике-то действующем подзадержались, никак теперь зубья не вычистите. Смердит, знаете ли, изо рта чёрт-те чем!

– Вот так, да?! Обидеть норовишь? Ладно, один – один! Продолжим? Ща мы вам ложечку качественного говнеца-то отмерим для острастки! Хорошенько зажмурься на секунду, ненаглядная моя, и представь себе следующую диспозицию: несколько десятков тысяч человек плотненько так скучковались на весьма, весьма ограниченной территории. Помнишь прошлогодний осенний турслёт совместно с Берлинским университетом имени товарища Хумбольдта? Очень на то похоже, только участников не какие-то там пятьсот – шестьсот, а где-то тысяч тридцать рыл без обоза. Впечатляет?

– Эка невидаль! На Вудстоке ⁸⁵, вона, около полумиллиона человек три дня на одной поляне тусовались, и ничего

⁸⁵ «Вудсток» – знаменитейший рок-фестиваль, проводившийся с 15 по 18 августа 1969 года в штате Нью-Йорк, США. Его посетили более 500 тысяч человек. Среди выступавших были: The Who, Jefferson Airplane, Дженис Джоплин, Creedence Clearwater Revival, Джоан Баэз, Джими Хендрикс, Grateful Dead, Рави Шанкар, Карлос Сантана и многие другие.

страшного! Я там была, к слову.

– Позвольте мысль закончить? Можно, да? ...Спасибо! Erst denken, dann lenken ⁸⁶, доннерветтер! Дело в том, юная леди, что все – хотелось бы подчеркнуть особо: все! – эти десятки тысяч людей вместе с их конями, семьями, слугами, собаками, ввиду полнейшей антисанитарии, усугубляемой к тому ж необычайно тёплой погодой, установившейся в апреле того самого незабвенного одна тысяча пятьсот двенадцатого года, отсутствия передвижных холодильных установок, каких-либо лекарств и достаточного запаса животворной мочи Микки-Мауса со льдом, перманентно страдали сильнейшей диареей! И не было там, поверьте, никаких передвижных туалетов, коих на любом уличном фестивале в достатке, включая, между прочим, и Вудсток. Ежели б и были, так с диареей всё одно не добежать! Не достучаться! Согласны? И ганджубас, кстати, в угрюмом Средневековье – огромный дефицит, чтоб вы знали! Поэтому бурляще-зудящие кишечника опорожнялись, как правило, не отходя от кассы, так сказать, а жили, понимаете ли, кучно, тесновато... Во-о-о-от... Это первый, значит, интересный моментик.

– Фи, какая гадость! – манерно зажав нос изящными пальчиками, прогнусавила Жанна. – Тридцать два процента.

– Молодец, хвалю, помнишь! Что-то расслабился я. Нехорошо! ...Второе – это, конечно же, характерная для большинства средневековых европейцев, особенно, чему, я уве-

⁸⁶ От Erst denken, dann lenken (нем.) – Думай, прежде чем говорить.

рен, вы дико удивитесь, милочка, – нынешних законодателей всяческих мод от духов до трусов – чопорных французов, привычка вообще никогда не мыться, не подмываться, зубы не чистить, трусов не носить, вшей не давить и прочие, прочие зловонные «не»! Съела?! Шреклицен унхюгиенищен бедингунгн ⁸⁷!

– Да ладно, фон Штауфен, ты гонишь! – у Жанны Сергеевны глаза сделались величиной с ругонские даны. – Вообще? Никогда?! Как в полнейшей антисанитарии выжить-то можно?! А-ку-еть!!!

– Представь себе, можно! Всё именно так! Юрка проснётся, у него поинтересуйся, ежели мне не доверяешь. Айнем трауен ист генуг, кайнем трауен ист ништ клуг ⁸⁸. Мы ведь тоже так жили... И, коротенько, в-третьих, потому как сейчас процесс заливки гораздо дружнее пойдёт: нужно понимать, ласточка моя, что в доспехе, пускай и половинном, а уж в трёхчетвертном и тем более полном – максимилиановском, готическом или, скажем, миланском, справлять хоть какую-то нужду, можешь мне поверить, мягко говоря, неудобно! Хм! Варезки металлические зело мешают! Как мы давеча упоминали, при постоянной вялотекущей диарее-то! Тем более в ходе весьма, иной раз, затяжных баталий.

⁸⁷ От schrecklichen unhygienischen Bedingungen! (нем.) – ужасная антисанитария!

⁸⁸ От Einem trauen ist genug, keinem trauen ist nicht klug (нем.) – Одному доверять – хорошо, никому не доверять – глупо.

Не скажешь ведь противнику: «Минуточку, я покакаю!» Хе-хе! Мигом какалку-то отчекрыжат! И потом на поле брани ситуёвины, сама понимаешь, разные возникают, но, заметь, всегда пренеприятнейшие! Всякий раз не сулящие ровным счётом ничего хорошего: либо кто-нибудь тебя грохнуть норовит, на худой конец, крепко покалечить с единственной целью – незамедлительно кровожадно добить, либо ты занят тем же самым. Третьего не дано! Вот и при Равенне – чего далече за примером-то ходить? – неприятности преследовали нас по пятам.

– Тридцать пять всего. Замедлилось чего-то. Тебе не кажется?

– Нет, не кажется... Терпение, милая Жанин, терпение, и ваша щетинка всенепременно превратится в золото!

– Какая ещё щетинка?! Где у меня щетинка?! Ты на что это намекаешь, морда тевтонская?!

– О майн гот! – в отчаянии заломил Роланд руки. – Какие же вы все, молодёжь, сплошь тёмные, необразованные! Глупые! Диву даюсь! Тупой и ещё тупее! Горячая жевательная резинка! Ну, ладно там Юрка, этого я ещё могу как-то понять: трудное детство, понимаешь, сиреневый туман, рябчики недоеденные с ананасами, но вы-то, вы-то, радость моя, неужели не видели замечательный фильм «Подвиг разведчика» с не менее замечательным Павлом Кадочниковым в главной роли, а?!

– Честно говоря, не припомню. М-м-м-м... – Жанне Сер-

геевне явно конфузливо за свою непролазную дремучесть. – Наверное, всё-таки смотрела. А в чём, собственно, дело-то?

– Ежели б смотрели, девушка, дурацких взбуханий по поводу щетинки у вас нипочём не возникло бы! Ладно, проехали, вернёмся к нашим итальяским при– или, если хотите, злоключениям. А начались они, пожалуй, с того, что по пути к месту грядущего междусобойчика мы обстоятельно вляпались в гнуснейшее, доложусь я вам, свинское болотце и минимум полчаса, как принято у правдивых немецких героев-баронов, барахтались, за волосья себя оттель вытаскивали. Учитывая же полную выкладку, можешь себе представить, скольких жизненно важных сил нам это обошлось, дрек мит пфэффер! По паре пудов уж точно на каждом висело! Это, кстати, без учёта индивидуальных прибамбасов. Оно-то, конечно, айгене ласт ист ницт швер⁸⁹, но... Я, скажем, кроме стандартного обвеса, палицу тяжеленную повсюду с собой таскал. И ещё... это... бутерброд в шлеме. Хе-хе!

– Бутерброд в шлеме? Зачем он там? Ха! Удары смягчать? Ватой лучше бы набил...

– Чтобы пожрать в антракте, чучелко! Усекаешь? Доннерветтер! Обязательно перебивать? Брайте штирн, венихь хирн⁹⁰! В голове кое у кого вата! Пальцами не будем показывать! – показал-таки, не сдержался. – Затем взъерепенились гасконские арбалетчики. Шайссе! Причины сего неудоволь-

⁸⁹ От Eigene Last ist nicht schwer (нем.) – Своя ноша не тянет.

⁹⁰ От Breite Stirn, wenig Hirn (нем.) – Лоб широк, да мозгу мало.

ствия доподлинно не известны, краем уха лишь слышал – из-за бабок, но мы их сдуру чуть-чуть не опередили. Вовремя командиры спохватились. Диспозиция, к счастью, войскам в письменном виде командором де Фуа разослана была. Попробуй-ка послушаться! Хотя в суматохе, конечно же, на марше всякое случалось. Нда-а-а-а... Спасибо отцам-командирам, уберегли! Иначе... Ох уж эти мне, казалось бы, незначительные штучки-дрючки, фигнюшки-помигушки, всяческие малипусенькие, но очень почему-то фатальные «чуть-чуть»! Должно отметить, ровно в воду глядели. Возможные ужасные последствия даже обсуждать не хочу! Бр-р-р-р! Альбтраум ⁹¹, блиать!

– Ну-у-у-у! Почему?! Что случилось-то? – плаксиво по-детски заныла Назарова. – Давай, рассказывай!

– «Нукать» только вот не нужно, не запрягла! – бош, похоже, слегка возбудился, видать, вправду было что вспомнить. – И хватит стенать уже по любому поводу! Постоянно пытаешься впереди паровоза бежать. Семейное у вас, что ли? Ман унд вайб зинд айн лайб ⁹²! Юрка, тот тоже любитель... Переедет ведь в конце концов! – долго сосредоточенно мял переносицу, ещё что-то, кажется, ухо, напоследок в носу поковырялся. – Одного в толк не возьму, какими такими соображениями высших порядков руководствовался неглупый в целом Рамон де Кардона, отклонив весь-

⁹¹ От der Albtraum (нем.) – кошмар.

⁹² От Mann und Weib sind ein Leib (нем.) – Муж и жена – одна сатана.

ма дельную по всем статьям инициативу Фабрицио Колонны⁹³ – разбомбить на хрен французские войска вместе со сраным мостом, который последние, собственно, и смастырили для форсирования местной речушки, ась?! В крайнем случае атаковать, не дав нам как следует опомниться с переправы, дух перевести, построиться в боевой порядок, что думаешь?

Не получив, вполне ожидаемо, вразумительного, да и вообще какого-либо ответа на сей риторический, смело уже можно утверждать – суперриторический вопрос, фон Штауфен продолжал:

– В общем, подошли мы к испанцам, по моему разумению, слишком близко, шагов эдак на двести, и, вместо того, чтоб, значит, стремительно атаковать на марше, встали строем во чистом поле, согласно тогдашним дурацким правилам ведения войны. Типа: «Выходи, гады, биться будем!» Нам бы, при столь тухлом раскладе, полсотни шажков назад отползть, дабы оказаться вне досягаемости вражеских батарей. Те самые роковые «чуть-чуть»! Да разве ж можно ж?! Ни шагу назад, ни шагу на месте, а только вперёд со всеми вместе! Вот и стояли мы, словно истуканы с острова Пасхи, только никто биться с нами почему-то так и не вышел. Вме-

⁹³ Фабрицио I Колонна (1460 – 15.03.1520 гг.) – 1-й герцог Палиано из династии Колонна ди Палиано, кондотьер, Великий Коннетабль Неаполитанского королевства. Будучи генералом, принимал участие в Войне Камбрейской лиги на стороне Папы Римского против Людовика XII. В битве при Равенне (1512 год) был разбит и пленён Гастоном де Фуа.

сто того ушлый их кондотьер-р-ро – Педро Навар-р-ро ⁹⁴, фикиен его в арш! – не будь идиотом, ка-а-ак жажнул прямой наводкой со всех орудий чохом! О-о-о-о! Жесть!!! Это надо было видеть! Хотя... Лучше, конечно, не надо... Не всем... Старше восемнадцати, желательно двадцати... К слову сказать, гишпанская тяжёлая кавалерия под прицелом наших канониров точно так же идиотски себя повела. Самая тяжесть, как выяснилось, внутри шоломов у них сосредоточилась. Черепа что надо – орехи! Лбы – чистый чугуний! Ядра – чистый изумруд! Конченные кретины, доннерветтер! Этим-то господам уж точно ничто, кроме непомерной, на грани слабоумия, доблести, не мешало быстренько свалить на безопасное расстояние. Тем более – верхом! Это тебе, понимаешь, не пехоте злосчастной в болоте строй ломать под страхом смертной казни! За что, собственно, немедля и поплатились. Сам Колонна – командир шпанских рыцарей – позже, выпучив глазёнки, распинался где-то в социальных сетях, что якобы воочию зрил, будто обычный пушечный снаряд на его глазах зараз сразил наповал более тридцати всадников! Шайссе! Интересно, он этого светлого момента всю жизнь ждал, дабы рекорд Гиннеса зафиксировать?! Урод, фикиен его! В результате-то именно они – ди гепанцерте фа-

⁹⁴ Педро Наварро, граф де Оливето (1460 – 28.08.1528 гг.) – испанский кондотьер, флотоводец и инженер эпохи Итальянских войн. Командовал частями армии Священной лиги при Равенне, где, в частности, потерпел сокрушительное поражение и был пленён. Участвовал в ряде успешных кампаний, в том числе и на стороне Франции. Был задушен собственной подушкой.

уст ⁹⁵, с головы до пят закованные в железо, хвалёные кастильские гранды – и не выдержали, сорвавшись в смертоубийственную атаку! Должны же были по замыслу главного тренера железобетонно от обороны на контратаках играть! Ан нет! – не вышло. Ты только лишнего не подумай, не одни кастильцы там воевали, это я собирательно. Наша же разодранная полуголодная пехота, поди ж ты – выстояла. Выстояла, дрек мит пфеффер! И в конце концов победила! Вот ведь как...

Роланд затих, погружён, верно, в думы о близорукости Кардоны, нерешительности Колонны, бесславной убогой кончине разрушителя замков, новатора войны, прожжённого наёмника – Наварро, о граничащей с безрассудством удали молодецкой, сгубившей во цвете лет талантливой де Фуа, о бессмысленно загубленных десятках тысяч солдатских жизней, брошенных на алтарь кровавых междоусобиц в угоду алчности, имперским амбициям властолюбивых правителей. Размышлял он и о превратностях судьбы, волею коих оказался с друзьями случайным свидетелем, точнее – активным участником первой, наверное, в истории человеческих войн полноценной артиллерийской дуэли, причём в весьма незавидном качестве – пушечного мяса, шашлыка, в буквальном смысле слова. Мысли его были тяжелы, неспешны, и Жанин не решалась вмешиваться. Молча выкурили по сигарете, тяпнули по рюмочке – помянули всех полёгших на

⁹⁵ От die gepanzerte Faust (нем.) – бронированный кулак.

поле брани и просто убиенных. Прокашлялся, наконец-то, вновь заговорил:

– Грхм! Мама дорогая, как же было страшно! А-ку-еть!

– Прошу пARDону, мастер! Сорок процентов накапало.

– А? ...Что? Да, да, спасибо... Я когда-нибудь обязательно книгу напишу, непередаваемые ощущения! Добро пожаловать, любители экстрима! На хрена, спрашивается, вам нужны эти горы, скалы, парашюты, понимаешь, байки, вэйки, шмейки?! Чем попусту ноги-руки-шеи себе ломать, друженько в «психход» и сюда! День жестянщика! Вэлкам! Тьфу, нечистая! Вилькоммен, конечно же! ...Не понимаешь? ...Лыжи горные любишь? Спору нет, занятие хорошее, полезное, но ты лучше-ка послушай! Тэ-э-э-к-с, значит...

– Ого! Сразу до сорока пяти скакнуло!

– Не дрейфь, на поболтать время всегда останется! Короче, началось всё это безобразие... В общем, пока мы выходили на позицию, строились, супостаты из пушек постреливали нечасто. Там-сям ядрышко упадёт, ну, пулька прижужжит, убьёт кого-нибудь, железку нательную покорёжит. Больно бывало, конечно, но терпимо. С нашей стороны тоже им прилетало периодически. Обычное дело! Война, знаете ли, не прогулка вам увеселительная под сенью девушек в цвету, понимаешь, всяко бывает. Видать, ждали на той стороне наших худо-бедно вразумительных телодвижений, может, пристреливались или попросту недобивали, чёрт их зна-

ет! Однако стоило лишь нам остановиться, сомкнуть ряды, перекурить не успели, такое началось!!! Ка-а-а-ак грохотнуло! Холи ш-ш-шит!!!

Бош механически закурил. Опять, видимо, навеяло! Пару раз затянувшись, спохватился, с отвращением загасил сигарету. Аж со злости вдавил в блюдечко! Правильно, сколько ж можно-то?! В комнате и без того кумарище непроглядный! – платиноиридиевый топор весом в килограмм свободно воспарил бы ровнёхонько в метре от пола. Извиняйте за плагиат, товарищи учёные, точнее, однако, не придумаешь. И вообще, бросайте уже свои хромосомы нах! Это вам он, Костя Цю, сказал.

– Тут же пространство, насколько глаз хватало, заволокло едким пороховым дымом. Почти как сейчас здесь, только гуще. Мно-о-ого гуще! Эдакая устрашающая прелюдия! Должен тебе сказать, в дурацких жестяных вёдрах на голове оглушает конкретно! И это всё цветочки зацвели, сама понимаешь. Дым, как известно, сам по себе особого вреда не наносит, но, к превеликому сожалению, без огня не бывает... А затем раздался звук... Шум... Сперва слабый. Я такого раньше и не слышал-то никогда. Стреляли, конечно же, рядом, бывало, и ядра падали. Но так, чтобы в самой гуще артподготовки оказаться... Бр-р-р-р! Нет уж, увольте! И начало до меня доходить, что засим последует. Нда-а-а-а, обстановочка... Абкакен, бл*дь!

И снова пауза. Трудно бошу, по-видимому, давались фра-

зы удобоваримые. Эмоции недобрые перехлёстывали, мазафака!

– Знаешь, как в древнем анекдоте: «Тук-тук-тук. – Кто там? – Пизд*ц! – Тебе чего? – А я пришёл!» Очень, очень скоро шум усилился до рёва, став столь мощным, страшным, всепоглощающим, что хотелось сквозь землю провалиться! И вдруг распался, словно плётка-семихвостка, веером бурящих воздух звуков, таких: ф-р-р-р-р-ж-ж-ж-ж! – и в конце каждого – смерть! Ягодки прилетели. Людей в клочья рвало! Лопались! Летит ядро, знаешь, и чпок, чпок, чпок, чпок, будто шарики воздушные! На излёте смертоносный снаряд в ком-нибудь да застревал, зарываясь с несчастным глубоко в землю, или же смертельно переломанного отбрасывал в кучу обезображенных трупов. Кругом грохот, огонь, грязь, куски разлетающейся окровавленной плоти, искорёженного железа, истошные вопли раненых, умирающих, а мы стоим во чистом поле, держим строй, оглохшие, ослепшие, все в говне, и никуда не спрятаться, не скрыться, да ещё пиками несчастных гасконцев подпираем, чтоб те на х*й не разбежались кто куда! Фикен нас всех в арш!!!

Ну вот! Опять перехлестнуло. Может, валерьянки дядечке накапать? Думаете, пора уже? ...Да вроде ничего, пока держится.

– Допустим, я где-то в чём-то и приукрасил малька, поверь, не для красного словца. Иеройствовать ни к чему мне. Так запомнилось. Заботливый Педро Наварро, кстати, как

позже выяснилось, таки приказал своей пехоте залечь и в укрытиях пережидать артиллерийский бой. Наш же ушлёпок малолетний – ни хрена! Стоять, бл*дь! – и никаких гвоздей! Лозунг у их благородий, понимаешь, такой! Солнце ясное, фикиен его! В какой-то момент даже начало казаться, ежели хорошенько выдохнуть, легче помирать. Там, глядишь, где-то враг промазал, где-то сам увернуться исхитрился. Хе! Вздор, конечно же, но бывают моменты – за любую соломинку цепляешься! На вдохе, сама прекрасно знаешь, удар в принципе тяжело держать. На выдохе – легче. Тогда я, выпучив страшно глаза, заорал дурниной: «А-а-а-а-а!» И все вокруг орали что есть мочи: «О-о-о-о-о-о! У-у-у-у-у-у! Е-е-е-е-е! И-и-и-и-и-и!» И Юрка орал. И Борёк... тоже... знай себе повизгивал.

– Любишь ты Бориса Вольдемаровича! ...Ого! Около шестидесяти уже. Бодренько!

– Люблю, Сергеевна, ой, люблю! Второй он у меня по влюблённости! После вшей лобковых.

– А я, что же, выходит, третья?! Это... где-то там... Замыкаю тройку призёров, уступив пару сотых секунды злобным мандавошкам и полторы – Пионеру-Борьке, значит, да?

– Вы вне конкуренции, милая Жанин! Им всем, включая свирепых шпанских пехотинцев, по злобности иной раз до вас словно до небес! Выше только звёзды! Круче сами знаете что. Хе! Куриные фрукты! Хе-хе! Скушали-с? – Роланд ухмылялся, бродяга, во весь рот, довольный, будто сала копчёного шматок в одну харю сгрыз. – Короче, так мы стояли и орали, древками пик гремели о щиты, мечами, палицами, алебардами. Кто во что горазд! Какофония несусветная! Пытались подпрыгивать, топтаться, дабы не застаиваться, хоть как-то двигаться. А как ещё быть прикажете в сомкнутом-то строю? И здесь не свезло, в болотине особо не попрыгаешь! Да-а-а-а... Нас-то ещё не сильно зацепило, мы чуть позади стояли, а вот несчастных гасконцев покрошило просто в хлам, в... месиво... кровавое! За два часа на ровном месте потеряли более двух тысяч пехотинцев! Обосрались все, честно тебе скажу!! В буквальном смысле слова, бл*дь!!!

– Что, прямо вот так? Под себя?

– Да, представьте-с, мадемуазель, прямо под себя! Под кого же ещё, под вас, что ли?! Дрек мит пфеффер! А некоторые, кто от завтрака-то не удержамшись, и не единойды!

– Ужас какой-то! Вони было-о-о-о!

– Ну... да... и я о том же. Альбтраум, типа того. А отстирывать-то после чем? Как? Стёганку, войлок. Водичкой? Мыла в походе не было, я же говорил, не мылись они. Так и

воняли потом всю оставшуюся жизнь. Шайссе!

– Пстой-ка, дружок... – Назарова наконец потихоньку, похоже, дотумкала до чего-то важного. – Не хочешь ли ты сказать, – медленно подбирала она слова, – что если б вы вовремя не пропустили вперёд гасконцев, то-о-о-о...

– В яблочко, мэм! Точнее не бывает! Бравые капралы всегда в первых рядах. Хе-хе! Шансов выжить – минимум минимум! Якоб из Эмса и Шлабендорф оттого ведь и погибли. В первой же атаке!

– Ё-моё! Так спокойно обо всём рассказываешь, словно этот... как там его... Альбтраум, мазафака, не с вами случился.

– Отчего ж? С нами, конечно же. Только сейчас-то что переживать? Мёртвые картинки прошлого? Мы своё наяву пережили. Это, знаете ли, девушка, дорогого стоит. Единственная непреходящая ценность в человеческой жизни, чтоб вы понимали, – искренние, чистые, не замутнённые чужой навязчивой интерпретацией переживания и их эмоциональный след в вашей душе. А картинки... Что картинки? Их вона в книжках полно. О! Особенно в комиксах! Читайте, разглядывайте, мастурбируйте душевно на чужие чёрно-белые эмоции, коли своих не хватает.

– Но вас же запросто убить могли!

– Неа, не могли. История, дорогая Д'Жаннэт, знаете ли, не терпит сослагательного наклонения. Каркнул ворон: «Невермор»! Ежели кому умереть суждено, то и на ровном ме-

сте случится, уверяю вас, без всякого тому стороннего содействия. Кроме, разумеется... – судя по направлению перста указующего – люстры многострадальной. – Мemento мори⁹⁶, душечка моя, всегда мemento! Как это частенько бывает: поскользнулся, упал, понимаешь, потерял сознание... ну и так далее. Ежели очнуться всё-таки посчастливилось, по фигу – с гипсом, без оногo, считай, повезло. Рано, видать, по долгам-то ещё платить, критической массы дерьма не набралось. Ну, а ежели не посчастливилось, что ж! – ласково просимо в последнюю примерочно-гримёрочную. Пожалуйста вам деревянный сюртучок-с новёхонький с иголки, вернее – с гвоздика, вечерний макияж на халяву и бесплатная контрамарка на сонату для фортепиано номер два Фредерика Шопена в весьма, весьма, как правило, посредственном исполнении. Н-н-нда... Ма-а-а-аленький тромбик, к примеру, оторвётся, и всё, трендец, пиши пропало! Сколько там на часах-то?

Далась им эта люстра. Фетишисты какие-то!

– Каких ещё часах? ... А-а-а-а, ты об этом! Шестьдесят восемь.

– Я тебе ещё один важнóй вещь скажу, – Роланд задумчиво постукивал сигаретой о стол, – не обессудь, но малость не в тему. Через месячишко тамошней походной жизни ко всему начинаешь привыкать: к насилию, рекам крови, нечеловеческой жестокости, прочему дерьму в прямом и ино-

⁹⁶ От Memento mori (лат.) – помни о смерти.

сказательном смысле. Помаленьку, помаленьку так человек опускается, значит, и начинает звереть. Здесь главное – не расслабляться, поблажек себе не давать! Но... Ведь с нашей... хм... академической подготовкой мы там не просто воины. Мы там о-го-го! Супервоины! Боги войны, осмелюсь утверждать! Вот многие-то и не выдерживают душевного напряжения, с катушек съезжают, точно свиньи изголодавшиеся у обильного корыта, неизбежно деградируя до эндемически-скотского уровня. Упиваются правом сильного, безнаказанностью. Стоит всего-навсего однажды перейти черту, чуть-чуть, самую малость, переступить – и всё, пропал навсегда! Знаешь, как у прыгунов в длину? Один ма-а-ахонький заступ в сра-а-аненький сантиметр, и годы изнурительных тренировок псэ под хвост!

– Перейти черту? Это, простите, как?

– Ну-у-у... Скажем... Покалечить кого-нибудь, убить без особых на то оснований...

– Извини, котёнок, что означает твоё: «без особых на то оснований», не поняла? Убийство, что, возможно уже стало чем-то обосновать?! Неожиданно! Удивил, мягко говоря!

– В рукопашной схватке, например, противники имеют примерно равные шансы. Как бои без правил: не ты, значит – тебя! Считаю вполне достаточным основанием.

– Для чего? Сам же надесь анонсировал: «Мы там о-го-го! Супервоины! Боги войны!» Какие же это, извиняйте, батенька, равные шансы?!

– Гм! Видишь ли, милая Жанин, у каждого свои, вполне, на мой взгляд, уравнивающие преимущества. Я, скажем, в отличие от аборигенов, никогда в привязи мизерикордом сопернику в лицо или там пах, да и вообще между лат тыкать не стану. Улучу момент, пойду в обводочку и уж рубану так рубану! Быстро и безболезненно. Ну... почти... Да и выносливей они. Значительно выносливей! Мы же не только железо тягаем, нам ещё и науки мудрёные разнообразные постигать когда-то надобно, а у них вся жизнь в рубках да мордобое бесконечном.

– А-а-а-а! Поняла! То есть ты, по всему выходит, есть благородный убивец-гуманист, а местные, значит, просто убивцы? Обычные рецидивисты, да? Ну и какая, по большому счёту, разница: в бою ты пипл шинковал или на пустыре за кабаком по пьяни из-за славненькой глазастой чумазульки расчленил кого?! Да никакой! Верёвочка-то одна и, как ей ни виться, за всё отвечать придётся! А туземцы, представь себе, в этой клоаке мало того что живут, так ещё и радоваться жизни умудряются! Знаешь, сколько ребят по причине сей пагубной ассимиляции там остались? О-о-о-о! До фигища! Тебе, на самом деле, и знать-то не полагается. Не ваша кафедра! И все, кстати, до единого когда-нибудь мечтают домой вернуться. А всё почему, малыш? Да потому, что прозрение рано или поздно наступает, а вот прощение – никогда! Только через немислимые физические страдания, причём до-бро-воль-ны-е! И здесь проблемка. Бо-о-ольшая!

Неохота, понимаешь, никому по собственному желанию на крест идти, блин корявый, во искупление грехов-то! Тем более чужих. Тут такая штукавина, значит...

– А ты, когда в рингходишь, о чём думаешь? О прощении? О гуманизме, ответственности за кого-то там? У тебя, ежели память мне не изменяет, почти все победы – нокаутами. Это ж тяжёлое сотрясывание мозгов! Соображаешь? Годам к пятидесяти, а то и раньше обязательно аукнется! И в чём разница? Калечишь людей точно так же.

– Ролушка, милый, ты, что ли, опух? Разницу не ощущаешь?! Разница, друг мой ситный, в том, что я всякими раздвоениями личности по поводу «хороших» и «плохих» девочек не страдаю, псевдонравственным словоблудием не занимаюсь, нюни о «последней черте» не распускаю. В ринг вхожу, как и все нормальные люди, чтобы избивать и побеждать, а не прохладиться и не танцевать, как, знаешь ли, во всяких там бесконтактно-гуманных школках квазикarate или там лечебного ушу! Ответственность же за своё здоровье на противника никогда не перекладываю, но и на себя лишнего не возьму. Всё ведь от меня, на самом деле, зависит: чему научилась – тем и защитилась. И ежели на войну человек собрался, я так логично полагаю, значит идёт он воевать: убивать либо быть убитым и делает это, по крайней мере в нашем конкретном случае, абсолютно осознанно. И мы не говорим сейчас о том, что хорошо и что плохо. Говорим мы о том, как жизнь устроена. Потому не хрен тут сопли

по пустякам размазывать, мазафака!

– Да? М-м-м-м... – фон Штауфен будто от гипноза очнулся, в себя пришёл. – Твоя правда, красавица. Это я так, не обращай внимания, расслабился, подустал чуток. Нас же именно за тем на подобные экстремальные стажировки и посылают, дабы мы превратились... Гм... Ну, ежели не в конченных упырей, то стали бы, по крайней мере, менее восприимчивыми, в идеале – максимально невосприимчивыми к чужой боли, лишениям, страданиям. Бесчеловечными вроде того и в то же время людьми оставались. Каковые качества, на мой взгляд, не особо коррелируют-то друг с дружкой. Ты... вот что... Выкинь-ка чушь всю эту из головки своей хорошенькой! Занесло меня, извини. Исправлюсь, мишуген фиш!

– Восемьдесят процентов, «бинго!» почти. Полёт нормальный, Ролик! Мы – люди привычные. Юрка, когда бухнёт, примерно те же песни военные запекает. А то, что курсанты гибнут и пропадают... Здесь же не институт благородных девиц, верно? Пиплов, вон, летом в лужах с перепоя тонет больше! О мотоциклетах вообще молчу! И... это... давай-ка лучше от темы не отклоняться более, ладно?

– Говорю ж тебе, сам не понимаю, что на меня нашло?! Наваждение какое-то! Так, на чём это мы?..

– Уже забыл?! Ха! На том, что Ширяев попёрся среди ночи кому-то на голову писать. К ближайшему орешнику, судя по всему. За новою метлой.

– Я, я, натюрлиц! Шишел-мышел, пукнул – вышел! Раз,

два, три, четыре, пять – писать мы пошли опять! – раздухарился вдруг бош. – И где-то, значит, походя... – Роланд типа прислонился ухом к воображаемой поверхности. – Чу, жрица! Слышно чей-то говор! Ого! Нижнепруссский диалект! Интересно, интересно! Это чтобы никто, получается, не въехал? И чтоб никто не догадался, что эта песня о тебе-е-е! Промашка вышла у ребят, эдакий ма-а-аленький камуфлетик. Уж мы-то точно всем средневековым германским диалектам обучены! Как там? Девяносто есмь уже?

– Неа! Восемьдесят пять. С хвостиком.

– Успеется! У нас, как в песне товарища Войновича, в запасе ещё цельных четырнадцать минут! Из любопытства, примерно вот так же, припав ухом к палатке, случайным образом подслушал Юрасик гнилой базар, из коего совершенно явственно следовало, что львиная доля добычи проноси-лась мимо компанейских ртов, попадая прямёхонько в чей-то весьма объёмистый карман. Тиграм, выходит, не докладывают мясо?! Ух ты! Гм! Или в карманы? Чьи же?! Скрипучий препротивнейший вокал Зигфрида невольный наш, так сказать, свидетель, он же по совместительству – хе-хе! – соглядатай, вычленил сразу. Н-н-нда! Остальные же – конспираторы хреновы! – трусливо затихарились и бубнили, гады, едва слышно было. От же хурензоны! Вполне, в принципе, разборчиво, дабы уяснить гнусный смысл толковища, но недостаточно, понимаешь, для осуществления, назовём это по старой доброй памяти, оперативно-розыскной деятельно-

сти с целью выявления и искоренения организованной крысачьей шайки. Маловато! Маловато будет! Во-о-о-от... И что вы себе, ласточка моя, думаете? Тут из бабушкиной из спальни, в натуре – кривоногий и хромой, выбегает... Кто? Как считаешь? ...Дедушка?! ...Не-е-етушки!

– А никак я не считаю. Де-вя-носто! Вы этого хотели? Вот вам!

– Нормалёк! Хе-хе! Фон Шлабендорф – вот кто! Тоже, видать, облегчиться пареньку приспичило. Хм! Может, Юрка звуком-пуком каким неосторожным выдал себя? Хе! Сопел слишком громко в тряпочку!

– О-о-о-о! Лейтёха ваш?! Это серьёзно!

– Он самый, фикиен его! Сучий потрох! Наш пострел, разумеется, изо всех сил пытался состроить вид, будто не при делах вовсе, ничего, мол, не слышал, поссать всего лишь вышел, но Фабиашка-фраерок, гнида прожжённая, мигом фишку просёк, курва matka боска! По звуку журчания мочи, холи ш-ш-шит! Хе! С того самого момента Юрию Ивановичу Ширяеву вынесен был смертный приговор. Смертнейший! Дрек мит пфеффер! Потому как завесу чужой грязной тайны приоткрыл. Нда-а-а-а, обстановочка... И нам, естественно, за компанию! Куда ж без нас-то, без ансамбля? «Трио Поро-сёнкины», мля! Следовательно, опасаться теперь надлежало чего угодно и прежде всего... хм... собственных теней, шайссе! Учитывая, к тому ж, что грядущее пехотное сражение, попросту говоря: кровавая неразбериха – кошачья свал-

ка – самое удобное время и место злобных живорезов подослать с целью умерщвления под сурдинку кого надо, так сказать, дурщ блут унд айзен ⁹⁷, решено было глаз друг с друга не спускать, спину товарищу при-кры-вать. Диинигн, ди зищ зельбст хельфн, унд зищерн зи ире камерадн ⁹⁸! Более прагматичная интерпретация, нежели общепринято, согласись. Лично я под доспех и всякие там чулочки, выпирающие дюже гульфики, буфы кислотно-канареечные на всякий случай кольчужку-комбинезон композитный от шеи до щиколоток поддел, ракушку типа хоккейной на причинное место водрузил. Сковывает маленько, конечно, куда ж без этого-то? – и жарковато, зато однозначно чувствуешь себя много уверенней. Юрка, точно знаю, свободу движения любит. Гм! Бывает, до безрассудства! Иной раз гляжу, не пойму: то ли идиот, то ли фаталист? Что в общем-то, на мой взгляд, одно и то же...

– Да-а-а-а, шальной мальчонка... Девяносто пять. Успеем?

– Ничего страшного! Нальётся, минуточек несколько потерпит, отстоится заодно. Опасения наши, как чуть позже выяснилось, полностью оправдались, причём самые наихудшие! Жуликов-то оказалось не один и не два, а цельная банда, доннерветтер! О-о-о-о! Каламбурить изволим-с! Все мы

⁹⁷ От durch Blut und Eisen (нем.) – железом и кровью.

⁹⁸ От Diejenigen, die sich selbst helfen, und sichern Sie Ihre Kameraden (нем.) – Сам не плошай и товарищей выручай.

там были в бандах ⁹⁹. Хе-хе!

– Ну разумеется! Куда ж с такими рожами, да в приличное общество, в калашный-то ряд?! – махнула рукой с выражением полнейшей безнадёги. – Не-е-е-е, только в банду...

– У самой-то? Хе-хе! С такой только в...

– Граждане гусары, молчать!

– Вообще, совсем?

– По моему поводу.

– А по моему, значит, можно стебаться, так выходит?

– Зубоскалить будешь, когда алмаз добудешь! Рой давай!

– Да ладно, ладно! – посуровел сразу, посерьёзnel. – Как уже, по-моему, упоминалось, старшие командиры полегли в первой же атаке. Светлая память выдающемуся кондотьеру, да что там – вождю, отцу, можно сказать, родному ландскнехтов! – Якобу из Эмса и правой руке его – лейтенанту Фабиану фон Шлабендорфу! Хоть последний, в отличие от папы Яши, и говнюк оказался редкостный, всё одно – великие были воины!

Фон Штауфен глубоко вздохнул, так недолго сидел, безмолвно склонив голову, будто молчанием своим отдавая дань всем погибшим в той битве: и сотоварищам, и недру-

⁹⁹ Дабы отличаться от противников в рукопашной схватке, ландскнехтам, принадлежавшим к одной компании, положено было носить широкие ленты материи одинакового цвета на шляпе, на поясе, в виде повязки на плече, или перевязи, что дало вполне обоснованный на наш взгляд повод называть каждую компанию ландскнехтов бандой. (То есть – лентой соответствующего цвета. От немецкого: das Band – лента.)

гам, своим и чужим. И Жанна Сергеевна, ощутив вдруг прилив необычайного единения с этими странными, во все времена безрассудно идущими на смерть людьми, тоже пребывала в прострации, молча, не шевелясь.

– Сражение расписывать в красках не стану тебе, с переменным успехом происходило оно, – прервал Роланд малость затянувшуюся паузу. – Хм! Я, честно говоря, и рассказчик-то по большому счёту никакой. Слыхала бы ты Хельмута! Хельмута из Любека. О-о-о-о! Великий песнопевец, сказитель от бога! Писать, правда, не умел – абсолютнейший невежда! – зато алебардой владел виртуозно и устным словотворчеством, на мой взгляд, тоже. Ну да ничего, кое-что запомнил твой покорный слуга, даже записать сподобился. Вот слушай-ка:

«Кто эти люди, друг против друга стоящие, доспехом железным на солнце блистая,

Перьями яркими, буфами кнехтов расцветив свежую зелень весеннюю?

Может, сделать решили привал, праздник весёлой гурьбою справляя

С плясками под барабаны, флейты, бравую песнь военную?

Или по высочайшему зову в земли святые путь их неблизкий лежит

За святыни поруганные отмстить сарацинам неверным?
Во искупленье грехов светлую веру нести,
Ересь поганую пламенем жечь, искореняя мечом благо-
верным?

Нет, никогда! То разномастных наёмников банды в битве
смертельной готовы схватиться за гульденов горсть,
Уйму людей истребить беспощадно!
Воинов лица угрюмы и злы, святости в них ни на грош,
Одна лишь решимость выжить с добычей иль погибнуть
бесславно.

Наёмника жизнь коротка, точно хлёсткое бранное слово,
пусть же яркой будет, словно буф пехотинца! Аминь.»¹⁰⁰

– Где-то так. Клёво, да? И хотя исход битвы был предре-
шён уже в дебюте, с того самого рокового момента, как тя-
жёлая конница Колонны, не внемля здравому смыслу и при-
казам командования, безрассудно сорвалась в пагубную для
всей компании атаку, тогда же весьма изрядно, честно тебе
признаюсь, всё-таки потрепала нас превосходная испанская
пехота! Да-а-а-а... Тысячи три – четыре, по разным эксперт-
ным моим оценкам, в итоге братьев-ландскнехтов и бравых
гасконцев остались лежать на поле брани, доннерветтер!

Знатная, по всему видать, вышла сеча! Растревожённая
память генерировала бередящие кровь пароксизмы воспо-

¹⁰⁰ Хельмут из Любека, «Ландскнехты», пер. Б. Собеседник.

минаний, вследствие чего бош, умилившись пережитым, очередной раз впал в изрядно поднадоевшее уже всем состояние сомнамбулы. Из какого-то, правда, его тут же весьма бесцеремонно вывели чувствительным тычком по рёбрам:

– Забодал уже, красавец спящий, тормозить ежеминутно!

Принц Валиум, мазафака!

– Хорош ручонки-то шаловливые распускать! – демонстративно потёр тевтон ушибленное место. – Хулиганство, понимаешь, тут хулиганить! Холи ш-ш-шит! Сосредоточиться невозможно! – встал, прошёлся, потягиваясь, сдул пыль с «пыжилки», пододвинул платформу ближе к рамке, зачем-то погладил «Гену», словно какую диковинную животишку домашнюю, прочистил горло, с первого же раза взял нужную ноту. – Грхм! Грхм! ...И вот где-то ближе уже к концу баталии, когда, значит, наша доблестная кавалерия окружала противника со всех сторон, когда прагматичные итальянцы, избегая неминуемой кровавой расправы, разбежались кто куда, а злые упёртые испанцы в стаю воронью сбивались, срочно восстанавливая боевой порядок, дабы хоть как-то организовано отступить, подметил я краем глаза необычайную активность вокруг Юрия Ивановича. Да-а-а-а... Козлице Зигфрид и с ним по крайней мере человек пять-шесть незаметненько так обложили гражданина Ширяева со всех сторон и медленно, но уверенно, потихоньку, дабы не спугнуть, сжимали кольцо. А Юрка наш, думмкопф, – ты же его знаешь! – вошёл в раж, знай рубит себе пиренейцев на дро-

ва, забыв о грозящей опасности с тыла, и не внимлет голосу
разума ни шиша, словно глухарь тупорылый, понимаешь, на
токовище!

© B.Sobesednik & Julia Dee

Falir

– Сто! Ур-р-ра-а-а!

– Что «ура»?! Чего орёшь дурниной в самое ухо?! Шайссе! Я через тебя зайкой сделаюсь! «Рубинштейн» подождёт, ему чего сделается-то? Он же железный. Чуть-чуть дорассказать осталось. Тебе, что, неинтересно? ...А-а-а-а! Всё-таки интересно? Тогда слушай! Пехотинцы Наварро, к слову, несколько позже свалили-таки по дамбе в количестве около трёх тысяч бойцов, и никто из наших к ним, заметь, сколь ни пытались, так подступиться и не смогли. Без своего командира, правда, ушли. Хе-хе! Педро-то, красавчика, всё ж сластали! Прекрасные бойцы, дисциплинированные, свирепые, с фортификацией знакомы. Короче, хвалёные швейцарцы с некоторых пор отдыхают! Так-то, дрек мит пфеффер! Эволюция форева! Смена военных концепций, доннерветтер! Именно тогда, кстати, попутно заострю твоё внимание, и погиб опрометчиво бросившийся с мизерным, всего-то не более двадцати всадников, отрядом в погоню за отступающими гишпанцами молодой горячий Гастон де Фуа. Вечная ему слава! Но это всё опосля, значит, покамест же пришлось вашему покорному слуге со всех своих тщедушных силёнок просеку к Иванычу прорубать. Не так-то просто оказалось! Озверелые идальго лезли, понимаешь, и лезли, лезли и лезли! Шайссе! И всё, знаете ли, поперёк бабки норовили, хурензоны! Куда только их кастильский чёрт нёс, доннерветтер?! Спору нет, ребята способные, шустрые, умелые

и в ближнем бою, тем более – в узкой свалке между повозками, утыканными к тому ж торчащими во все стороны заострёнными рогатинами, со своими короткими колющими мечами, кинжалами, лёгкими щитами супротив неповоротливых пикинёров и алебардщиков зарекомендовали себя, конечно же, с наилучшей стороны! Но... Только не в противоборстве с парой заколдованных, превосходно заточенных кацбальгеров крепчайшей золингенской стали, стократ усиленных... хм... многовековыми, без всякого преувеличения, военными знаниями и умением убивать. Никак не тягаться им было, бедолагам! К тому ж я слегка клинки модифицировал, рубяще-колющие теперь кацбальгеры у меня. Множество достойных воинов пало в тот судный день от сей длани карающей!..

– Эй-эй-эй! Тормозните-ка, пожалуйста, господин фон Штауфен! Остапа опять, что ли, понесло? Придержите коней! Пора уже на родине героя бронзовый бюст ставить? Мы, кажется, недавно совместно решили – ни шагу от темы! Куда вы, уважаемый? Так же, мазафака, чёрт-те что возомнить о себе можно! Договоритесь сейчас до своего... хм... божественного предназначения, дражайший, знаю я вас! А время-то идёт, «Рубинштейн» залит. Цигель-цигель, понимаете ли, ай-лю-лю! Страна ждёт новых героев и великих свершений!

– Пардон, миледи! Виноват-с, мигом исправлюсь! – казалось – о небеса! – старина Роланд малость смутился. – Грхм!

Короче, я уж подобрался было совсем близко к цели, то есть к Юрке, как вдруг наперерез мне ломанулся, точно раненый кабан сквозь бурелом, один из подручных Зигфрида с албардой наперевес. Как звали-то его? Тьфу, забыл! Шайссе! Чрезвычайно опасная, знаете ли, железяка! Неожиданно вышло, чуть врасплох меня не застал, хурензон! Столь злобной перекошенной рожи, кстати сказать, ни у кого из поверженных мною в тот день испанцев наблюдать не довелось, здоровьем клянусь! Представляешь, как пацана за ночь умудрились мотивировать? О-го-го! Я сначала грешным делом-то решил, мол, парень подсобить хочет. Почему бы и нет? Крепкий боец против меня тогда стоял: хороший миланский доспех, расплюмаженный, весь в перьях, явно из грандов – рыцарь спешенный. Или, может, коня потерял? Трудно сказать. Хотя навряд ли. Самому, без посторонней помощи, нипочём чучелу железному в полном обвесе не подняться, один чёрт – зарежут раньше! Однако бился крепко! Ох крепко! Такого зверюгу ещё победить надобно – изрядные, доложусь вам, умение и доблесть требуются! При каждом ударе кряхтел так грозно: «Хгы! Хгы!» Пару раз, признаюсь, довольно чувствительно ткнул мне между лат, злодеянец! Слава богу, меч тупой оказался, оруженосец небось, лодырь, схалтурил, да спасибо кольчужке, уберегла! Я-то, конечно, по-любому завалил бы двуглавую толедскую курицу, на все сто уверен, и кастилец тоже это прекрасно понимал. Отступал уже помаленьку мужчина, а его: «Хгы! Хгы!» с каждым разом ста-

новились всё менее, менее убедительными. Одно неверное движение и-и-и-и... привет! Гитлер капут! Честно говоря, убивать его вовсе не хотелось, уж больно красив, каналья, и за версту пёрло от него чертовски благородным говном! Поэтому, когда, откуда ни возьмись, словно шишка в заднем проходе, выскочил наш придурок с алебардой, я, честно говоря, ничего, кроме огромного облегчения, не испытал! В натуре – гора с плеч! У шпанца, верно, лупетки на лоб повывлезли от удивления, виданное ли дело – свой супротив своего пошёл! Щепка, понимаешь, против щепки!! Где это видано? Где это слыхано? Под забралом, конечно, не разглядишь, но позволю себе малька пофантазировать. Мы с ним даже быстренько отсалютовали друг другу в знак уважения, что в битве смертельной, сама понимаешь... хм... мягко говоря, не приветствовалось. Уф! Зря Борькину минералку профукали, сейчас бы зело пригодилась! Чертовски, я тебе скажу, зело!

– Водички дать?

– Был бы тебе премного благодарен, ласточка моя! ... Спасибо! ... Там, кстати, глянь-ка, в комнате на шкафу сифон должен стоять и рядышком где-то коробка с баллончиками. Не сочти за труд, а? Тащи сюда, зарядим! Сдаётся мне, жаждущих прибавится вскорости. Бля буду!

– Будешь, будешь! От Судьбы, малыш, не уйти. Ею и будешь, друг-сосиска! Как пить дать!

– Ох и лярва же ты, Жанка, да на язык остра!

– Сама тащусь! Где там, говоришь, сифон-то? На шкафу?

...Пятнистый Щасвирнус!

– Кто, кто?!

– Дед Пихто! Долгая история. – Назарова безнадёжно махнула рукой. – Тебе не понять, ты, видать, тоже Винни-Пуха в детстве не читал, зануда! Оба вы с Ширяевым... Сифон нашла. Его разве что слепой не найдёт! Сколько хоть воды-то наливать?

– Не более чем на три четверти! Почему не читал? Обижаешь! Там был ещё, кажется, этот... М-м-м-м... О! Диетический Щасвирнус.

– Какой?! Какой?! Ха-ха-ха! Сам ты – диетический! Рассмешил, бродяга! Это моча у Микки-Мауса диетическая бывает! Лайт называется. А Щасвирнусы, чтоб ты, Ролик, знал, в основном тра-во-яд-ные! Пей, заряжай свой сифон и давай уже закругляйся, малыш. Пора дело делать! – Жанна Сергеевна деловито сновала по кухне, крошки смахнула, чашки вымыла. – Так чем, говоришь, закончилась ваша бодяга-то, ась?

– Да-а-а-а... Пора, пожалуй... За водичку ещё раз огромное спасибо! – шумно отхлебнув, фон Штауфен утёрся рукавом. – Убивать его не стал. Обезоружил, оглушил, трупами привалил, дабы не отсвечивал, значит. Жалко паренька, в самом деле, молодой ещё! Его-то вина по большому счёту в

чём, скажите на милость, ежели начальство – суки рваные?! В общем, глаза поднял, огляделся, вижу – Зигфрид, хурензон, мечется, секирой грозит, близёхонько он уже к Ширяеву, почти на дистанции удара. Секира в умелых руках, смею тебя уверить, – страшная штука! А у козлища Зигфрида, доложусь я вам, руки-то весьма-а-а умелые! Доспех, наверное, композитный не расколется, но кости переломает будьте-нате! Позвоночник в трусы ссыплется! Страх меня обуял. Не за себя, конечно же, за друга моего – Гульбария. Ну, думаю: «Пиз*ец котёнку!» – ору, значит, со всей мочи, забыв о всяких там приличиях, осторожностях: «Юрка-а-а-а!!! Осторожно, сзади-и-и-и-и!!!» Добавив, разумеется, для доходчивости пару фраз цветистых непечатных. У самого аж слёзы бессилия в глазах, а Юрасику пофиг всё! Только-только очередного гранда в металлолом списал, следующего раскраивает. Жестянщик, бл*дь! Вот он – момент истины! Судьбы топор уж занесён, неумолимо краткий миг предсмертного прозренья приближая, – так, кажется, у Велеречивого, – как вдруг...

«Судьбы топор уж занесён, неотвратимо близок миг предсмертного прозренья,

В душе колоколов прощальный перезвон затих, печалью полон жизни завершения,

Нет боле дум, питавших сонм забав мирских, развеянных пред хладным ликом вечного забвения,

И тень костлявая, опёршись о косу, клобуком сумрачным маячит в отдалении.

То наш удел – сверкнуть во тьме ночной, подобно мотылькам, кружащим над свечой...»¹⁰¹

¹⁰¹ Ароон Велеречивый, из «Думы о печальном», пер. Б. Собеседник.

– ...Черной молнии подобный, человек из ниоткуда, демон гордый, черный демон бури – р-р-раз! – вжик, вжик, и окоротил к ебням лапищи грязные собаке паршивой – Зигфриду! А следующим страшным ударом вообще раскрыл череп его дурацкий! Точно гнилой орех, будто и шлема никакого не было. То Борёк, подобно буревестнику, налетел, пелу волн кровавых грозным Цвайхендером срывая! Доннерветтер! Мазафака! Лех к ебен*мать! – замер на секунду Роланд, словно бы запнулся. – Борёк... О-о-о-о! – снова покатился. – Ну ты же его знаешь! – вообще парень способный. Со стороны глянуть, так ни то ни сё! Ни деду чарка, ни бабке огурец! Мелкий, угловатый какой-то, неказистый. Носяра еврейский тот ещё, что твой флюгер, из-за спины видно – парусит на ветру. Росточком опять-таки не вышел, чуть выше собственного двуручника будет, и в состоянии относительного покоя, сама прекрасно знаешь, не страшный вот ну ни капельки! Скорее – кумедный... Гм... Покуда мечищем своим длиннющим размахивать не начнёт... Тут уж прячься не прячься, всё одно – капец! Крышу сносит вчистую, сенокосилка ходячая, бл*дь! Энерджайзер! Да ещё рожу такую корчит – мухи дохнут на лету! И ревёт. Да-а-а-а! Словно дикий зверь разгневанный, эдакий голый вепрь Ы¹⁰², знаешь так: «Хгра-а-а-а! Хгра-а-а-а!»...

¹⁰² Вепрь Ы – мифическое животное из фантастического романа Аркадия и Бориса Стругацких «Трудно быть богом».

– Чего разорался-то, зверюга?! Ширяева, что ли, будить пора?

– Вот, вот! Юрец тоже его в гневе зело опасался. Тэ-э-экс, значитя...

– Голый вепрь Ы? Выдумаешь тоже, прикольщик! Операция «Ы», слышала о такой, знаю, но вепрь, да к тому же голый... Ха-ха! Извиняйте, дядечка!

– Ты Стругацких хоть что-нибудь читала?! Видимо, нет, двоечница! И вообще, дальнего родственника Пятачка, значит, – пусть о-о-очень дальнего, но какая, собственно, на х*й разница? – «Посторонним В» могут звать, а «благородный вепрь Ы», пушай и голый, по-твоему выходит, не имеет права на существование?! С чего такая дискриминация?!

– М-м-м-м... С чего? Даже и не знаю я...

– Тоже мне! Не знаете, мадемуазель, так и не говорите! Диссонанс только в общение вносите, понимаешь... гм... когнитивный, так сказать. Да-а-а-а... Имейте терпение выслушать до конца, юная леди, там уж рассуждайте сколь вам заблагорассудится! Ферштеен? Абгемахт? ...Зер гут! – Роланд вставил баллончик, плотно завернул крышку сифона, вода тут же забурлила. – Можно уже продолжать, да? – некоторое время, дебиловато ухмыляясь, созерцал весело снующие туда-сюда пузырьки. – ...И всё бы ничего, может, прокатило, ежели б какая-то сука сей же момент визгливым таким, паскудным, но чрезвычайно громким голоском не проверещала: «Измена, измена!» У меня, честно признаюсь, аж воло-

сы на спине под кольчугой зашевелились в недобром предчувствии! «Измена!!!» – тут же взвопили добрых пара десятков сипло-горластых глоток. И началось самое страшное, поскольку все вокруг, тут же оставив в покое своих гишпанских визави, остервенело бросились на нас, холи ш-ш-шит!!!

Что, скажите на милость, бедным несчастным курсантам делать оставалось? А?! Альбтраум, блиать! Пришлось отбиваться, фикиен их всех! От своих-то! Мдя-а-а-а, обстановочка... Мы, справедливости ради отмечу, поначалу миндальничали, старались насмерть никого не убивать. Ей-богу не вру, вот те крест! Руки-ноги ломали, зубья, бошки расшибали, но не насовсем. В общем, причиняли увечья средней тяжести, пытаюсь при том ещё и разъяснительную работу среди тёмных солдатских масс вести, типа: «Вы что, братцы, озверели, что ли?! Мы же свои, одна банда! Жрали с одного корыта, срали, можно сказать, под одним кустом! Хватит уже юродствовать, остановитесь!» И что вы себе думаете? Ещё злее насели, твари! Настырные такие, наглые, рычат, склабятя, железками своими в глаз, понимаешь, нороят тыкнуть! Помогите-е-е! Хулиганы зрения лишают! Короче, начало припекать, накалилась атмосферка-то зело возле нас, нервишки, того и гляди, сдадут! Вдруг – ты не поверишь! – над полем итало-испано-германо-французской, даже чутка швейцарской брани разнеслось эдакое славянско-залихватское: «От винта, суки-и-и! От винта, бл*ди-и-и!» «Ни фи-га се! – недоумеваю. – Что ещё за фортели?!» Славянской,

тем паче – кацапской мовы отродясь не слыхивали здесь, о бл*дях – тем более! Гляжу, Борёк, бешено вращая мечом, страшен, точно чёрт, как его, собственно, в разных там мифах и легендах седой старины малюют, «косилку» свою знаменитую на полную мощь врубил. «Ну, – думаю, – доигрались шванцы ¹⁰³ на скрипках! То есть в войнушку! Вот он, пиз*ец вам всем, и он, вполне ожидаемо, пришкандыбал!» Я ещё додумать не успел, а неподалёку уж привычно взревело: «Хгра-а-а-а! Хгра-а-а-а!», раздался ужасающий лязг, и тут же визг поднялся несусветный, будто свинью резали. Гм! Может, её... то есть красавца какого-нибудь и резали... О-о-о-о, как всё запущено, господа хорошие, мы же вас предупреждали! Слышу, перекрикивая жестокую сечу, Юрка откуда-то сбоку орёт истошно: «Не сметь! Отставить своих херачить, Вольдемарыч! Не сме-е-е-еть!!!» Да куда там, поздняк метаться! Аннушка, фикиен её, уже купила подсолнечное масло, и не только ведь купила, но и разлить умудрилась, мандатра косорукая, и Боря неистово принялся за свою кровавую жатву! Очень, знаете ли, мадемуазель, напоминало рубку сахарного тростника. Довелось как-то наблюдать... Бывали-с на Кубе когда-нибудь? ...Нет-с? Советую посетить с okazjiей, замечательная страна! И бл*ди красивые дешёвые... Прошу пARDону, вырвалось! Не примите на свой счёт, сударыня!

Но Назарова больше уже не перебивала, слушая, словно

¹⁰³ Der Schwanz (нем.) – х*й, хвост, мудук.

зачарованная. Увлелась всё ж девушка! Фон Штауфен, про себя отметим, тот ещё рассказчик, косноязычный до одури, но иногда ему, согласитесь, всё-таки удаётся слушателей увлечь. Ох удаётся! Особенно когда речь заходит о технологии уборки сахарного тростника на Кубе. Хе-хе! Да так, чтобы никто боле закругляться даже и не предлагал!

– Во-о-о-от, значит... Испанцы меж тем, весьма разумно воспользовавшись подарком судьбы в нашем лице – счастливо подвернувшейся возможностью свалить, похватали манатки под шумок и быстренько замельтешили клюшками к дамбе. Кто двумя, кто на одной поскакал, кто ползком. В какой-то момент так случилось, что оказались мы с Юрасиком на расстоянии громкого слова и никто нам особо не докучал: ни свои, одномоментно ставшие вдруг чужими, ни чужие, коих мы весь день колбасили нещадно, а теперь вот провожали взглядами с глубочайшим, надо признать, сожалением. Даже парой фраз перекинуться удалось, разумеется, на повышенных тонах:

– Что делать будем, командир?!

– Мочить гадов!!!

– Офонарел, Юра?! Мочить?! Кого?! Каких гадов?! Их, поди, ещё тысяч двадцать пять осталось, если не больше! Обмочимся, холи ш-ш-шит!!!

Пока суд да дело, завалили ещё парочку особо назойливых претендеров на почётное звание «Царя горы».

– Твоя правда, валить отсюда надобно! По компасу!

– Куда валить-то?! – пришлось кому-то на всякий случай в горло ткнуть мизерикордом, уж больно морду свирепую корчил. – Валить куда, спрашиваю?! Шайссе!!!

– Куда?! Куда... Куда лезешь?! Ур-р-род! Н-н-на те!!! – на Юрку тоже опять поднаесли. – Короче, к дамбе драпаем вслед за шпанцами!

– Ты в своём уме?!

– В своём, бл*дь, будь спок! ...Боря-я-я-я! – взревел Ширяев, точно болид «Формулы-1» на старте. – Заканчивай там вошкаться! Быстро сюда! Слышь?! Бего-о-ом!!! ...Чего, чего?! – далее следовала пятиэтажная тирада, смысл коей, уверен, всем понятен, однако повторять её не след, уши отвянут. – Ты слышал, недоумок?! Сваливаем к ебням!!!

Гм! Похоже, Боря наконец-то услышал, ебуки, видать, подействовали. Н-н-нда... Кошмарное «Хгра-а-а-а!» перестало удаляться, затем оно приблизилось, и вскоре мы увидели нечто сугубо бесчеловечное, напоминавшее, скорее, вытасченный из чаши, вращающийся на приличных оборотах блендер, без устали перемалывающий в крупный фарш всякую зазевавшуюся на его пути активную протоплазму. С ног до головы в кровище, прокопчённый, грязный до неузнаваемости Вольдемарыч являл собой зрелище весьма зловещее, ежели не сказать – попросту жуткое! Оскал звериный, пена кровавая на устах, слюна ядовитая брызжет во все стороны, глаза горят дьявольским огнём, без преувеличения – ифрит – исчадие адаво! Рык ещё этот его, леденящий душу... У-у-

у-ух! Мороз по коже!

– Мужики-и-и! Азохн вей, товарищи бояре! Опять трое в одной лодке?! Аху шармута! Погодите-ка, я шаз-з-з... Хгра-а-а-а! Хгра-а-а-а! Не считая! Стаи! Поганых! Собак! Ферфлюхтер швайн! Хгра-а-а-а!!! Сабатуха-а-а-а! Кус имма шельха!!!¹⁰⁴

Ой-ля-ля! Присоединяйся уже скорей, дружище! Из тех редчайших случаев, когда встреча с Борьком искренне радовала. До слёз! Признаюсь, чуть не всплакнул от всколыхнувшихся во мне чувств! Веришь, Сергеевна? Чтоб я сдох! Не дождётесь. Так встали мы спина к спине ужасно разъярённые, доведённые до отчаяния, а потому смертельно опасные, и никто довольно долго не решался к нам приблизиться. Уфф-ф!

Роланд перевёл дух. Переведём и мы. Весьма живописно, не находите? Или живокакно? Хотя, конечно же, хм... какатум нон ест пиктум¹⁰⁵... Курите, если есть что. Или не курите. Флюорография будет чистенькой, зато что-нибудь да отвалится. О! Печень, к примеру! Может, они, почки. Шутка, конечно, глупая, но почему-то большей частью именно так в жизни и происходит. Хе-хе! Неотвратимо, казалось бы, глупо.

– К тому времени французы вовсю уже хозяйничали на разорённых вражеских позициях. По-моему, мы где-то уже

¹⁰⁴ Непереводаемая игра слов.

¹⁰⁵ *Sacatum non est pictum* (лат.) – Насрано – не значит разукрашено.

об этом упоминали, тебе не кажется? – вопрошающе почесал затылок фон Штауфен. – Нет? ...Гм, странно! Я отчего-то был уверен... Ну да ладно. В общем, полегчало маненько. Битва перестала быть тем сосредоточием действий и компетенций, когда исход сражения в большей степени зависел от таланта и искусства полководца, расторопности, исполнительности его командиров, нежели фатального, изначально неравного, расклада сил. Баталия рассыпалась теперь на отдельные междусобойчики, подобно догорающему костру вспыхивая, искря очагами яростного сопротивления разрозненных групп взгорячённых битвой рубак, никак не желающих сдаваться на весьма, весьма сомнительную, должно отметить, милость победителей...

Ни дать ни взять – лекция по истории войн Средневековья. Взгляд его блуждал отчуждённо, голос стих, дыхание ровное, пульс в ритме, речь неторопливая, внятная. Куда только привычное косноязычие подевалось? А где жестикуляция, точно мельница ветряная? Где, скажите на милость?! Чудеса, да и только!

– ...Довольно-таки активно там-сям посвистывали ещё смертоносные арбалетные болты, временами слышалась аркебузная трескотня и даже изредка грохотали полевые кулевины, но всё это с некоторых пор возымело характер, скорее, бессистемный, нежели подчинялось чьей-либо железной воле. Небольшие группки опьянённых победой, вкусом крови, неутолимой жадой убивать и грабить псов войны рис-

кали по изрытому, горящему, залитому кровью, устланному мёртвыми и умирающими, рыдающими, обезумевшими от нестерпимой боли телами полю, настигали и с упоением рубили на куски спасающихся бегством рассеянных солдат противника, жестоко добивали раненных и тут же беззаботно мародёрствовали. Недалече, метрах, наверное, в двухстах, может, чуть далее, французская кавалерия настойчиво пыталась затоптать довольно значительный отряд на удивление организованно отступающей кастильской пехоты. Всё безуспешно. Шпанцы свирепо огрызались, делали «ежа» и вообще вели себя вызывающе нагло, словно и не побеждённые вовсе. Промеж разбитых, утыканных пиками, рогатинами, смрадно чадящих «боевых» повозок Наварро метались осиротевшие тяжеленные бронированные рыцарские кони, сшибая, втаптывая в раскисшую луговину контуженных и ослепших. Раненный, воя обезображенным беззубым ртом, лез с мизерикордией на раненного и лишь убиенные вели себя более-менее пристойно – лежали себе, валялись, уставившись незрячими глазницами в пронзительно голубое весеннее небо. Меж тем, похоже, молва о нашей «измене» людской волной докатилась-таки до отцов-командиров. Нда-а-а-а... Шутки, судя по всему, кончились. Потому как от атакующей испанцев конницы вдруг отделился небольшой, копий эдак двадцать, отряд и бодрой, насколько позволяла захлапленная войной местность, рысью припустил в нашу сторону. Первым весьма озабоченно среагировал, как это ни странно,

не рассудительный Ширяев, а извечно взбалмошный Борёк:

– Похоже, нам вскорости-таки сорганизуют небольшой, но горячий тепель-тапель, товарищи бояре!

– Чего, чего?! Говори яснее!

– Люлей ввалят увесистых, вот чего! Ейзе мааффан, кус марттабук! – смачно выругался на каком-то одному ему понятном арабо-израильском диалекте и продолжил уже на более-менее привычном идише: – А фишкнэйдл зол дир штэлн ин халдз ¹⁰⁶! Фальцан!

Поигрывая мечом, Вольдемарыч диковато озирался во круг, словно ища, куда бы смыться, да пошустрее, куда бы зарыться, да поглубже... Почувствовав скорую подмогу, недруги осмелели, лезли со всех сторон, рычали, зубы скалили, но пока, слава богу, опасно сблизиться побаивались.

– Так, Юрец, слушай меня сюда. Трёх, максимум четырёх железных балбесов мы с тобой, без сомнения, завалим! – Борька явно нервничал. – А дальше? Дальше что?! Сам же прекрасно понимаешь, не устоять нам вдвоём против кавалерии. Сметут, кус ахтак!

– Трое нас!

– Трое?! Да куда там этому Васе Шмулензону-Саксонскому с ножичками перочинными поперёк тяжёлой конницы-то переть? Смеёшься?! Затопчут, в панцирь пукнуть не успеет!

Меня, конечно же, что и говорить, малька покорило сугубо хамское заявление товарища Пионера, но я смолчал.

¹⁰⁶ Чтоб рыбный тефтель застрял у тебя в глотке! (транс. с идиш)

Ибо его правда: с короткими мечами шансов против кавалерии – ноль целых и дли-и-инный нолик в периоде. Я уж алебарду какую-нибудь подлиннее присматривать начал было, благо множество их валялось вокруг бесхозных, да не силён, к стыду своему признаюсь, в этой дисциплине. Интересно, кто из ребят придумал дурацкое: «в панцирь пукнуть», а? Не в курсе? Юрасик проснётся, надо бы поинтересоваться. Во-о-о-от... И здесь, ты знаешь, о мирикал! Удивительное рядом! – снова вмешалось Его Величество Провидение, который уже раз за сегодня, в лице затеявших вдруг по нам смертоубийственную пальбу, странным образом уцелевших доблестных папских аркебузирова. Откуда взялись? Из какой арш повывлезли? Загадка века, доннерветтер! Стреляли, кстати, грамотно, несмотря на нервозность ситуации, довольно прицельно. Раздался громкий, характерно для аркебуз трескучий, дружный залп и вслед за ним с небольшим промежутком ещё один. Ряды нападавших тут же значительно поредели, точно опята ножом срезало! Хвала Всевышнему, из нас ещё никого не зацепило, вот геморрой бы вырос, чью-нибудь тушку стонущую раскормленную на горбу по бездорожью-то таскать! Юрку в спину шваркнуло разочек вскользь рикошетом, да и только. «Ложись!!!» – зычно гаркнул Ширяев, подняв фонтан брызг, заваливаясь мешком в ближайшую лужу. Ну что за человек? На ровном месте и то всех в округе говном умудрился обдать! Аккуратнее, что ли, нельзя? Шутка. И почему это, интересно знать, возле мо-

его чувствительного носа вечно оказываются чьи-нибудь воюющие дохлые ноги, а?! Ответьте, плиз! Знаешь, чем пахнет смерть? Именно так она и пахнет: грязными мёртвыми ногами! Фу!!! Буль ш-ш-шит! Вспоминать тошно! Это я уже серьёзно, если что. Честно говоря, никакой особой команды вообще не требовалось, ибо мы с Борькой давным-давно уж прилегли рядышком и, опасливо выглядывая из-за кочки в сторону внезапно возникшей угрозы, теперь ванны вот принимали промозглые грязевые. Очень полезно в начале апреля пусть и довольно тёплого! Настоятельно рекомендую! – Роланд нездорово поёжился, как бывает с бывальыми рыбаками после малоприятного барахтанья в глубокой полынье. – Причём переоценить своевременность очередного вмешательства высших сил в наше плачевное, на тот момент, я бы даже сказал, практически безвыходное положение просто-таки невозможно, потому как вся свора этих самых, выражаясь Бориными словами, ферфлюхтер... хм... швайнов, сей же момент оставив нас в покое, решив, видимо, – вполне, к слову, разумно, да? – что далеко нам один хрен не уйти, разъярённо бросилась на аркебузирова, ибо, авторитетно заявляю, не было у ландскнехтов более злейших вражин, нежели всякого рода стрелки и метатели. Особенно огнестрельные! М-м-м-м... Да! Чуть не забыл! И ещё швейцарских наёмников тоже в плен старались не брать. Недолюбливали ребята друг друга. С чего бы? Гм... В сущности, ежели призадуматься, какая на фиг разница? Лишь бы нас не трогали! А

вот с этим-то как раз регулярно всяческие неувязочки, понимаешь, возникали и, как ни странно, возникают. Нда-а-а-а, обстановочка сложилась... Дрек мит пфеффер!

– Мужики-и-и! – Юрец, как всегда, впереди на вороном коне. – Слушай мою команду! Ползком до ближайшей телеги марш! Не отставать, сукины дети, коли жизнь дорога!

И мы поползли... Холи ш-ш-шит! Я эти пятнадцать – двадцать метров никогда не забуду! В трёхчетвертном доспехе и вертикально-то передвигаться не особенно удобно, горизонтально же, ползком, да ещё по грязи, да по трупам неживым и полуживым, когда всё своё с собой тащишь: мечи, палицу... Ух! Боже избави! Врагу не пожелаешь!..

Под впечатлением от услышанного Жанне Сергеевне, натуре восприимчивой, с богатой фантазией, ну очень живенько представилось, как же это замечательно! – ползая по полумёртвым телам, слышать стоны их, ощущать предсмертное надсадное дыхание, отчего невольная внутренняя дрожь охватила её и стало зябко, словно стужа зимняя за воротник вползла.

– ...Возле повозки и вправду образовался эдакий затишок, не считая тучного доппельзолднера ¹⁰⁷, чуть поодаль, метрах, наверное, в пяти, подмявшего под себя раненого аркебузира. «А-а-а-а-а!» – страшно выл пехотинец, тряся окровавленной клочною бородой, дико вращал единствен-

¹⁰⁷ Вооружённые, как правило, двуручными мечами ландскнехты, так называемые мечники, за двойное жалование сражающиеся в первых рядах.

ным, оставшимся невредимым, безумным глазом и монотонно бил, бил, бил рукоятью тяжёлого кинжала в лицо поверженного обессиленного стрелка. Несчастный лишь вяло отмахивался, охая, скулил и хрипел, захлёбываясь собственной кровью. Тогда с удивлением поймал себя на мысли, как наблюдаю за происходящим без всякого сострадания, буднично, словно так и надо, более того, даже с каким-то глумливым злорадством! И я отчего-то уверен, окажись кто-либо из нас троих на месте мечника, поступали бы если не аналогично, то, за себя уж точно со стыдом признаюсь, весьма, весьма схоже. Вроде того сам виноват, сучёныш, поделом тебе!

В том, верно, и заключается расчеловечивание хомо сапиенса, неминуемо оскотинивающегося на войне до состояния прямоходящего мерзавца – в патологической чёрствости, абсолютной безжалостности, безучастности к чужой боли и мучениям. Тем паче после тяжёлой безвозвратной утери любимого глазика. Или ещё чего-нибудь... хм... поценнее. Шайссе! Между тем бесноватый ландскнехт, устав, видимо размахивать руками, отрезал едва живому итальянцу уши, отчего тот бодро сучил ногами и даже нашёл в себе силы жалобно кричать.

– Уймите же его наконец кто-нибудь! – не выдержал сердобольный Ширяев.

– Сам сходи да уйми! Только подумай наперёд хорошенько, оно тебе надо? – прислонившись устало к единственному уцелевшему колесу, Борёк достал из шлема мятую пачку сигарет. – Кто-нибудь желает, бояре?

Закурили. К счастью, огниво не отсырело. Хотя что-то сухое! Судя по всему, папские ребята перезарядились, аркебузы вновь громко и весело затрещали. Одноглазый к тому времени уже выковырял горемыке остатки расплющенных глаз, разорвал рот руками и лишь теперь милосердно медленно резал хрипящее горло.

– Пойду-ка я грохну этого ублюдка! – зарычал Юрасик, хватаясь за меч. – Достал уже, каз-з-зёл! Мамой клянусь, достал!

– Успокойся, Юр! Не лезь под пули! – чуть показавшись из-за спасительной телеги, Вольдемарыч с тревогой высматривал, выслушивал наступившее относительное затишье. – Как пить дать, второй раз пальнут! К бабке не ходи! И потом негоже у стервятника законную добычу-то отбирать. Заслужил, кус раббак! Поглядел бы я, как, скажем, кто-нибудь из нас на его месте себя повёл, мишуген поц! – невесело усмехнулся Пионер. – Может, это тот самый аркебузир, что глаз ему вышиб, кто знает, а? Вообще-то, ежели кто подзабыл, на всё воля Божия. И не важно, имя его Иегова, Иисус, Будда,

Аллах, Кришна или там какой-нибудь, скажем, Амон-Ра. – Философствовал Борёк, покуривая. – Животворящее начало, оно ведь всеединое, согласитесь. Живодёрное, соответственно, по логике вещей – тоже. И коли суждено мучиться макароннику перед смертью, значит так тому и быть. А толстый садюга... Гм! В чём вина наёмника? – всего лишь слепое орудие в руках божьих, дружище. Он своё вскорости и без нас получит. На жалком подобии идиша, повторяюсь, – ин аллем дем виллем готтес, гражданин фон Штауфен ¹⁰⁸! Придёт время, будь спок!

«А-ха-ха-ха-ха-а-а-а!» – воздев руки, невидящий глаз к небесам обетованным, восседая на трупе поверженного врага, победно, счастливо, точно ребёнок, смеялся ландскнехт, и кровь, пот, слёзы текли по обезображенному лицу. Почти сразу же прогремел дружный залп, и вездесущая неутомимая аркебузная пуля размозжила бедняге череп. Мы молча переглянулись.

– Борис, вы меня иной раз просто пугаете! Колдун-кликун, бл*дь! Может, ты цыган, а не еврей? Хотя у вас тоже... своё колдовство... это... каббала... – Юра осторожно выглянул из-за повозки. – Та-а-а-ак... Молодцы граждане ватиканцы! Пехоту почти всю положили. Уже неплохо. Да-а-а-а... А кавалерия? Ничего не понимаю... Были же конники! – опрометчиво поднялся почти во весь рост. – Ага-а-а-а! Вот они, гниды, где! Хорош прохладиться, курортнички!

¹⁰⁸ От In allem dem Willen Gottes (нем.) – Всё в руках божьих.

Вскочили быстренько! И побежали, побежали! Самое время, пока наша доблестная кавалерия на аркебузирова наехала! – одним движением сгрёб нехитрый скарб. – Очень надеюсь, первые номера всё же успели перезарядиться... Банды! – уже на бегу орал Ширяев. – Банды срывайте к ебням!

Бегом, конечно же, было несколько сподручнее, нежели ползком, но тоже, осмелюсь утверждать, миледи, не утренняя прогулка по набережной Сены. И даже не вечерняя! Мы как-то на сборах кросс с полной выкладкой по пересечённой местности в противогазах сдавали. Должен вам сказать – чистейшей воды изуверство! Здесь я сдох гораздо быстрее. Через пару-тройку минут ноги попросту встали. Гм... Как бы это объяснить получше... Мне, видите ли, мадемуазель, доводилось в детстве немножко бегать. ...Вам тоже? ...Прекрасно! Значит, вы меня поймёте. И была, если помните, в числе прочих очень интересная дистанция – шестьсот метров. Не взрослая, конечно же, юношеская. Заколдованная какая-то! Ну никак вашему покорному слуге силы на ней рассчитать не удавалось! Километр значительно проще бежался, ей-богу! Помню, на самых первых своих соревнованиях – открытом первенстве Берлина среди юношей – бодренько так рванул за лидером, только пятки засверкали! Два с половиной круга продержался вполне достойно – на второй позиции. И вдруг хлопбысь! – на последней сотке встал. Точно вкопанный! Встали ноги, не бегут и всё тут! Ощущение очень-очень, признаюсь, неприятное, незнакомое, я аж

испугался поначалу. Еле-еле до финиша дополз. Последним, разумеется. На тысяче, к слову, через день – четвёртый был в общем зачёте. Вполне достойно выступил, между прочим, на приличный разряд сдал. Во-о-о-от... Здесь приблизительно то же самое произошло. Чертовски устал к тому времени, как-никак шибко событийный денёк выдался. Было, согласись, с чего притомиться! Отстал, от своих отбился, короче, ковылял, что называется, «на зубах». Арьергард отступающих испанцев – вот они, близенько уже, метров пятьдесят от силы осталось, а у меня красные круги перед глазами поплыли. Ещё пять, десять, пятнадцать метров... Сзади конский топот неумолимо настигает, чувствую, всё, пиз*дец, отбегался! Фикен кетцен, как говорится, – цу шайссе вирд ницт зайн¹⁰⁹! Останавливаюсь, бросаю кацбальгеры, хватаю что-то длинное, первое попавшееся под руку, кажется, пику, упираюсь ею в матушку сыру землю, стараюсь хоть как-то убитое дыхание восстановить и-и-и-и... Тишина. Беспмятство...

Труднее, неприятнее всего, наверное, вспоминаются именно такие моменты. Тёмные пятна человеческой жизни. Обратная сторона луны. Всегда тёмная. Частичная амнезия. По пьяни ли, после драки или вот после подобного перенапряжения сил. Всегда маленько боязно, не по себе. Что натворил? Чёрт его знает! Друзья-товарищи ведь, согласитесь,

¹⁰⁹ От Ficken Kätzchen – zu Scheiße wird nicht sein! (нем.) – Пипец котёнку – не будет гадить!

почти всегда склонны приукрасить. Да хоть бы и шутки ради, приколышки!

– В общем, очнулся незнамо где, непонятно с кем, окружённый чужими бандами, золотыми замками, красными львами на серебряных полях. Уж не в раю ли? Дудки! Грязновато для рая-то и подванивает зело! Не столь, конечно, дурно, как у лягушатников, но тож отнюдь не лавандой. Ба-а-а! Знакомые всё толедские птички! Братья шпанцы, вилькоммен! Говорят, своими ногами притопал. Убей меня, не помню! Врут, наверное. Очевидцы утверждают, именно моя пика выбила из седла злополучного Гастона де Фуа. Эскорт его рассеяли, самого же изрубили алебардами. В бифштекс! Четырнадцать смертельных ударов! Э-э-эх! Жаль парня. Не в силах сие ни подтвердить, ни опровергнуть. Единственно, что могу утверждать совершенно определённо, – не хотел. О майн гот, я не хотел! Бес попутал! Ищ бин ништ шульдищ, ер ист гекоммн ¹¹⁰! Никто ведь не знал, что именно юный Гастон нас преследовал, клянусь здоровьем покойной бабушки рейн-вестфалки!

– А то что?

– Ну... Как-то, наверное, можно было бы и поаккуратнее с командором обойтись.

– Ха-ха! Обаяшка! Тогда б они тебя самого точно... того... В бифштекс, блин горелый!

¹¹⁰ От Ich bin nicht schuldig, er ist gekommen! (нем.) – Не виноватый (-ая) я, он сам пришёл!

– Давай обойдёмся без сослагательного наклонения, ладно, душечка?

– Вот-вот! И я о том же. Ха! Душок! Кстати о птичках. Хм! Толедских, если тебе так больше нравится. Перекусить не желаешь?

– Может, чуток попозже, а? Недавно ведь кушали!

– Твои душещипательные истории возбуждают во мне зверчайший аппетит! Мур-р-р! И вообще возбуждают!

– Не время сейчас!

– Жду не дождусь, котёнок! Надеюсь, ты не из дрезденского «Динамо»?

– Бегал, кстати, именно за него. Хе-хе!

– От меня хрена лысого убежишь, мазафака! Да и некуда тебе, малыш, особо бежать-то.

– Да в общем-то и незачем, малышка моя. Какой резон, скажи, пожалуйста, от тебя бегать, а? Ты же не кусаешься. Хм! Скорее, наоборот.

– Уверен? Ха! Да было бы тебе известно, очень даже кусаюсь! М-м-м-м! И царапаюсь. Юрку спроси, уж он-то знает!

– Ё-моё, время-то сколько натикало! Шайссе! Пора закругляться, дорогуша, а то мы так и до утра не закончим. Кстати, как там наш Хрюкотаньчик разлюбезный поживает? Жив ли, здоров? Совсем забыли болезного.

– Да-а-а-а, – безнадёжно махнула Жанин рукой, – что с этим бурундуком станется? Знай себе спит бродяга, посапывает! Ты не отвлекайся, не отвлекайся, мил человек! Втра-

вил девушку в историю, так будь добр, выпутывайся теперь! Как там по-вашему, по-плохишски? – диин... диин... Тьфу! Язык сломаешь, пока выговоришь! Диинигн, ди зищ зельбст хельфн, унд зищерн зи ире камерадн! Сподобилась, надо же! Короче, Борзохрюк, милый, имей привычку доводить начатое до конца! А то, знаешь ли, некрасиво как-то получается.

– Не понял? В какую ещё историю?

– А в вашу, душещипательную! Дама на измене ж вся, сам должен понимать! Битый час, поди, если не дольше, с замиранием сердца томлюсь в ожидании искромётного финала шалой вампуки. Это... м-м-м-м... с томленьем упованья... Ну ты понял, да? Короче, как ждет любовник молодой, точнее – любовница, минуты верного свиданья. И что?! Жду всё вот, не дождусь никак! Мазафака!

– А-а-а-а!

– Бэ-э-э-э! Тоже витамин.

– Хорош обезьянничать! Что ещё за замашки детсадовские? Младшая группа, чесслово! До сих пор не повзрослела? – немного поразмыслив, бош принял наконец волевое, трудное, но чертовски правильное решение. – Ну... Ладно... Давай, что ли, чайку? Да с пироженкой! Жрать чего-то дюже захотелось. Ни с того ни с сего, понимаешь...

– Сердце красавца-то, видит твой гот тевтонский, склонно к измене и к перемене несколько больше, чем это всем нам ранее представлялось. Ха-ха! Точнее – желудок! Не находишь, мышастик-какашастик?

– Не понимаю, о чём ты?

– Не юли, котёнок, брось прикидываться-то, под простачка косить, точно бл*душка под весталку! Прекрасно ведь всё понимаешь!

– Скабрёзничать изволим-с? Нехорошо-с! Так вот, что, безусловно, хотелось бы особо отметить, заострить, так сказать, ваше драгоценнейшее внимание, миледи... – проигнорировав назаровское грубиянство, продолжил невозмутимо вещать Роланд, методично напихивая остатками копчёных языков, прочих ужористых мясных деликатесов огромный сэндвич, по нашей народной метрической системе, примерно так в добрую половину стандартного нарезного батона. – Знаешь, моё глубочайшее убеждение – с Гастоном де Фуа уж очень некрасиво поступили! Фактически мы ведь в естественный ход истории грубейшим образом вмешались, дрек мит пфеффер! Негоже, согласишь, исторический процесс-то нарушать, доннерветтер! Жить бы пареньку да жить, небо коптить. Глядишь, Королём бы сделался или, на худой конец, маршалом! Коннетаблем Всея Лягушатника, блиать! Будешь? – явно в расчёте на вежливый отказ предложено было скромненько куснуть и Жанне Сергеевне.

– Буду, а то как же! – изголодавшаяся в нескончаемых словесных баталиях, мамзелька тут же оттяпала львиную долю бутербродища.

– Фигуру бы поберегла! – с запоздалым раскаянием в собственной щедрости, глядя на жалкие остатки суперсэндвича,

страдальчески поморщился фон Штауфен. – Э-э-э-эх, жизнь моя – жестянка! Чайник хоть поставь, коза. Пжа-а-алста!

– Не бойсь, Козлодоев! – мычала с набитым ртом Назарова. – М-м-м-м... Ничегошеньки с фигурой моей не делается. Будь спок! Ха! Вместе, кстати, лишние калории и пожжём. ...Где чайник-то? ...А-а-а-а, кажись, нашёлся. Главное, сам не толстей! Не люблю обрюзгших дядек. Плотненькие, в меру упитанные Карлсончики, эт да – в кайф! Обвислым же, дряблым мужским телесам – отказать! Напрочь!

– Ой, боюсь, боюсь!

– Чего это ты боишься, Аника-воин?

– Грубиянка, понимаешь!

Некоторое время Жанин молча шарилась по кухне в поисках ещё каких-нибудь недоеденных вкусняшек, дожёвывая бутер и заодно подбирая нужные слова. В результате ничего убедительней не придумалось, как то:

– Зато в постели, чтоб ты знал, я ласковая и нежная, а бёдра мои сладкие – упруги и шелковисты на ощупь! О как!

– А кто надьсь обещал кусаться и царапаться?

– Так ласково и нежно ж!

Меж тем чайник вскипел к всеобщему удовольствию. Жанна, мурлыча, суежилась вокруг Роланда, лёгкими, как бы невзначай, уветливыми касаниями неторопливо, но настойчиво пробуждая аппетит иной, плотский.

– Чего изволите? – проникновенно ворковала она в самое его напряжённое ухо, едва-едва касаясь пылающих щёк

то губами, то восхитительно пушистыми душистыми волосами. – Вам большую? Маленькую? С молочком? Сколько сахара? Мур-р-р!

– Большую, будь добра, накапай. Уф-ф-ф! – пыхтел бош, стравливая избыточное внутреннее напряжение. – Просто чаю, без ничего.

– Совсем без ничего? – победа, казалось, была так близка. – Может, всё-таки сладенького? Пока Юрка спит.

– Абсолютно без ничего! Оне цукер¹¹¹!!! – сказал, словно мечом рубанул.

– Гм! – лёгкое разочарование сквозило в бархатистом контральто. – Как скажете. Пше прошу, пана. Пейте на здоровье!

Обжигаяще горячий чай на время прервал задушевную беседу. Царь-бутерброд сожран без остатка, до последней крошечки. Жанна Сергеевна, сходу не добившись полной и окончательной победы, отступила на заранее подготовленные позиции и теперича выжидала, готовая в любую секунду сорваться врукопашную.

– Спасибо, Сергеевна, за чаёк! Филен данк! Уф! В жилу пошло!

– Не за что, Ролушка. Битте зер! Водицы студёной чай не жалко, полный кран вона её. Касаемо же мифического вмешательства в исторический процесс, я тут подумала... Осмеюсь утверждать, нет в смерти де Фуа и малой толики вины вашей. Так что успокойся уже и прекрати постоянно буди-

¹¹¹ От ohne Zucker (нем.) – без сахара.

ровать эту тему. Себя корить и других жалобить.

– Как это? С чего такие выводы?!

– Ты же сам совсем недавно Борьку цитировал, помнишь, про ландскнехта и этого, как его... аркебузира? – на всё, мол, воля готта вашего. Не было бы тебя, таки кто-нибудь другой его обязательно б завалил. Видать, срок пришёл парню, ничего не поделаешь, не попишешь.

– Гм! Слабое лично для меня, должен тебе сказать, утешение. Иное дело – Борёк, он в своего сурового бога свято верит.

– Ты вроде тоже уверился в Создателя? После последнего «психохода». Сам же рассказывал!

– Ну... Не настолько. Во-первых: товарищ Манн, как мне кажется, слегка пошалил с эпохами. Нда-а-а-а... И потом, что я там видел? Как братья брата мытарили и в конце концов в рабство продали?! Замечательная история! Весьма, весьма жизнеутверждающая! С самим Создателем, конечно же, не встречался, мордой, видать, не вышел, не Моисей, но-о-о... Гм! Честно признаюсь, присутствие чего-то эдакого... как бы это получше объяснить... м-м-м-м... всеобъемлющего, что ли, ока некоего, так сказать, всевидящего... да, да, пожалуй, подходящее словцо – именно всевидящего! – ощущал на себе всю командировку постоянно. Знаешь, какие на обороте однобаксовых купюр над пирамидками рисуют? Типа того! Хе-хе! Физически, кожей, можешь мне поверить. Очень неприятные, должно отметить, ощущения, кунштка-

мерные какие-то, словно в аквариуме торчишь на всеобщем обозрении, будто тварь диковинная. Голый и смешной! Фу! Омерзительно!

– Осмелюсь предположить, тут и сказке конец? А кто слушал...

– Как пожелаете. Любой каприз. С чего начали, поди, и не вспомнишь уже?

– Отчего ж? М-м-м-м... Если мне память не изменяет, с вашего зверчайшего суперконнектора, дурацкого кавалериста в полном... этом... обвесе с кувалдой, ещё какой-то чуши лох-несской. Кажется, так.

– Темнота дремучая! Хе-хе-хе! – сотрясся тевтон в приглушённом смехе. – С палицей, а не кувалдой! А вообще-то хорошая у тебя память. Прямо на зависть некоторым!

– Не жалуясь! Закругляемся? Ширяева бум будить?

– Тебе, что, уже стала понятна взаимосвязь глубокой модернизации имени Маракова психоконнектора Рубина с событиями под Равенной? Неужто?!

– Не-е-ет. А она вообще существует, связь эта пресловутая?

– Разумеется! С чего бы я так завёлся?

– Вот и я думаю, с чего бы? Поболтать, наверное, очень хотелось.

– Так-то оно, отчасти, так, но всё-таки...

– Хорошо, хорошо! А долго ещё?

– Что ты, что ты! – замахал бош руками. – Какой там!

Самый конец уже! Феерическая... кульминация! Ты ведь её ждёшь?

– Поторопился бы маненько, дружок! Уж новый день грядёт...

«Уж новый день грядёт, восток зарёю тлеет,
Прохлада сумерек теснится зноем дня,
Вкусивши чувственных утех, тела, сплетаясь, млеют,
Нагою красотой бесстыдный взор маня.

Застыли отзвуки ночных блаженств альковных
На скомканных в соитии простынях,
Печать Венеры – поцелуй нескромный —
Улыбкой замер предрассветной на устах.

Пускай сегодня всё пойдёт неровно,
Фортуны клясть не стоит сгоряча.
Восславим дар Судьбы – страстей огонь любовных —
И станем дальше жить, в себе его храня.»¹¹²

– В общем... Дальше, чтоб ясно было, до какого-то момента будто туманом всё окутано. Шли куда-то, неведомо куда, от кого-то чем-то отбивались, снова шли, брели, отбивались. Солдаты падали изнемогшие, раненные мёрли пачками, словно... – судорожно сглотнул, даже голос, казалось,

¹¹² Юлия Дии, «Утро любовников».

дрогнул слегка, – понимаешь... словно свечи на ветру гасли... Шайссе! Непонятным образом в руках вновь оказались привычные мои короткие мечи, позже выяснилось – Борька, молодчина, подобрал в свалке, сохранил, после сунул мне. И ты, верно, сильно удивишься, но я этими коронными кац-бальгерами, находясь в каком-то полуобморочном, бессознательном состоянии – зомби фактически, ни хрена ведь не соображая! – уйму народу тогда погубил!

– Всего не удивлюсь, мой дорогой! А вы, однако, чертовски сентиментальны, гражданин фон Штауфен! – погрозила она пальчиком кокетливо. – Неожиданно, честно говоря, весьма неожиданно!

– ...Окончательно пришёл в себя, если можно так сказать, уже много позже, когда уставшие, просто вкрай измученные, мы наконец-то добрались до маленькой разорённой, напрочь вымершей деревушки – Молиначчо. Даже бездомные собаки, верные фанаты войны, и те её покинули с тоски! Представляешь? Фак! Ни единой живой души! Из местной живности, само собой разумеется, ни кошечки, ни мышки! Толпы молчаливых, изодранных в кровь, угрюмо отступающих камбрейцев, естественно, не в счёт! Не эндемики, хе-хе! Шахер-махер, понимаешь...

Роланд встал, потянулся, вытянув перед собой руки, три-четыре раза крепко сжал пальцы в кулаки, затем некоторое время массировал уши, почесался где нужно, медленно подошёл к окну. Восток и правда зримо уже тлел зарёю, но

спать почему-то совершенно не хотелось. Вероятно, оттого, что где-то там в полутьме комнаты – шайн он ю крейзи даймонд ¹¹³ – поджидала, затаясь, обворожительная Жанин Сергеевна, и в свете последних событий хорошо бы уже призадуматься, как с наименьшими имиджевыми потерями выкрутиться из сложившейся непростой, скажем по-роландовски, аховой ситуасьён, не ударив притом в грязь лицом перед ней самой и не предав, с точки зрения общепринятого, разумеется, моралите, друга своего – Гульбария, вероломно переспав с его любимой женщиной. «Моргенрот мит реген дрот ^{114!}!» – пробормотал фон Штауфен, пытаясь высмотреть в пламенеющих небесах хоть какую-нибудь подсказку, намёк, указивочку. Довольно быстро придя к весьма неутешительному выводу о тщетности этих своих попыток, вздохнув с лёгкой грустью, вернулся к прерванному разговору:

– Э-э-э-эх! Ещё не спишь? Слушаешь? Ну, ладно. Французы меж тем, осознав, наконец, абсолютную бесперспективность преследования разбежавшихся по окрестным куширям, неплохо, отметим, ориентирующихся на местности, солдат неприятеля, благоразумно вернулись под стены многострадальной Равенны, дабы оплакивать гибель командира, весело пировать, убивать, насиловать и, соответственно,

¹¹³ «Shine On You Crazy Diamond» (вульг. рус. Сияющий блеск твоего безумного бриллианта) – композиция английской прог-рок-группы Pink Floyd с концептуального альбома Wish You Were Here (1975).

¹¹⁴ Morgenrot mit Regen droht (нем.) – Утренняя заря дождём грозит.

грабить. Что, в свою очередь, позволило злым испанским недобиткам чутка передохнуть, расслабиться, зализать раны, а некоторым индивидам заодно и по злосчастному Гастону де Фуа малость взгрустнуть. Но... Может, оно кому что и довелось, только как раз-таки не тем самым хорошо известным тебе троим бедолагам! Здесь особая статья! Кто бы сомневался, дрек мит пфеффер! Не успели мы свои смертельно уставшие жопы хоть как-то куда-то прислонить, гляньте-ка, оба-на! Все флаги в гости к нам! – взвод итало-шпанских пехотинцев пришлёпал: будьте добры, быстренько пожалуйте-ка к некоему важному сеньору на толковище, и пошевеливайтесь там, говорят, господа ждут-с и сильно не в духе, фикен его! Оно и понятно, будешь тут не в духе, когда звездюлей только что огрѐб по самые тестикулы! Холи ш-ш-шит! До утра, что ль, подождать не мог?! Хурензон, доннерветтер! К сожалению, мало-мальски приемлемых альтернатив в среднесрочной перспективе, сама понимаешь, не просматривалось, пришлось тащиться. Благо недалече оказалось. Сопровождали нас... Гм! Или конвоировали? – чёрт их разберѐшь! – без хамства, но и дружелюбия особого не проявляли. Так, в полнейших смутных непонятках, и доставили ко двору господскому, единственному, наверное, чудом уцелевшему строению в округе. Грхм!

– Ролик, милый, м-м-м-м... – проговорила Назарова в глубокой задумчивости... – Я вот всё никак в толк не возьму... Что значит – «огрести по самые тестикулы»? Как это

вообще физически, так сказать, в натуре выглядит, а?

– Хорош уже воду мутить, Сергеевна! Дурочку выключи!

Впервые слышишь, что ли?

– Нет, конечно, но когда-то ж надо разобраться, наконец!

– Сходи во время самоподготовки на Кафедру русского языка, там тебе разъяснят. Недосуг сейчас ахинеей всякой заниматься! Меня понимаешь?! Холи ш-ш-шит!

– Злой ты, дядя фриц, и неженственный!

– Злой? Я?! Чья бы бурёнка мычала, Мисс Сама Доброта! Слушай-ка лучше сюда. Грхм! Короче, впустили нас почему-то одних, пехотинцы, все как один, снаружи остались. Мне тогда это дюже странным показалось! Дальше точно в дешёвом рыцарском романе, хе-хе! ...Посреди единственной комнаты, – зажав нос пальцами, голосом Лёни Володарского ¹¹⁵ прогнусавил фон Штауфен, – служившей исконным хозяевам, судя по всему, и спальней, и кухней, и гостиной, и всем-всем-всем, включая... м-м-м-м... нетрудно догадаться, сортир, за огромным грязным, грубо сколоченным столом в круге мерцающего света одинокой свечи, бессильно уронив голову на руки, сидел рыцарь, облачённый, как все-все-все уже, наверное, догадались, в прекрасный миланский доспех. Из стоявшей перед ним простецкой глиняной лохани изящно торчала вчистую обглоданная баранья косточка. Настолько вчистую, словно, добытую археологами из самых

¹¹⁵ Леонид Вениаминович Володарский (20.05.1950 г.) – всенародно любимый советский и российский переводчик, писатель, радиоведущий.

глубинных недр земных, само Его Величество Время в течение долгих тысячелетий обтачивало и отбеливало её. Н-н-нда... Ба-а-а-а! Какие люди! Я ещё гербы толедские в полутьме как следует не разглядел, а уж понял, кто передо мной, как лист, понимаешь, перед травой!..

– Одного лишь понять не могу! Ха-ха! – прыснула в кулачок насмешница Жанна Сергеевна. – По каким таким ярко выраженным гендерным признакам, позвольте полюбопытствовать, вы его, батенька, идентифицировать-то умудрились, а?! Он, что же это, как вы намерены в доблестных подвигах своих гераклических расписывали, всё такой же... м-м-м-м... расплюмаженный, что ли, был? Прикид узрели знакомый? По всему выходит, так прямо в шлеме с пёрышками, варежках железных на стол и рухнул, неряха? Типа с дуба?! Или, может, по косточке большой берцовой обглоданной определили?

– Откуда в вас столько желчи, милейшая Д’Жаннэт, а? Ну вот откуда? Я так, между прочим, не Сниф, сударыня, свои зарубки боевые от других мартышек-то уж точно могу отличить!

– А-а-а-а, зарубки...

– Бэ-э-э-э, они самые!

– И вы туда же, Роланд? Взрослый дядечка, а ведёте себя, как...

– Как вы, Жанна Сергеевна, всё как вы. Иногда ведь, согласитесь, и пошалить не грех!

– Ха! Да ежели б вы хоть половиночку, пусть треть, четвертинку делали как я, милостивый государь, шалили, так сказать, уверяю вас, из постели бы моей вообще не вылезали! Каждый миг интимной со мной близости словно рыба воздух ртом хватала бы! И вообще, должно отметить, почаще грешить не мешало б вам, уважаемый! Ладаном, знаете ли, что-то зело в последнее время подванивает! Мазафака!

– Гм! Чем тут и от кого подванивает, ещё принюхаться надобно... М-м-м-м... Короче, закрыли темку ароматную! Но мне отчего-то кажется, он бы тебе очень понравился, этот самый рыцарь образа малость печального. В твоём вкусе мужчинка.

– Кто? С чего ты взял?

– Ну-у-у-у... Во-первых, совсем ещё молодой парень оказался. Разумеется, звук гремящего об нас на все лады железа взбодрил-таки юношу. Странно было бы чего-нибудь другого ожидать, да? Во-о-о-от, значит... Голову бедняга еле еле оторвал от стола, тяжелы, видать, думы окаянные! Гляжу – ух ты! – Борькин или даже Юркин ровесник! Годков эдак двадцать пять – тридцать, пацан, короче, сопливый! Не ожидал-с, никак не ожидал-с! Бился-то прям как взрослый! Орёл, думм его копф! Помнишь, упоминали его вскользь? «Хгы!», «Хгы!». Он самый как раз и был. Слава богу, от мокрухи уберегло! Я в душе аж перекрестился, хоть и нехристь. Огромное облегчение испытал, поверь, животом клянусь!

– Интересно, Ролушка, у тебя с животом получается, тьму

народу в окрошку, по ходу пьесы, нашинковал и вдруг ни с того ни с сего креститься вздумал?! Приспичило, блин корявый! С чего бы это? Внезапный приступ человеколюбия колбаснул? Ага! Ха-ха-ха! Обхохочешься!

– Ага, не ага, объяснений тому нет у меня. Значит, по жизни так надо было. Во-вторых... Что ещё сказать? Фигура хорошая, атлетичный весь из себя такой. В общем, по моему разумению, весьма симпатичный молодой человек...

– Атлетичный? Пуф-ф-ф! Сквозь железо разглядели? Янки вона тоже, когда щитками обвешаются, точно бешеные армадиллы, и местный свой футбол дурацкий исполняют – жалкое подобие регби, понимаешь, с виду все, как один, – Шварценеггеры-терминаторы, а разденутся, так и глянуть не на что! Одни понты! Иное дело – регбисты! Богатыри – не вы! Олл Блэкс форева! Тут такая штукавина, значит... Внешность юноши для интересу, что ли, описал бы, сказитель хренов! Да хоть бы лицо. Словарного запаса, надеюсь, хватит?

– Без сомнения, моя госпожа! Просто словоблудием худо владеем мы. Но я буду очень, очень постараться! Хоть и хренов. Грубиянка! Хм... Внешность? Это, наверное, можно, дело нехитрое. Для начала представь себе слегка удлинённое, типичное лицо жителя Пиренейского полуострова – испанца или, скажем, того же португальца. М-м-м-м... Что значит типичное? ...О! Рембрандта читала?

– Кого, кого?! Мазафака! Ты чего гонишь тут, парниша?!..

– Хе-хе! Простите, бога ради, миледи, оговорился! Сервантеса, конечно же! Как правило, на первой странице любой книжки этого господина его же портрет и красуется. На фронтисписе. Есть такое умное слово. Вспомнила? Да не слово, дурындасинка, Сервантеса примерное обличье! Во-о-от... Только у него борода клинышком, козлиная такая, и усики садистские противеньские, а у сидящего за столом гражданина – не шибко длинная, зато окладистая и по всей морде лица. Нос, значит, в отличие от горбоносого Мигеля-то нашего Сааведры, прямой и крупный. Глазищи воловьи, но без поволоки, глубокие, дерзкие! Жёсткая складка промеж густых бровей. Да уж, решительный, видать, господин! Губы довольно крупные, чувственные, и вообще, облик имел, скорее, горячего необузданного мавра, нежели аристократически утончённого испанца. Ну... Где-то так. Понравилось?

– По правде говоря... как-то всё не очень... конкретно, что ли...

– Есть идея! Старое кино помнишь? Был в приснопамятные времена прекрасный актёр... Как его... Кажется... Кажется, Дворжецкий. Да, да! Владислав Дворжецкий! С ним в числе прочих фильм старый есть, ужасно наивный, но клёвый – «Капитан Немо». Где Владислав Вацлавович самого Нему бородатого и играет. Я в детстве от него просто-таки тащился! Очень харизматичный дядька! Есть, согласись, в том, давнишнем синематографе нечто трогательное, стоя-

щее, не то что нынешний психосуррогат на потребу неискру-щённому плебсу с выпученными глазами, попкорном и бан-кой колы. Смотрела иль нет? Колись, красава!

– Здесь, Братец Кролик, ты в самую точку угодил, блин горелый! На первом курсе из академической видеотеки по-чти все фильмы с его участием перетаскала. Хм! Благодаря знакомцу одному с Кафедры истории искусств. И «Бег», и этот... «Со-о-оплярис», да... Кажется, так!

– Что, что?! Хе-хе-хе-хе! – безудержно заржал фон Шта-уфен. – Это в носе у тебя соплярис! Хе-хе-хе-хе! А фильм Тарковского «Солярис» называется! Хе-хе-хе-хе! Со-ля-рис! Безо всяких там соплей! Хе-хе-хе! Уморила старика, бестол-ковка! Соплярис, бл*дь! Хе-хе-хе! Это ж надо такое выду-мать! Хе-хе!

– Ну и пусть бестолковка! «Земля Санникова» ещё и, кстати, «Капитан Немо», целых три серии, кажется...

– Вот, вот! Помнишь Нему, да? Хе-хе-хе! Соплярис! Гы-ы-ы!

– Хватит ржать уже, ни черта не смешно!

– Да, да, не смешно! Но смеяться почему-то очень хочет-ся! Уф! – с трудом овладел собой Роланд, утирая слёзы. – Хе-хе! ...В общем похож на Дворжецкого, только лицо у на-шего рыцаря не такое скуластое, чуть более вытянутое, лоб пониже, глаза почти чёрные, взгляд свирепый, шрамы там всякие... Ну и губы у Владика маленько подкачали, понима-ешь, форма не та.

– Владислав Вацлавович, бесспорно, для своего времени ну очень импозантный мужчина был!

– Я же говорил, тебе понравится! Можно продолжать? Во-о-о-от... И произошёл между нами весьма содержательный разговор на чистейшем испанском, разумеется. Привожу его в лицах по памяти, уж не обессудьте, барышня, ежели что-то где-то приукрашу малость:

– Присаживайтесь, сеньоры, присаживайтесь! Прошу извинить за спешку, но дела, как говорится, не терпят отлагательств. Вас, кстати, не удивляют немного странные обстоятельства нашей встречи?

– После всего случившегося, – Юрик, как обычно, весь из себя на корявых понтах, – нас вообще уже трудно чем-либо удивить! Дон... Простите, как вас?

– Дон Кихот, к вашим услугам!

Вот уж удивил так удивил, бл*дь! Конкретно! Заметив среди нас явное искреннее замешательство, напрягся слегонца:

– Отчего ж это, позвольте любопытствовать, сеньоры, – взгляд его стал жёстче, – имя моё вызывает у вас столь неподобающее случаю недоумение, а?!

– Что вы! Что вы! – быстренько нашёлся Борёк. – Прекрасное звучное имя! Дон Ки-и-и-хот! Это великолепно! Это звучит... гордо! Дон Ки-и-и-хот! Надо уважать Дона Кихота! – здесь я с огромным трудом, поверь, сдержался, дабы не заржать. – И, поди, Ламанчский, да? – будто бы спохва-

тившись, зажал рот ладонью и тут же заговорщицки снизил громкость почти до шёпота. – А если честно? – коротенькая психопауза. – Вас как по-настоящему-то кличут, а, сударь?

– Уймись, Борь! – Иваныч даже испанским не утруждался, по-нашенски шпарил, по-плохишски. – Хорош уже юродствовать, забодал!

Немая сцена. Те же и Мартын с балалайкой. Отголоски бури эмоций, моментом промелькнувшие на усталом молодом лице, с головой выдали сиюминутные душевные треволения:

– Кто вы такие?! – судорожно схватился за меч. – Французские шпионы?! Германские?! Прислужники Сатаны?! Откуда столь дьявольская осведомлённость?!

Уф! Ну наконец-то! Что ж, друзья-комарики, не всё только нам переживать да удивляться! Пушай теперь тож повыкомаривается! Спокойствие, однако, – залог успеха. Никто из «гостей» и не шелохнулся. Чего дёргаться-то? Один супротив троих?! Куда там! Убить паренька – секундное дело, икнуть не успеет!

– Просто лично мне, например, показалось, милостивый государь, что вы чуточку лукавите! Слегка, так сказать, передёргиваете! – удалась-таки Борьке зачётная попытка обезоруживающе искренне улыбнуться.

Ох удалась! Bravo! Как, наверное, ни разу в жизни доселе не улыбался, даже на юбилее любимой тёщи, где именно ведь ему, собаке страшной, подвернулась оказия громогласно озвучить весьма пикантный возраст молодящейся, конечно же, но вполне себе ещё ничего, подтянутой, чертовски соблазнительной блондинистой дамы.

– Лукавлю? Гм... Что ж, и то верно! – к всеобщему облегчению отставил меч в сторону. – Я здесь на самом де-

ле инкогнито. Командую... теперь уже... небольшим отрядом толедских пехотинцев. Дон Хуан Лопес де Падилья к вашим услугам, господа! – последовала неуклюжая попытка привстать и поклониться. – Единственная просьба, пусть всё останется строго между нами! Договорились?

– Не извольте беспокоиться, милорд! Могила! – браво отсалютовал я. – Имею честь представиться – Роланд фон Штауфен! – и тут же прогнал исключительно, поверьте, милая Жанин, для солидности. – Барон фон Штауфен! А это мои соратники. Из восточных славян. Оба – люди высокородные, князья-с. Имена, поверьте, ничего вам не скажут, мой господин, но на всякий случай – Юрий и Борис. Из Долгоруких, так выходит, и, значит, Годуновых, ежели мне память не изменяет.

Кто меня, спрашивается, за язычище-то тянул? Хе-хе! Сей же момент очередной, чёрт-те какой раз убедился в крайней вредоносности пустого бахвальства. Тупой и ещё тупее!

– Варвары? ...Целый баро-о-он? Князья-а-а? О-о-о-о! Грхм! Да за вас, друзья мои, знатный выкуп истребовать не мешало бы! – последние слова, признаюсь, породили во мне некоторую нервозность и смятение чувств. – Но... Вы вроде не пленники. – С трудно скрываемым сожалением заметил Хуан Лопес. – Пока. Нда-а-а-а... Язычники – знатные воины! – внимательно разглядывая нас исподлобья. – Колдовству, поди, обучены? Заговорённые?! – воодушевил-

ся вдруг. – Так ведь и на костёр угодить недолго!

– Что ещё за колдовство?! Почему колдовство? Христиане мы. – Пришлось перекреститься для пущей убедительности. – Вот те крест! Истинные христиане!

– Позвольте усомниться! Я вам между лат не единожды крепко попадал. Припоминаете? Вы, сударь, заживо кровью должны были истечь! И что же? Здоров, точно бык перед случкой! Тоже небось заговорённый?! Как пить дать!

– Поверьте, ничего сверхъестественного, мон шер ами! – бодрячком встрял в разговор Боря, с готовностью демонстрируя торчащую из-под доспеха композитную кольчугу. – Вот, смотрите-ка, уважаемый! Всего лишь поддёвочка козырная, тельничек, так сказать, кольчужка работы-ы-ы... по-моему-у-у... Адольфа из Рансхофена! Его, его! Можете при желании руками потрогать, ежели сомнения излишние обуревают. У всех нас, кстати, схожие имеются. Она и уберегла. Зуб на холодец!

Ничто, вне всяческого сомнения, не сближает мужчин, тем паче – brutальных, лучше, нежели увлечение металлом в любых его ипостасях, будь то: блёсны рыболовные, зажигалки, автомашины, различный инструмент, ножницы парикмахерские, значки, мотоциклы, гаечки, гвоздики, шурупчики, жетоны, монеты и, конечно же, оружие! Какого альфа-самца, скажите на милость, не возбуждает блеск режущей кромки традиционного японского ножа или, скажем, гладкая холодная воронёная оружейная сталь? А?! То-то же! Первым де-

лом, разумеется, они! – самолёты! Ну а что же девушки? С глубочайшим прискорбием вынуждены констатировать, девушки в очерёдности со всякими там железяками – увы! – на потом.

– Гм! Тонкая работа! – со знанием дела оценил Дон Хуан. – Кто таков этот Адольф? Не слыхивал о нём.

– Да так, один молодой оружейник, совсем недавно обосновался в Браунау-на-Инне, – продолжал самозабвенно мести пургу Борис Вольдемарович. – Кажись, ученик самого Адриана Трейца из Инсбрука.

– О-о-о-о! Трейц – знатный плакировщик! Трефью, кажется, клеймит он доспехи свои, не так ли?

– Точно так, сеньор! А шестилучевая звезда – как раз клеймо лучшего его ученика, Адольфа.

– Припоминаю, припоминаю! Был шелом у меня трофейный... Отличный шелом! Не раз на турнирах службу добрую сослужил. Думали всё, гадали, чьи же клейма-то стоят, а тут, оказывается, вона оно что!

– Клинкам каким предпочтение отдаёте? Хотя о чём это я, ясное дело – толедским!

– Заблуждаетесь, сеньор, мечи предпочитаю тяжёлые, германские. Вы друга своего, мастера фон Штауфена, поспрошайте. Прочувствовал, поди, на себе всесокрушающую силу моего доброго старого эспадона, а?!

Бахвальство, судя по всему, в той или иной мере во все времена присуще рыцарям и иже с ними. Дама сердца у них

завсегда, понимаешь, самая распрекрасная и целомудренная, эдакая Дульсинея Тобосская, конь – жёлто-рыжий Росинант – самый сильный, выносливый и, само собой разумеется, красоты неопишуемой. Припоминаете господина Д’Артаньяна? – тот ещё хлыщ самовлюблённый! Что ещё? Меч вот, как выяснилось, самый разящий. И сам он, рыцарь, куда деваться-то? – просто-таки вместилище благородства и всевозможных добродетелей, тоже, надо понимать, самый-самый-самый! Однако, как правило, смердит, аки дикий зверь! Шайссе!

– Да уж, прочувствовал! – немного к всеобщему удовольствию подыграл и я гражданину де Падилье. – Так прочувствовал, холи ш-ш-шит, кушать теперь не могу!

– Господа, господа! Прошу минуточку внимания! – Ширяеву, похоже, жутко надоело переваривать всю эту фигню. – Простите за бестактность, но позвольте, наконец, определиться уже с целью нашего визита. Устал я трошки, понимаете ли, спать хочется! И, кстати, пожрать очень не мешало бы!

– Согласен! – я, разумеется, поддакнул.

Насчёт кушать, уж простите, – голимое лукавство. Жрать реально хотелось. Мучительно! Бе-зум-но! Бутербродишко-то свой, лишь только ржавое ведро возможность подвернулась с головы снять, каюсь, мигом схомячил украдкой в одну харю! Стыдно! Бес попутал! Теперь вот к мукам совести прибавилась вдобавок попытка голодом. Голодомор ка-

кой-то, хундерт швэнце!

– Твоя правда, воин, нужно торопиться! Так вот... – Дон Хуан на мгновение задумался. – Посетила меня накануне битвы Святая Касильда Толедская...

Снова умолк, будто давая возможность восторженным слушателям проникнуться необычайной важностью сказанного. Кто же, право, не знаком со Святой Касильдой Толедской?! Скажет тоже! Не очень-то мы, положи руку на сердце, прониклись, но заинтересовало. И что дальше?

– ...Не во сне, как это со многими случается, но наяву. Прилёг отдохнуть пред битвой, глаз ещё не сомкнув, гляжу, молодая женщина красоты необычайной явилась посередь шатра. Откуда взялось чудо сие?! – удивлённо развёл руками. – Возле входа – охрана многолюдная. Лагерь полон наёмников. Людишки эти, сами знаете, – скоты, иные к матерям-то ни малейшего почтения не испытывают! А тут такая красота... Страшна участь женщины, попавшей к ним в лапы!

Ей-богу, прав хороняка, шагу бы не ступила! Прямо там в грязь и завалили б! Насмотрелись мы ужастиков в Брешии! Бр-р-р-р! Зрелище, мягко говоря, не для слабонервных! Вонючая перезрелая сперма, смешиваясь с грязью, кровью, нечистотами, заталкивалась в обречённые на страшную муку женские лона десятками, сотнями огромных, алчущих победной похоти, ужасающе распухших от страшной антисанитарии и венерических болезней фаллосов под утробный

гогот глумящихся выблядков, пока, наконец, смерть не избавляла несчастных женщин от дальнейших страданий.

© Б.Собеседник & Юлия Дин

Галия

Некоторые, на свою беду, выживали... Ужас! Холи ш-ш-шит!

– ...То была Сарацинка, я сразу понял, ибо прекрасные розы благоухали в руках её...

А вот с розами – явный перегиб вышел! Чем это, интересно, он вчера набухался? Может, накануне сражения галлюциногенов каких откушал средневековых, доселе неизвестных? Мухоморов местных курнул? Викинги дикие, поговаривают, отварами из грибочков баловались перед боем, чем благородный ибериец хуже, фикен его? Да ничем! Любопытно, весьма любопытно! Поинтересуемся при случае.

– ...Хотел было встать, принять даму подобающе, вина предложить, откушать, чем бог подал, передохнуть с дороги. Да не смог, сила незримая удерживала меня на ложе. Так и лежал распластаный. Тогда-то и поведала Святая Касильда мне, бездвижному, о троих чужеземцах невиданного доселе воинского умения, говорящих на варварском наречии, и что начнём битву мы врагами лютыми, а закончим – в сомкнутом строю, плечом к плечу, и стану я свидетелем бесславной гибели непобедимого Гастона де Фуа, падёт же он от рук тех самых варваров, пришедших издалёка. И не дойти туда простому смертному, не добраться, птицей не долететь перелётною. Точно описала вас, ошибиться невозможно! Велела, лишь только битва свершится, помочь чужакам добраться до Форли. Не раздумывая! Гм... После исчезла. Напрочь! Хоть

я взывал к ней вновь и вновь.

– Форли? Зачем именно Форли? – казалось, Юрий Иванович слегка озадачен. – Там что, есть «психушник»? – тут же безотчётно съехал в запале на какой-то алеманский диалект. – Мужики, кто-нибудь когда-нибудь заходил через Форли?!

– М-м-м-м... Есть, говорят... В заброшенной кузне, прямо за харчевней, что напротив Рокка-ди-Равальдино. – Как-то уж очень нехотя отозвался Борёк. – Недели за две до командировки апробировали.

– Кто ходил?

– Ну... Я... – прозвучало ещё более неохотно.

– Борь! Вы ох*ели, что ль, все?! Мне-то почему никто ничего не сказал?!

– Тебе не положено!

– Как это?! – чуть не задохнулся от возмущения Ширавев. – Кто тут старший группы, я или?!..

– Никто, кроме меня и весьма ограниченного контингента из Управления перспективных разработок, не должен был ничего знать. Да и я-то – попка-дурак, всего-навсего естествоиспытатель! Белка со Стрелкой в одном стакане, бл*дь! Куш а бэр унтэрн фартэх ¹¹⁶! Всё очень, очень секретно и никакого, кстати, касательства к учебному процессу. Так-то, господин старший по гарему!

– Нда-а-а-а, допрыгались жопы, доскакались по верёвоч-

¹¹⁶ Транскрипция с идиш – поцелуй медведя под фартук.

ке... – услышав о неких таинственных «перспективщиках», враз притих Юрий Иванович. – Тогда, принимая во внимание, что прежним путём через Равенну вернуться нам вряд ли удастся, Форли, пожалуй, наиболее, я бы даже сказал – хм! – единственно подходящий вариант. Сколько туда шкрябать-то? Километров двадцать пять – тридцать, говоришь? В нынешних непростых условиях – денёк пути гужем. Верховом-то оно, конечно, сподручнее, да зело беспокойно!.. Стоп машина! Ежели всё столь секретно, откуда ж тогда наш чудаковатый Падилья об том прознал? Никто здесь, надеюсь, всерьёз не думает, что какая-то там дева мифическая реально за нас, душегубов, впряглась?! Особливо на фоне сегодняшних... гм... «подвигов»! Хгра-а-а-а! Хгра-а-а-а! – весьма схоже изобразил Бориса. – Ни в жисть не поверю, бубёнить! Тем более – Святая!

– Эй, мужики! Вы бы это... Короче, за базаром следите! Человек по фене нашей не ботает, а от него в сложившейся аховой ситуасьён кое-что да зависит. Многое, кстати! Давайте-ка по-кастильски лучше шпрейхайте!

– И то верно! Премного извиняемся, дражайший Дон Хуан! – Борис Вольдемарыч привычно сардоничен. – Уж не взыщите, мил человек, погорячились, мигом исправимся!

Не обращая особого внимания на Пионеровы глумления, испанец с трудом поднялся и как-то кособоко, скрипя скелетом, сильно хромая, удалился вглубь убогой комнаты. Там молча, долго копался в объёмистом выюке. Пахнуло тухля-

тиной.

– Неслабо ты его покорёжил, Ролушка! Ох неслабо! – вполголоса пробормотал Юра. – Ишь как беднягу раскорячило-то, что ту корову в бомболуке!

– Тише ты! Не видишь, что ли, гордые оне!

– Так я ж не по-ихнему!

– Прошу вас, сеньоры! – Хуан Лопес де Падиля вновь сидел за столом, глаза его сияли. – Гляньте-ка! У нас есть, чем вас удивить! Не правда ли?

У меня, честно говоря, от изумления чуть глаза на лоб не повылезли! Что это?! Прямо перед ним на куске грубой холстины лежала восхитительная роза! Те же примерно ощущения щенячьего восторга я испытал лишь однажды в далёком детстве безоблачном, когда на день рождения мне подарили новенький блестящий велосипед. Доннерветтер!

– Не силён в вашем тарабарском наречии, господа, однако совершенно явственно услышал нотки пренебрежения к моим словам. С чего подобное неверие? Гм! Неужто и правда похож я на болтуна легковесного?! Пусть я молод, но не пустомеля! Смотрите, смотрите же! Наслаждайтесь!

Прекрасный цветок и без ненужных понуканий приковывал к себе всеобщее внимание. Некоторое время присутствующие озадаченно молчали. Я бы даже сказал, слегка обалдело. Нда-а-а-а... Шок – это, знаете ли, по-нашему! Не помешало бы, конечно, озаботиться появлением в запредельно убогой яви сего расчудесного предмета, однако ни особого

желания, ни тем более сил к тому моменту ни у кого уже не оставалось. Одно лишь тупое бессмысленное удивление.

– Итак, сеньоры! – вполне удовлетворённый произведённым впечатлением, Хуан Лопес, самодовольно ухмыляясь, потирал ручонки. – Присаживайтесь, присаживайтесь! – он, похоже, единственный сохранил дар речи. – Уверовали, наконец, в нашу Сарацинку? То-то же!

Мебель, в привычном понимании, разумеется, ну стулья хоть какие-нибудь там, лавки, скамейки садовые, отсутствовала напрочь. Пришлось бочонки пустые подкатывать, корзины и ещё чёрт-те чего. Я, к примеру, на невесть откуда взявшемся мельничном жёрнове угнезвился. Жестковато, надо полагать, да один хрен, портки-то железные! Сидит заяц, как говорится, на заборе в алюминиевых штанах. Хе-хе! А кому какое дело, что калитка на болтах?

– Уверовали, уверовали! – поспешил согласиться Иваныч. – Мы вас внимательнейшим образом слушаем, господин де Падилья. Помогайте уже нам! – устало пожал плечами. – Форли так Форли.

– Надеюсь, мне воздастся за доброту и праведность? – Дон Хуан с робкой надеждой огляделся по сторонам, будто в ожидании очередной материализации духа госпожи Касильды Толедской.

Тщетно, ясный пень, но чего-то ведь парнишка ждал?

– Всенепременнейше воздастся! – Борёк, похоже, тоже начал терять терпение. – Она случайно не просила вас поторо-

питься, сеньор? Битва давным-давно закончилась, кус имма шельха! А у нас ещё ни в одном глазу, мишуген поц!

– Я дам вам телегу, – в который уже раз Борькино дурацкое ёрничание оставлено без внимания, – двух свежих лошадей и возницу, отменно знающего здешние края. Избегайте людных мест. Капра-а-ал! – заорал он хриплым простуженным голосом. – Сюда-а-а-а!

– Здесь, сеньор!

– Выдать господам мои личные банды! Исполнять! Ж-ж-живо! – повернулся к Юрию. – Ваш пропуск в камбрейский Форли. Советую по пути ими не размахивать. Война, знаете ли, дело лихое, мало ли кто на дороге встретится... Банды какие... Хотя... Гм! Скорее, это будут их проблемы... Город же, как говорят, пока ещё за нами. Ну вот, наверное, и всё, более мне вам вроде помочь нечем... – задумчиво оглядел присутствующих. – Зачем я это делаю? Бог знает! Выдвигайтесь немедленно, отдохнёте в пути! Доспехи не снимать! Да хранит вас Святая Касильда!

– А пожрать? – кто о чём, Борёк, как всегда, о самом насущном.

– Пусть молодой князь останется моим гостем, ладно? Году-нов, если не ошибаюсь? – С каким-то нездоровым придыханием тихо просипел командир толедской пехоты. – Поверьте, мы здесь живо выучим его хорошим манерам!

– Уймись, Вольдемарыч! – на взбешённом Ширяеве в пору яичницу было жарить. – Я тебе сейчас, бл*дь, собствен-

норучно башку откручу, мамой клянусь!!!

– Молчу, молчу! – наглая Борькина ухмылка подчёркивала невиданную глубину раскаяния.

Короче, милая Жанин, часа не прошло, как мы с огромным облегчением покинули гостеприимную... Или гостеприимное?.. Может, гостеприимный, что правильней?.. Русский-то язык великий, а я – бедный немец... В общем, свалили нах из богом забытого Молиначчо! Само собой, у Юрия Иваныча сей же момент произошёл с Пионером-Борькой нелицеприятный междусобойчик, но ты же Бореньку нашего прекрасно знаешь, всё охламону монопенисуально! Шайссе! ...Кофейку для бодрости не желаете? ...Сама сварить? Похвально, похвально! Жахнем с горя, где же кружка? Сердцу будет веселей! Да хоть бы и растворимого! У Юрки, кстати, пошарься там, финский «Нескафе Культа» где-то заныкан. Уж не знаю, откуда в знойной солнечной Лапландии кофе, но пошло вполне приличное, дрек мит пфэффер! Пить можно!

Кстати, ежели вам, дорогие сограждане, посчастливится когда-нибудь надыбать настоящего родного чухонского «Культа», настоятельно рекомендуем последний со сгущёнкой употреблять. Исключительно, смеем вас уверить, приятственный процесс! Выбор молочка сгущённого, будь то «Кореновская», «Алексеевская», «Карламанская» или, положим, «Смоленская», разумеется, за вами и на самом деле не шибко важен, но лично мы настоятельно предпочитаем старую добрую «Рогачёвскую»! Она-то, родимая, и обнару-

жилая в Юркиных сусеках, где её персонажи наши успешно наскребли и тут же с превеликим удовольствием в две живоглотки схавали!

– Уф, хорошо-о-о-о! – хоть бы и потому, что на сей раз Роланда фон Штауфена наконец-то никто грубо и цинично не домогался. – Как тебе кофеёк, Сергеевна, а?

– Замечательный кофеёк! – загадочно улыбалась Назарова. – Здесь такая штукавина, значит... Надеюсь, мои малыши до Форли без особых приключений добрались? – и тут же тихохонько промурлыкала на мотивчик «Нам не страшен серый волк»: – Скоро Юрке в психолод, в психолод, в психолод! Пам-парам-парам-пам-пам пам-пам-пам-пам-пам! Трещи, друг-сосиска!

Да что ж ты будешь делать-то! Неуёмная девушка какая! Держит боша в тонусе, лопни моя селезёнка, ни секунды передышки!

– Гм... Относительно спокойно. Раз несколько пришлось-таки тормознуться, супостатов порубать, но прикемарить пару-тройку часов всё ж удалось. Хоть и не расчехляюсь.

– Пряма так? В железе?!

– Ну да, куда ж...

– Ха! Вонючки!

– Не без того... В Форли притащились, значит, уже под утро. Город не спал. Оно и понятно: невесёлые вести с фронтов, отступающие войска, насмерть перепуганные, бегущие

прочь окрестные жители и так далее, и тому подобное. Всё, короче, смешалось в доме Облонских. Кони, люди, мужики, бабы, утро, вечер, день, ночь, север, юг, запад...

– Стоп, хватит уже! Перечислений.

– Восток... Да, да, конечно! Виноват-с! Короче, припёрлись мы в ту самую харчевню, о которой Вольдемарыч рёк... Ну, это... Что напротив этого, доннерветтер! Как его то бишь?.. Рокка-ди-Равальдино, вот! Ну ты поняла, да?

– Да поняла я, поняла! Дальше-то что?

– Что?! Шайссе! Кушать зело хотелось, вот что! Пожрать просто-напросто зашли! Ерст дер магн, чтоб все понимали, данн дер крагн ¹¹⁷. Да-а-а-а... А там народищу-у-у! Ты не представляешь! Что семечек в подсолнухе! И все злые-презлые, грызутся промеж себя, будто стая побитых собак! Тут деталька мне одна немаловажная вспомнилась – слова Хуана Лопеса, вернее, Святой Касильды Кастильской...

– Толедской!

– Так точно, Толедской! – Роланд прогнусавил голосом всё того же любимца своего, Володарского. – ...И стану я свидетелем бесславной гибели непобедимого Гастона де Фуа, падёт же он от рук тех самых варваров, пришедших издалёка!.. Надеюсь, не забыла ещё?

– Кажется... Было такое.

– Не кажется, а так точно, дрек мит пфеффер! И никто

¹¹⁷ От Erst der Magen, dann der Kragen (нем.) – Сначала желудок, потом воротник.

ведь из наших охламонов, если помнишь, никаких возражений на указанную тему не предоставил! Однако дело-то серьёзное! Это вам не хухры-мухры, знаете ли! Ключевая ведь фигура в тот исторический момент, племянник аж самого Короля! Шахер-махер, понимаешь, парикмахер... И ни звука! Ни гу-гу! Словно так и надо! Смекаешь, к чему я? А к тому, что, быть может, конечно же, ваш покорный слуга шальной пикой командора де Фуа из седла случайно и вышиб, чёрт его знает, в беспамятстве пребывал, но вовсе не смертельно и уж точно алебардой никого не колбасил! Однозначно! Кто ж тогда схулиганил? Тут-то собака и порылась! Я им так прямо и заявил: «Козлы вы, Братцы Кролики! Такого пацана загубили!» А они мне: «Ты бы уж в конце-то концов определился: кролики мы или козлы?» Типа пошутили! «Парнокопытные, – говорю, – кролики! Вы все! С козлиными рогами!» Ребята насупились, само собой, трошки. Оно и понятно, меня ведь выручали.

В общем, посудились маненько ещё, порядились и решили-таки помянуть доблестного Гастона де Фуа, ибо когда ещё приличествующая случаю оказия подвернётся. Мдя-а-а... Тягнули по одной, значит, по второй, третьей... То ли граппы, то ли чачи, то ли ещё гадости какой виноградовой эндемично-самопальной. Короче, развезло нас прилично. Шашлычка погрызли, знамо дело, почти по-карски, но до того-то целые сутки, почитай, ни чёрта не жрамши! К тому ж напряжение сил какое пережито накануне, понимать надо! Нервотрёпка, прочие дела... Захмелели, ясен пень. Во-о-о-от, значит...

Фон Штауфен допил остывший кофе, вымыл чашку за собой, аккуратно вытер, поставил в посудный шкафчик.

– И что ты себе думаешь? Кончилось тем, что, изрядно нахрюкавшись, Борюня наш, по обычаю, как это у них... хм... бравых «перспективщиков» на корпоративах, видать, принято, решил на столе сплясать!

– Чё, правда, что ль? – хихикнула Назарова. – Борёк?! На столе?! Ха-ха-ха! Стриптиз? Представляю! Гы-ы-ы-ы! Чудик малахольный!

– Кривда! Холи ш-ш-шит! – смех смехом, а Роланду, похоже, даже просто вспоминать о том случае не очень-то весело. – Танец с саблями! Фак! С одной... С мечом! Фак! Взгромоздился, значит, и ладно бы песнь каку сбацал местную, менестрель, бл*дь, недоделанный! В конце концов Хачату-

ряна вполне можно было бы напеть, несложный ведь мотивчик, согласись! Так нет же, он своё «Хгра-а-а-а!», понимаешь, знаменитое вместо музыкального сопровождения затрубил! Совсем охренел, отморозок! Нда-а-а-а... И вот, значит, где-то между третьим и четвёртым этими самыми его душераздирающими «Хгра-а-а-а!»...

– Хорош уже орать-то прямо в ухо мне, блин корявый!

– ...В наступившей фактически гробовой тишине я вдруг с дрожью в коленях осознал, что сейчас нас будут бить... Не! Не бить – метелить! Пиз*ить до потери пульса, дрек мит пфеффер! Причём не только и даже не столько классически – ногами, как по большей части скамейками и табуретками, ферфлюхтер швайн! Не считая всего подручного шанцевого, рубящего, режущего и колющего инструмента, разумеется! И эта моя внезапная догадка настроение особо, сама понимаешь, не улучшила, скорее, наоборот, пригорюнилась...

– Чего, чего? Нет такого слова «пригорюнилась»!

– Что значит: «нет»?! Тебе-то откуда знать? Мастерница, холи ш-ш-шит! Пригорюниться, выходит, можно, а пригорюнить, по-твоему, нельзя, что ль?! ...Гм! Ну и язык, чёрт ногу сломит! В общем, последнее, что более-менее внятного я услышал, так это ширяевское злобное шипение: «Борис! – далее следовало нечто умопомрачительно нецензурное. – Ну ты, бл*дь, не прав! – и ещё немножко матерщины от души. – Чёрный ход есть здесь? ...Врубай «вертушку» свою, чертяка, дуй к выходу! ...Ролик, ты мастак с двух рук рубиться,

за тобой фланги! Я – в арьергарде! ... Вперёд, конфедераты! Шнеллер! Шнеллер!» И только это он, значит, завершил душевное своё напутствие, буквально в ту же секунду вся кодла с жутким рёвом сорвалась на нас! О-о-о-о, зрелище не для слабонервных! Фак! – задумался на секундочку. – Фак! Фак! Фак! – словно кацбальгером своим, рубил воздух ладонью.

Н-н-нда! Может и не пригорюнило, но присушило тогда тевтона, по всему видать, крепко! Ох крепко! Мазафака!

– Не поняла, с какого перепугу они на вас кинулись-то?

– Хорош тупить уже, Сергеевна!

– Я серьёзно!

– Ежели серьёзно... Хм! Судя по всему, нашлись-таки среди присутствующих камбрейцев Борькины недавние... м-м-м-м... оппоненты, так сказать. Вполне логично допускаю, обиженные и где-то местами даже пострадавшие. Ну из тех... Короче, которые после нечаянных встреч с ним на поле славной брани хоть как-то в дальнейшем передвигаться самостоятельно могли. Хоть бы и на костылях! Нда-а-а-а... Причём, видать, не один и не двое, доннерветтер! Столкнуться же лицом к лицу вот так, чёрт-те где, – событие хоть и дюже маловероятное, но так уж вышло, ничего не поделаешь, не попишешь, мля! Встречаются же изредка знакомые люди в метро, правда ведь? Молчал бы, уродец, глядишь, проскочили б на шару, но нет! – Провидение по-иному распорядилось. Хе-хе! Знаменитое «Хгра-а-а-а!» с потроха-

ми нас выдало к ебням! Говорили ему, дураку, – не чеши ты свой гондурас, сам пройдёт! Так нет же, холи ш-ш-шит! Между тем Борёк «блендер» включил под шумок и попёр себе нах! Ну и нам, знаешь ли, медлить как-то не с руки было, ломанулись по просеке вслед за Вольдемарычем. Я, кстати, к тому времени с кацбальгерами своими наголо уже от фланга к флангу метался. Юрка сзади двухметровым фламбергом помахивал. В ходе передвижения, покуда до задней дверцы добрались, ещё несколько достойнейших сынов иберийских на гуляш искромсали! Выскочили во внутренний дворик, а там – бя-а-а-а, засада! Стены кругом высоченные, налегке-то не перемахнуть, не то что в железе! Быстро наверх, на галереи! По галереям бегом петляли, петляли, вышибали двери, вламывались в чьи-то затхлые сонные покои, скакали по узеньким лестницам, мчались, мчались и в конце концов оказались на тихой безлюдной, залитой утренним весенним солнышком улочке. Едва-едва дыхание перевели, осмотрелись, значит: такая идиллия, понимаешь, вокруг! Травка зеленеет, цветочки, птички щебечут, кошечки мурлычут, и так это, знаешь ли, мне жить захотелось, дрек мит пфеффер! Аж до тошноты душевной! Расслабиться бы, вздохнуть полной грудью, удариться оземь, распластаться по траве-мураве и заплакать в счастья, но... Не тут-то было! Слышен, слышен уже рёв приближающейся беспощадной озверелой толпы! Со всех сторон!! Шайссе!!!

© Б.Собеседник & Юлия Дин

Рокит

– Боря-а-а-а!!! – я уже не орал, визжал. – Где эта кузня твоя грёбаная-а-а-а?!! – аж самому за себя стыдно стало.

– Да вот же, – абсолютно спокойно, можно даже сказать – заторможенно, с некоторым удивлением прозвучало в ответ. – Прямо перед тобой. Глаза разуй!

Гляжу, и правда, ворота, дверца в них, а на ней серп и молот чем-то белым нацарапаны. Куском известняка, не иначе.

«Молодец, – думаю, – мужик, грамотно сориентировался! Что ему, Маген Давид, что ль, в абсолютно нетолерантной, мракобесной средневековой Европе прикажете рисовать? Неосмотрительно, мягко говоря!»

Опять-таки понятно теперь, откуда символика некоторых вольных каменщиков взялась. Хе-хе! Почти что молоток с мастерком скрещённые. Мелкие плагиаторы, мля! Самое же главное, до сих пор никто в толк взять не может, как мы вообще там оказались?! Чудеса, да и только, мазафака! ... В общем, когда я калитку-то уже суетливо изнутри на засов запираю, два болта арбалетных рядом вонзились с треском. Обана! Тут меня встрепенуло, знаешь ли, не на шутку! По-взрослому!

– Снова ты не по-русски...

– Мужики, пошевеливайтесь! – ору. – Арбалеты у них! Нипочём теперь всухую не отмахаться нам!

Хорошо ещё, «Гена» под парами стоял в ждущем режиме, аппаратуру раскачивать не пришлось. Знаешь, как обычно в

самый критический момент бывает, да? – пока-а-а там, понимаешь, всё это хозяйство включится, нагреется, раскрутится, оттестируется... А жизнь, она ведь штука короткая, бл*дь, может и закончиться нежданно-негаданно! Супостаты-то уже рогами в ворота долбили! Понимать надо! Во-о-от, значится... Борька, короче, первый в рамку сиганул, я за ним. Юрка – замыкающий, как и подобает руководителю группы. Командир, ёбтить, как-никак! Капитан последний покидает тонущее судно! Траурные фанфары! Спустить флаг! И тут... – Роланд нервно облизнул пересохшие от бесконечной говорильни губы. – Ширяев застрял... Застрял, понимаешь?! Дрек мит пфеффер!!!

– Как это?! – и без того огромные васильковые глазищи округлились в изумлении до невероятных размеров. – Не поняла!

– А так это! Мы и сами поначалу в корягу ох*ели! – бош, похоже, нисколечко не преувеличивал и, похоже, даже не красовался. – Ситуёвина же оказалась проще варёных сосисок с горошком консервированным – мощи просто-напросто не хватило! Пункт перехода-то не академический, исследовательский! Не хухры-мухры, понимаешь, там свои дела, доннерветтер! Требования совершенно опять-таки иные – допуски всякие, отпуски, запасы прочности, мощности... того же сала...

– При чём здесь сало?!

– Просто... Хе-хе! Очень шпиг люблю... Неизвестно

ведь, под что оборудование-то было заточено, врубаешься?! Ежели под Вольдемарыча, пусть и с кладью ручной, дык Юрасик в сравнении с ним, что слон супротив Моськи, не в обиду никому будет сказано! Слоняра, холи ш-ш-шит! К тому ж, прошу учитывать, железа на ём пуда два с полтиной висело, ежели не все три. И ещё это... говна в довесок... Хе-хе! Сдаётся мне, с таким перевесом он и в Равеннскую рамку хрен пролез бы! И потом, насколько я помню, никто не собирался особо спешно эвакуироваться-то. Предусмотрительный Борёк пару бочек воды на всякий случай всегда про запас полными держал, одежонку кое-какую сухую, чистую. Налегке всё ж планировали сваливать, чистенькими. И по тёлочкам местным прошвырнуться не мешало бы, напряжение с устатку снять. Во-о-о-от, значит, какое дело...

– Ну насчёт говна и тёлочек...

– Что делать-то?! – бошу о говне рассуждать явно недосуг. – Делать-то что?! Борюня орёт: «Ролик, мечись мухой обратно! Хоть до неба баррикаду строй, собственной жопой дырки затыкай, но минут десять – пятнадцать выкрой мне, кус марттабук!!! Мне с этой армадиллы панцирь до трусов ободрать, что в доспех пукнуть!» Ага, кое-что прояснилось! По всему выходит, Борёк – автор нетленки-то... Задача, в принципе, понятна. Вопрос лишь в том, сколь реализуема? За жопу опять же зело волнительно. Повезло ещё, улица не шибко широкая, притом с изгибом, нападающим ну никак большими силами к нам не подобраться! Дык, один хрен, зе-

ло до фи́га их, супостатов! Лезут, точно трутни осатанелые на несчастную пчеломатку, шайссе! Ворота хоть и толстенные, крепчайшие, однако на пределе уже, трещат по-страшному, не выдерживают вражий натиск! А шума-то сколько, гама! Ты себе не представляешь, горлопанства – море, просто ужас! Альбтраум, блиать! Я, покуда изрядную кучу хламу к парадному-то сволок, взмок до нитки! Гляжу, пара «перспективщиков» заспанных в трусах по ту сторону «Рубикона» мечутся, ни дать ни взять – тараканы на свету! Ночные дежурные, дрек мит пфеффер! Ну и говорю им спокойненько так, голос, между прочим, и вовсе не повысив, вот ну ни на йоту – клянусь здоровьем покойной бабушки рейн-вестфалки! – примерно следующее, по ситуации, кстати, согласись, довольно вежливо ещё: «Чего устались, дебилы?! Фак!!! Неужто не видите, долбоносики, помощь нужна? Живо бегом сюда, ферфлюхтер швайны!!! Нука навались друженько!!!» Должно отметить, на редкость полезные парни оказались, крепкие, мы с ними даже наковальней умудрились дверь подпереть. Как позже выяснилось – из Безопасности. Гм... Внешней... А я с ними жёстко... Н-н-нда! Нормальные ребята, между прочим, шнапсом потом проставились. Хе-хе! Премировали их, понимаешь, за спасение Ширяева... хм... утопающего. ...Краешком глаза наблюдаю, Борька э-э-э-э... эт тзе спид оф саунд ¹¹⁸, значит, с Юрки доспех сдёргивает, шурует, словно оруженосец

¹¹⁸ At the Speed of Sound (англ.) – со скоростью звука.

заправский. Хрена лысого у меня б так вышло! Сачканул твой покорный слуга, со стыдом признаюсь, на практических занятиях по Средневековью. Каюсь, нынче перед Грюнвальдом обязательно упущенное наверстаю! И только-только я, значит, ещё парой хороших таких увесистых брёвнышек воротину успел подпереть, как снаружи дырку прорубили. Цельную амбразуру, мля! Ну что ты будешь делать, измудрились-таки, гады! Сунул, конечно же, мечом туда сразу наугад пару раз, не без того. В глазик шаловливый, судя по взвизгиваниям, кому-то попал, однако радоваться уж определённо нечему было! Потому как стали они по нам из арбалетов постреливать. Тоже, естественно, вслепую, но очень неприятно! Слава богу, «безопасники» к тому времени слиняли нах. Им, кстати, в подобных случаях, как ты прекрасно знаешь, по Инструкции вообще «Рубикон» переходить категорически запрещено! Не испугались же, черти, подсобили! Молодцы, доннерветтер! Я тогда, за кучей дров предусмотрительно схоронившись, выжидал, образно выражаясь... хм... у моря погоду получше. Гляжу, Ширяев – абсолютно голый уже, красавец, мля! Аполлон! Бельвед... Безвед... Шайссе! Ну то есть совсем без ничего! – и Борёк, значит, торопливо заталкивает его в рамку. А по ним, заметьте, драгоценная Жанин Сергеевна, из арбалетов всюю ведь пуляли! Пусть и не особо прицельно, но всё ж! Короче, жёсть, доложусь я вам! Тэ-э-э-экс... Что дальше-то, а? Кто-нибудь ещё помнит? М-м-м-м... И тут со страшным гро-

хотом, вздымая облака пыли, наконец-то развалились многострадальные ворота. Да, точно! Петли, видать, не сдюжили... Ё-моё-о-о-о-у-у-у, и началось! Взбаламученный затаившимся бездеятельным противостоянием, поток людских, разгорячённых безумной жаждой крови, невымытых тел хлынул в образовавшийся проём, ровно смертельно оголодавшие домашние муравьи в позабытую на столе банку с айвовым вареньем. О как мы сказать умеем! Съела? – фон Штауфен аж заискрился самодовольством. – В наступившей всеобщей кутерьме, конечно же, моментально образовалась среди нападающих небольшая, но плотненькая такая свалка, куча-мала по-нашему, по-пацански, что, к счастью, и дало мне в эндшпиле некоторое временное преимущество. Гандикапчик, типа фора, холи ш-ш-шит! Мдя-а-а-а, не будь того гандикапчика... Гм... И я, знаете ли, поскакал! Да как! Йеха-а-а-а! Представь себе на секундочку, миленькая моя, взросло-го, солидного, можно сказать, дядьку, мечущегося, словно молодой козерог, по средневековой захламлённой кузнице. Представила? Именно так я и скакал. Главное было успеть проскочить в рамку «психохода» до того, как злющие враги отрежут все пути отступления. Жизненно важно! Догадываешься почему?! ...Очень хорошо! ...Да, да! Вот он-то как раз мне бы и пришёл! ...Последний бросок, прыжок, мгновение вечности и-и-и-и... Шмяк! Бряк! Лежу, уткнувшись лицом в чьи-то грязные вонючие ноги. Фу! Вонь-то какая! Невыносимо! Альбтраум, блиать! Неужто в Аду мы?! Огля-

дываюсь с ужасом, потихоньку переходящим в лёгкую эйфорию, потому что... я... дома... Я дома!!! Ур-р-р-ра-а-а-а!!! Переход выключен. Никаких тебе средневековых дурацких штучек, кроме, разве что, пары-тройки арбалетных болтов, намертво застрявших в бетонной стене чуть выше моей головы, да нестерпимой вони, источаемой нашими многострадальными телами.

– Тебе, Ролик, я погляжу, вообще со всякими там ногами везёт, блин горелый! Фи! – Назарова брезгливо поморщилась. – Мёртвыми, вонючими... Юркины клюшки небось на сей раз?

– Ну да, его... Может, Борькины... Не! Борька в онучах был! Оле-оле-оле-оле-оле! Академия, вперёд! И вот именно тогда светлую мою головушку посетила совершенно замечательная идея: привлечь к нашим смелым психостатическим экспириенсам старинного моего знакомого, выпускника Радиотехнического факультета Академии – Витьку Маракова. Ты, естественно, спросишь зачем?

– Разумеется, милый!

– Хм! Могла бы уж и сама как-нибудь допетрить, бестолковка! Все уже небось окромя тебя... Но я тебе всё ж таки скажу. Грюнвальдская битва, лапонька, в которой нашей неразлучной тройце вскорости предстоит поучаствовать, – преимущественно кавалерийское сражение. Вникаешь? ... Опять нет?! – фон Штауфен потихоньку начал терять терпение. – Да что ж такое-то?! М-м-м-м... Слушай сюда! В

начале пятнадцатого века, точнее – в году одна тысяча четыреста десятом от Рождества Христова, понимаешь, пехота ещё не особо в почёте-то была. На лошадках воевали в основном. Вот и нам снова, судя по всему, придётся в полном обвесе кривляться, да к тому ж на лошадах тож, кстати, в броне, что при возникновении подобных внештатных ситуаций, вернее... гм... при Бориной патологической способности на каждом шагу их провоцировать, вполне может вызвать экстренную необходимость использования... мнэ-э-э-э... нестандартного, будем говорить, оборудования. Уразумела, ласточка? ...Ну наконец-то! Уф! – с удовлетворением отдувался Роланд. – В общем, посидел Марakov, гений наш электрический, Тесла, ёб его через забор... посидел... Хе-хе! Помаракoвал, так сказать, и выдал на-гора эдакий, знаешь ли, супер-пупер-психоконнектор Рубина – огогошеньки го-го!!! Бронетанк без мыла в рамку проскочит, не то что там пара-тройка тяжёлых кавалеристов! Мы монстра сего, естественно, пока нигде не светили, не регистрировали... Хе-хе! Вдруг отберут, охальники? На запчасти, н-н-нда... Поэтому помалкивай до поры до времени, милая девушка, очень тебя прошу!

– О-о-о-от же болтунице тевтонский! Бубёныть! Все военные индейские секреты выболтал?!

– Юрасик, дружище! Какими судьбами?! Уж и не чаял свидеться!

– Котёнок, ты проснулся? Ур-р-ра-а-а-а! Можно к тебе? –

Жанна Сергеевна и без всякого приглашения уж давно под одеялком, к тёплому ширяевскому бочку прижалась.

– Дык я особо-то и не спал, можно сказать. Так, подрёмывал урывками. С вами разве ж поспишь?! Горлопаны!

– Как же, как же! – ухмыльнулся фон Штауфен. – Слышали мы ваше подрёмывание... Богатырское! Штукатурка вон кое-где со стен осыпалась!

– Не знаю, что вы там слышали-с, а-аха! – позёвывая отвечал Юрий Иванович. – Я, однако ж, совершенно точно знаю – «слойка» склеилась и «психушку» совместными усилиями с этим... как его... Хрюкотаном вы наладили. А-а-аха! Главное ведь в нашем деле что? Главное – процесс правильно организовать и поменьше в него вмешиваться. Вникаешь? Молодцы, чертяки! Благодарю за службу! Где он, кстати? Маманька евойная сейчас мигом всю берлинскую полицию на уши поставит!

– Так ты всё слышал, поросёнок?!.. – Назарова напустилась на него с кулачками. – Как ты мог?! Горыныч! Да я тебе за такое...

– Отставить! – зычно гаркнул Роланд. – Отставить! Знаю, чем баталии ваши потешные обычно заканчиваются! А мне, что, снова два часа на улице прикажете ошиваться?! Вот уж дудки! С ранья-то даже податься поблизости некуда, кофейку хотя бы испить.

– С чего, с чего?! – вечно Ширяеву всяка гадость мерещится. – С какого ещё сранья?

– Ах зачем же? Пуф-ф-ф! – бархатное контральто вновь призывно завибрировало. – К Оленьке Бобкиной на огонёк загляните, пожалуйста, милый Ролик. Настоятельно рекомендую! Не спит небось бедняжка, мается! У вас не убудет и девушке плезирчик какой-никакой, кофеёк опять-таки гарантирован...

– Никаких Бобкиных! – бош суров и непреклонен. – Юре в «психоход» давно пора, милые вы мои, причём не просто – давно, а давным-давно! Нынче, почитай, каждый час уже на вес золота! Каждая минута! Секунда, дрек мит пфеффер!!!

– Ну-у-у-у! – Жанин капризно поджала губки. – Почему-у-у-у?

– Сама посуди! – долготерпению германца остаётся лишь позавидовать. – До официального срока сдачи курсовых проектов осталось... м-м-м-м... десять дней. Так? ...Та-а-ак! ...Ну хорошо, пусть – двенадцать. Согласен, вполне можно пару дней душку Брукмюллера и подинамить. Даже полезно весьма. Нда-а-а-а... Но не более, доннерветтер! Злой он, сука, вернее – злопамятный! Теперь считай вслух, загибай пальцы, красавица! Да не мне, думм твоя копф! ...Минимум неделю Юрка проторчит в Соловце своём загадочном. Гм! Недосыгаемом! Проторчит? ...Как пить дать! И что времени при столь тухлом раскладе ему на отчётность останется? Вычитаем из десяти семь... Вычла? ...Ладно, ладно! Вычтем семь из двенадцати, так уж и быть. Итого на круг выходит по максимуму всего-то дней пять! Это на серьёзный-то от-

чѐт страниц примерно эдак сто печатных?! Да бросьте уже дурака валять, милейшая Д'Жаннэт, как ни крути, в десять рук с бешеной скоростью по «клаве» стучать придѐтся, дабы к сроку поспеть! Так что – ерст ди арбайт, дан дас шпиль, как говорится, нах дер райзе комт дас циль ¹¹⁹! А вы тут, милочка, со своими лямурами, понимаешь, неуместными прѐте, словно каток асфальтовый поперѐк движения!

– С какими, с какими?! Сам ты... Каток неуместный, мазафака! Поперѐк прѐшь!

– По всему выходит, любимая, – Юра так потихоньку, потихоньку, тихой сапой высвободился-таки из её цепких объятий, – Ролик-то наш кучерявый как всегда прав, времени реально в обрез!

– Ёта ма-а-а-ать! – наконец-то и Максик встрепенулся, да так бодро! – Сколько времени?! Почему меня никто не разбудил?! Ур-р-роды, просил же!!!

– Ты кого это уродами обозвал, гнида пучешарая?!

– Оставь его в покое, Юрец, парню и без того нагорит! Не забижай мальчонку, пусть себе ропщет! – бош ободряюще похлопал Максика по плечу. – Молодец! Джигит! Может, водочки? Да на посошок! Да стремennую!

– Издеваешься? – Хрюкотаньчик внутри булькнул и даже лицом слегка взбледнул.

– Сигару не желаете?

¹¹⁹ От Erst die Arbeit, dann das Spiel, nach der Reise kommt das Ziel (нем.) – Делу – время, потехе – час.

– Скотина ты, фон Штауфен!

– Кто-о-о?!

– Ско-тина!!! Причём мерзкая!

– Чего разорался-то? Всего лишь рефлексы нужные проверил. Хе-хе! Полёт нормальный, можешь теперь смело бросать курить. К процессу оздоровления готов!

– Скотина, скотина! Зуб даю! – поддакнула исподтишка Жанна Сергеевна! – Век воли не видать!

– И правда ведь скотина, – Ширяев с налётом лёгкой грусти ревизовал содержимое хьюмидора ¹²⁰, – чужие сигары-то драгоценные хабанские разбазаривать! Чистейшей воды скотина, без подмеса! Бля буду! Кровью готов подписаться!

– ...Где ты ещё не спал, малыш, когда? – как-то сумеречно в никуда вопрошала Назарова. – Гм! Чего ещё интересенького слышал?..

– За что?! – вяло отмахнулся Рол. – Всего-то одну штучку...

– Всего?! Да их всего три и было, морда твоя тевтонская!!! Три охренительных Черчилля!!! Куда дел?! Сам же сигары не куришь! На этого... на чепушину, что ли, своего извёл?! Кар-р-рамба!!!

– Моего-о-о?! Ни х*я себе заявочка! Да без этого... гм... как вы изволили выразиться, сударь, чепушины не видать бы нам «слойки», як своих ушей! Дрек мит пфэффер!!! – креп-

¹²⁰ Хьюмидор (лат. humidus – «влажный») – ящик, шкатулка (реже шкаф или комната) для хранения сигар.

ко, видать, Роланда за живое задело. – Стоит, наверное, твоё дальнейшее пребывание в Академии одной сраной вонючей сигары-то, а?! Сам-то что по этому поводу думаешь? Холи ш-ш-шит!!!

– Да ладно, ладно! Твоя правда. Ишь раздухарился! – быстренько съехал Юрий Иванович. – Это ж я так, со сна, понимаешь, не весь ещё проснулся... Разве ж мне жалко? Хочешь вкусненькую сигарку, Максик? Бери, бери, не стесняйся!

– Хорош уже над пацаном измываться, садюги! – Жанна Сергеевна, так и не получив ответы на свои гипотетические вопросы, сочла инцидент исчерпанным и, видимо, окончательно пришла в себя. – Пойду-ка лучше гляну, малыши, как там наши... хм... милые топтуны за дверью бродят-поживают.

Где-то душераздирающе застрекотал мобильник. До чего ж дуралейская мелодия, ё-моё!

– Ой! – придушенно пискнул Хрюкотаньчик. – Кажется, мама... Алё, мамочка! Да я... Какая пьянка-гулянка? Что ты, что ты! Мы работали!.. Не ругайся, пожалуйста! Ну мамуль!.. Сейчас буду! Сию же секунду вылетаю!.. Одна нога здесь, другая...

– О-о-о-о! Кажется, кто-то сегодня неслабо огребёт! – сочувственно пробормотал Ширяев. – И, похоже, не он один! – плотоядно покосился в сторону упорхнувшей Назаровой.

Инцидент-то, судя по всему, не совсем исчерпан...

– Вперёд, Максик, горизонт девственно чист! – обворочительная Жанин сверкнула белозубой улыбкой. – Путь свободен! Лети, лети, пташка вольная! Гм... Да смотри там, не ушибись... При посадке.

Когда только зубья вычистить успела? Н-н-нда... Шустрая, однако, мамзелька!

Сей же секунд Максимилиана Варламовича Гонченко словно ветром сдуло. Даже не умылся! Представляете себе? Да что там! – даже чайку не попил с колбасками, бедолага.

– Что ещё за топтуны? – кое-где Юра, по всей видимости, таки проспал. – Из каковских?!

Фу-у-у-у! Слава богу! Здесь наконец-то фон Штауфен с Назаровой, переглянувшись, вздохнули с трудно скрываемым облегчением. Почти синхронно.

– Да-а-а-а из этих, из амеров, – Роланд нарочито безучастно, пофигистически, можно сказать, махнул рукой. – Не обращай внимания, Юрасик. Долгая история, потом как-нибудь расскажу. Напомни только. Договорились?

– Ну-ну! Сдаётся мне, что-то вы темните, господа хорошие! И я, похоже, знаю...

– Хорош болтать, мальчишки! – Жанна Сергеевна, сверкнув очами, налетела тучкой ненастной грозовой. – Быстренько в душ, котёнок, одевайся, собирайся, по рюмочке и в путь! Давай, вставай, лежебока! Хватит уже валяться, подушку мять!

С коими словами, спихнув наконец с тёплого уютного

лежбища абсолютно голого, будто только-только из средневекового Форли, Юрия Ивановича, хоть и, безусловно, не столь грязного, и уж вовсе не вонючего, пинками погнала его в ванную. Куда тут же сама тихохонько и забурилась. Фак! Не доглядел фон Штауфен, ох не доглядел! Упустил-таки кошечку мартовскую! За хвост надо было привязывать, раззява!

Справедливости ради стоит всё ж отметить, что на весь банно-прачечный, так сказать... хм... промискуитет и сопутствующие водные процедуры ушло у любовничков немногим более получаса, от силы минут сорок, что, согласитесь, по нынешним-то меркам результат хоть и довольно скромный, скоропалительный, зато весьма, весьма полезный, ибо на неопределённое время напрочь отбил у товарища Ширяева всякую способность к трезвомыслию, соответственно, и к дальнейшему генерированию разных дурацких подозрений и неудобных вопросов. А как в «психоход» Юрку снарядят, глядишь и вообще всё забудется!

– Э-э-э-эх! Ну... Врубай, что ли, «Рубинштейна», Сергеевна. Пора!

– Чего испереживался-то? Ха-ха! Забавный ты, Ролик! Ладно, включаю.

– Я всегда... Почему-то... Каждый раз, будто первый!

У противоположной от окна стены вдруг всколыхнулось пространство, помутнело, заискрило, привычные предметы – картина, фотографии Жанны Сергеевны – исчезли из виду,

затем вдруг резко посветлело, прояснилось, стена исчезла, горизонт раздвинулся, и комната моментально заполнилась запахами весеннего леса. Разумеется, видео и звукоряд присутствовали, но запахи... Это было что-то необыкновенное!

– Лепота-а-а-а! – Назарова, зажмурившись от удовольствия, шумно втянула носом воздух. – Свежесть-то какая, обал-деть! Ландыши-и-и!

– Лес как лес, – пожал плечами Ширяев, – по-моему, ничего особенного.

– Ты не понимаешь, котёнок!..

– Отставить разговорчики, доннерветтер! Повысить внимание и осторожность! – фон Штауфен с удовольствием изображал бравого сержанта-замкомвзвода. – Долить коннектор до ноля пятнадцати!

– Есть долить коннектор!

– Малая платформа пшла! Микрокамера, «Сергеич», дрон, товсь!

– Есть сигнал с микрокамеры! «Сергеич» тоже вроде фурькает исправно. Дрон стартовал, набирает высоту.

– Тэ-э-э-экс! Давайте смотреть, что там у нас...

– Ва-а-ау! – Жанин в восторге, точно маленькая девочка Элли из пыльного мухосранского Канзаса, по мановению волшебной палочки оказавшаяся на балу в Изумрудном городе. – Абсолютно никаких экологических противопоказаний, предостережений! Никаких! Ноль! Зеро! Меня понимаете?! Никогда ни с чем подобным не сталкивалась! А вы? О-

ши-зеть, мальчишки, идеальный мир!

– На фига ты всё это затеял, Рол? – Юрика увиденное, похоже, ни капельки не тронуло. – Грузи «Гену», да я пошёл. Чего время-то тянуть? Давным-давно никто уж так не делает. Микрокамера, «Сергеич», смешно ей-богу! Похожи на каких-то... Ёбтить! Первокурсники собрались здесь, что ль?

– Я всегда так делаю. Строго по Инструкции. И тебе, кстати, дружок, советую! – Роланд до ужаса напоминал теперь строгую учительницу младших классов на уроке ОБЖ ¹²¹. – М-м-м-м... Помнишь, не так давно, в прошлом, кажется, году, на крайняк в позапрошлом, англичане в какой-то плоский мирок ныряли, нечто вроде «Мира смерти» ¹²² Гаррисона? По вашим расейским каталогам, если мне память не изменяет, – «Неукротимая планета». Не в курсе? Жаль, очень жаль! Тогда бы ты знал, дружище, о незавидной судьбе двух «перспективщиков»-англичан, заживо сожранных некими ужасными суперзлобными червями! Прямо на ходу! Страшная участь! Альбтраум, блиать!!!

– Ой, Ролик! Расскажи! – до чего ж наша мадемуазель на ужасы всякие падкая, сил нет!

– Гм! Я тоже не в курсе. Рассказывай уж, давай, коль начал.

– Да чего особо рассказывать-то? Собрались, значит, то-

¹²¹ Основы безопасности жизнедеятельности.

¹²² Серия фантастических романов замечательного американского писателя-фантаста Гарри Гаррисона.

ропыжки вроде тебя – халява, сэр-р-р! Расслабились, понимаешь, как обычно, всё на авось. Типа того: и без сопливых разберёмся, получше вас знаем, что за мир такой агрессивный. Не впервой нырять туда нам, великим! Привычка, доложусь я вам, – страшное зло! Во-о-о-от, значит... Агрессивность среды, естественно, что в ходе дальнейшего служебного расследования выяснилось, анализировали халявно, через два раза на третий, о визуальном же исследовании припочвенного микромира с помощью соответствующей стандартной камеры и говорить нечего! А она ведь, между прочим, в каждом рабочем комплекте обязательно наличествует и в большинстве случаев даже не распечатана, мишуген фиш! Почему, спрашивается? Да потому, что оборзели, господа «психостаты», все – от мала до велика! Шайссе! Ну почти все. Хе-хе! Кроме меня. «Грузи «Гену», да я пошёл. Чего время-то тянуть?» – передразнил бош Юрия Ивановича. – В общем, ныряли они в тот раз уже, честно говоря, наобум. А там, знаете ли, граждане алкоголики, хулиганы, тунеядцы, тож идиллия такая вырисовалась, прямо как здесь: травка зеленеет, солнышко блестит, никакие злые кусачие монстры поблизости груши не околачивают. Чем не пастораль, дрек без пфеффер? «Лепота-а-а-а! Свежесть-то какая, о-бал-деть! Ландыши-и-и!» Тьфу! – и Сергеевне на орешки кедровые перепало. – Что, кстати сказать, уже само по себе, согласитесь, здоровые опасения у любого нормального «психостата» автоматически должно было бы вызвать!

Дрек мит пфеффер! Изжогу уж точно! Жестокие миры тем и характерны, ежели кто не в курсе, что эволюционные процессы в них спрессованы, в отличие от привычных нам многих, многих миллионов лет, всего лишь в годы, месяцы, дни, часы и даже минуты! Сверхскоротечные мутации! Оглянуться не успеешь, как какая-нибудь новая злобная тварь смертоносная народится! И всяка эта тварь новоиспечённая, прошу заметить, уже в зародыше завсегда супер-пупер-приспособленная! Маскируется, камуфлируется, мимикрирует поллучше иных наших диверсионно-разведывательных групп, в те же Миры засланных. Что, не в курсах? Да бросьте вы, господа-товарищи, ахинею-то молоть!

– Пстой-ка, брат мусью! Я вроде пока ещё ни в какой Жестокий мир не собираюсь!

– Какая нах разница?! Неисследованные миры, открой любой учебник, стократ опаснее! ... Ты дослушал бы лучше, брат.

– Правда, Юр! – Назарова – сама серьёзность. – Хорош перебивать!

– Да ладно, ладно. Желательно побыстрее!

– Короче, нырнули они такие весёлые, находчивые и только-только сошли с платформы, шагу ещё не ступили, уже были мертвы! На раз!!!

– Без скафандров, что ли? В Жестоком мире? Совсем с глузду съехали?!

– В том-то и дело, что в скафандрах! О чём я тебе, лоху

карстийскому, и талдычу последние минут десять! О майн гот! – кипешился фон Штауфен. – Брайте штирн, венихь хирн ¹²³! Просто за время их отсутствия, уикенд, понимаешь, или праздник какой-то, ну там дня два, три, теперь уж точно не припомню, тамошние милые... м-м-м-м... скажем так, почти безобидные земляные червячки мутировали в шустрых смертоносных кровожадных гельминтов, легко буравящих насквозь весьма, весьма, должно отметить, неплохо защищённое, куда крупнее тщедушных по тамошним меркам людей-человеков местное зверьё. Имеющее при этом шкуру или тот же панцирь значительно крепче, нежели любой наш самый крутой скафандр, да хоть бы и жёсткий для суперглубоководных погружений, доннерветтер! Потому-то никакой мерзкопротивной фауны в округе и не наблюдалось. Смекаете? Сообразительные эндемики, те сразу же сынтуичили, что червячки-то «того», феррюкнулись слегонца, и посему тусоваться здесь нынче небезопасно! А вот англичане, венцы вселенской природы, понимаешь, подкачали, не смекнули... В общем, сожрали ребят заживо в доли секунды. Зрелище ужасающее! Я краем глаза оперативную съёмку подсмотрел. Они, по-моему, и понять-то ничего не успели, только, судя по судорогам конвульсивным, очень на себе прочувствовали... Хвала Создателю, полноценная карантинная зона была, хоть здесь не облажались! Выжгли, конечно же, жёсткой радиацией несколько сотен гектар, отвели душу, но людей-то

¹²³ От *Breite Stirn, wenig Hirn* (нем.) – Лоб широк, да мозгу мало.

один чёрт не вернёшь! Вот ведь оно как бывает, а ты говоришь... Хабэ рат фор дер тат ¹²⁴, первокурсничек!

– Уговорил, речистый! – нехотя согласился Иваныч. – Давай в камеру, что ль, твою волшебную позырим. Хм! На червей-людоедов. Бубёныть!

– погоди секундочку! – Роланд подсел к Жанин на краешек стола. – Коннектор залился, дорогая?

– Ровнёхонько ноль пятнадцать.

– Надеюсь, ты не на авто обратно попрёшься? – фон Штауфен вновь оборотился к Ширяеву. – Думаю, мощи тебе хватит, даже с чемоданом! И даже с телегой!

– Да куда столько? Конечно хватит!

– Не знаю, не знаю... Мало ли что ты оттуда вздумаешь притащить старичкам-разбойничкам, шалунишкам-то нашим академикам на потеху! Хе-хе! Может, царицу каку... Шамаханскую, понимаешь, или вот, к примеру, Русалку. Гм! С дуба рухнувшую.

– Угу! – мрачно констатировала Жанна Сергеевна. – Здесь, на клумбе возле подъезда, её и прикопаем. Лишь бы тухлой рыбой не завоняла! А то, неровён час, все окрестные медведи сбегутся!

– Злая вы, милая Д'Жаннэт! Между тем, – с видимым удовольствием продолжил разглагольствовать бош, – надо понимать, наука, она ведь сродни искусству. А в чём-то, быть может, оно самое и есть. И зачастую, смею утверждать, во сто

¹²⁴ От Habe Rat vor der Tat (нем.) – Советуйся до поступка.

крат круче! Вследствие чего, дорогая моя, осмелюсь утверждать: всякая наука определённо требует жертв!

– Вот-вот! – Назарова, однако, тевтонскую позицию явно не разделяла. – Жертвоприношение вам как раз и учиним, Роланд Йозефович! В лучшем виде! Исключительно ради торжества науки!

– Хорошо, хорошо! Оставим это пока. Переключи-ка монитор на камеру, будь добра!

– Без проблем. Ну-ка, ну-ка... Как делишки-то тут у нас обстоят?... Ой! – Сергеевна инстинктивно отпрянула от экрана. – Мама дорогая! Что ещё за хрень, мазафака?!!

– Оба-на! Полюбуйся-ка, Юрий Иванович! О чём я тебе говорил? Каков троглодит, а?!

© B.Sobesednik & Julia Dee

Falkia

Любоваться же, дорогие наши телезрителя, уж поверьте, было чем! Во весь не сказать чтобы огромный, но довольно-таки приличный монитор красовались... Что вы себе подумали? ... А ежели ещё разок угадать попробуете? ... Да нет же, не сиськи! – зубы! И не просто какие-то крокодилячьи или там тигриные зубёшки, а острейшие, в несколько рядов, точно у огромной белой акулы, ненасытные, жаждущие животрепещущей плоти, подгнившие зубищи! Готовые, казалось, сейчас же выскочить из экрана и загрызть здесь кого-нибудь на хрен! И, в завершение общей картины, над всем этим пародонтозным великолепием чёрными антрацитиками блестели маленькие очень подвижные плутоватые глазёнки. Отчего-то сразу припомнился замечательный рассказ Роберта Шекли – «Абсолютное оружие». Ой-ля-ля! Не хотелось бы, чтобы это оказалось именно оно!

– С глузду, что ли, все съехали? Один я среди вас нормальный? Чем любоваться-то?! Любоваться чем?! – Ширав, похоже, разошёлся не на шутку. – Чего вы пялитесь, как идиоты, в этот свой дурацкий зомбовизор? На улицу гляньте, на ули-цу! Где там ваш монстр, троглодит ужасный?! Нет его! Это же снято ми-кро-ка-ме-рой! Ми-кро! Понимаете? Микро, значит – малюсенький! Букашечка, таракашечка! Уф! Утомили, бл*дь!

– Чего разорался-то, Иваныч? – Роланд невозмутим, слов-

но Сакаджа из племени халхасов ¹²⁵. – Червячки, о которых я только что рассказывал тож, между прочим, не анаконды, всего-то пару сантиметров длиной, а возбудитель бубонной чумы и того меньше. Кстати, сравнительно недавно в исторически незначительный промежуток времени, где-то примерно за сто лет, в Индии от чумы умерло более двенадцати миллионов человек. Мало? Много?! Так вот, в частности её, чёрную смерть, чтоб ты знал, в основном блохи переносят. Всё фигня, да? Букашечки, таракашечки? Я уж о вирусах и не говорю! Малявочки микроскопические! Холи ш-ш-шит! Так что сядь лучше, успокойся и не выступай, пожалуйста, пока мы со всем этим безобразием не разберёмся! – фон Штауфен с неподдельным интересом разглядывал устрашающе зубастое жевало. – Микро, говоришь? – с улыбкой покачал головой. – Х-х-х-хе! А вдруг оно, красава, прогрызёт дырку тебе в бедренной артерии, проползёт по ней в самый-самый пах, разрушит там всё, понимаешь, до основания, и потом заселится в печень? А? Шайссе! Днём будет её выжирать по живому. М-м-м-м, без наркоза-а-а! Вундерба-а-а-ар! – кайфовал тевтонец. – А ночью, пока зверюга спит, значит, печёнка у тебя заново отрастёт. Далее по кругу, покуда процесс выжирания не шибко превалирует над процессом регенерации. Ну а завершится всё вполне прогнозируемо... – с выражением полной безнадёги развёл руками. – Как тебе перспективка?

¹²⁵ Ярослав Гашек, «Чаган-Куренский рассказ».

Уел так уел! Главное, без хамства. И смотри-ка! – почти без привычных тевтонских германизмов, что удивительно! Юрка даже расстроился трошки:

– Зевсов орёл он, что ли, тебе? – проворчал недовольно, но без былого гонору. – Да и я вроде того не Прометей. Разбирайтесь уже шнеллер! С безобразием-то своим.

– Будь добра, Сергеевна, сдай маненько назад камеру, плиз! Сантиметрика эдак два-три. Ну-ка, кто тут у нас? Что за хрень, как ты давеча весьма интеллигентно выразилась, мазафака? – Рол притащил из кухни табуретку, подсел к Назаровой. – Поглядим, посмотрим... – прищурился лукаво, по-ленински. – А-а-а-а, гражданин Акарина! Не, лучше – Акарид! По-моему – мальчик. Обыкновенный европейский лесной клещ, ежели кто не в курсе, дорогие товарищи сокамернички!

– Ого! Серьёзно всё! И ведь не какой-нибудь там примитивный тверской, вологодский или, скажем, пошехонский, а цельный, понимаешь, е-вро-пейс-кий! – почём зря выстёбывался Юрий Иванович. – Только вот откель зубы-то у него взялись, а?! Энтомолог хренов!

– Оттуда же, Юрец, откуда и у тебя! Выросли, дрек митпфеффер! – бош тоже не пальцем деланный, за словом в карман не лез. – Коты, понимаете ли, говорящие у них могут быть, лешие там, русалки, вепри Ы голые, Горынычи всякие, а клеща с зубами, значит, быть не может? Так по-твоему выходит?!

– Гляньте-ка, сердитый какой! – мурлыкала между тем милая Жанин, незаметненько так, но весьма настойчиво шаря под столом шаловливою рукой по мигом раскалившейся ляжке несчастного фон Штауфена. – Может, мы ему лапку нечаянно отдавили? Бедненький! Пуф-ф-ф!

– Он же кровососущий! – Юра всё не унимался. – Крово-сос! Хоботок у него, типа...

– Пускай будет зубастый кровосос! Что в том такого? – Роланд попытался было хоть как-то увильнуть от очередных домогательств Жанны Сергеевны, но тщетно. – Вампир!!! – неожиданно взвизгнул он. – Минога!!! Холи ш-ш-шит!

Хм! Судя по всему, нечто забавное мамзель таки нашарила...

– Чего это с тобой? Нервишки пошаливают? – Юрасик в то же время не шибко-то заморачивался пикантностью ситуации. – А-а-а, ну да, ну да! Выкрутился-таки, скользкий фриц!

– По-моему, малыши, – едва сдерживая смех, как-то слишком уж усердно всматриваясь в монитор, выдавила из себя Назарова, – Она... Оно... Он хочет нам что-то сообщить. И, похоже, нечто очень важное! Ха-ха!

– С чего такие выводы? И веселье? – Ширяев бесцеремонно угнездился на край роландовской табуретки, теперь окончательно лишив злосчастного тевтона всякой возможности отходного манёвра. – Ого! Гы-ы-ы-ы! – заржал совсем уж неприлично, по-копячи. – Гляньте-ка, ишь чего откаб-

лучивает, насекомое! Гы-ы-ы-ы! Галустян, бубёныть!

– Н-н-нда... Куда деваться-то! – вконец сник германец, смирившись, похоже, со своим... хм... незавидным положением. – Кстати, этот его жест... – встrepенулся. – Да, да, вот этот самый – лапкой по горлу! Видали?! О! Снова и снова. Вы тоже обратили внимание? – на мой взгляд может запросто означать примерно следующее, первое: «Заипали вы меня уже все!!! – многозначительно зыркнул на мадемуазель Д’Жаннэт, – топтаться тут во чистом лесе грязными ногами! Валите нах отседова!», второе: «Жё нё манжё па дёпюи си журр¹²⁶. Очень жрать хочется!» и, наконец, третье: «Сколько уже можно ждать этого разье... простите, раздолбая Шириева?! Заколебал, гнида!» Хотя... Гм... Может, и правда, всего лишь лапку отдавили?

– За гниду ответишь, недобиток!

– Это же не я, это он! Я всего лишь, так сказать, транслятор-интерпретатор. Не путать с диваном! Толмач, думм ваши бестолковки! – некоторое время раздумчиво созерцал клещёвые выкрутасы. – Ну-ка, Сергеевна, ненаглядная ты наша, разверни-ка «Сергеича». На Сиваш светить будем! Гм... Так, понимаешь, на всякий случай.

– Куда, куда?!

– О майн гот! Э-э-э-эх, темнота-а-а-а, лета не знаешь, а всё туда же! ...Людк, а Людк?! Тьфу, дяр-р-рёвня!

– Ты на кого это «тьфу», Ролушка?!

¹²⁶ От Je ne mange pas depuis six jours (фр.) – Я не ем шесть дней.

– Повторяю для бронетранспортёров: проанализируй, пожалуйста, окружающую среду в радиусе пятидесяти... нет, пожалуй, лучше ста метров на предмет её агрессивности. А ещё лучше – километр подсвети! И чтоб обеими руками мне, обеими! Шнеллер!

– Не ори, не дома! И дома тоже... – наманикюренные ноготки шустро цокали по «клаве». – Веди себя прилично! Тэ-э-э-экс... Где там у нас активная протоплазма-то? ...Ага, есть такое дело! Ёжик какой-то затуманенный, прям как ты, Ролик, – не замедлила отыгаться Назарова, – любишь интеллигентно выражаться, хм! – феррюкнутый – чешет себе с котомкой... Почему? Да потому что, Юр, на задних лапках, блин корявый! Какой же нормальный, уважающий себя ёж стоя гоцать будет?! Ха! Тоже мне кактус – эректус мобиле, мазафака!.. Так, Сова... Дальше поехали... О, Волк! Женераль Вервольф! Обожравшийся, в дамском чепце и штопанной ночнушке... Гм! Принюхивается. Развернулся, обратно в чашу свалил. Охотников, видать, разнюхал... Зря переживает, у Шапки они у Красной зависли. Третьи сутки напролёт бухают!.. Повезло сучке! – завистливо проворчала наша... м-м-м-м... так сказать, отпетая мадемуазель. – Одна с тремя мужиками кувыркается!.. Во-о-о-от, значит... Медвежонок... Ослик... Кенгуру... Поросёнка три... Нет, четыре. Нах-Нах ещё... Ого! Пять! Пох-Пох в поле зрения нарисовался. Прямо-таки не лес, а свиноферма какая-то! Мясная лавка! Шесть, ё-моё! ...А-а-а-а, то всего лишь депрессив-

но-суицидальный Пятачок транзитом протопал. Ха-ха! Разлюбезную Каракулу небось проведать. Значит, в сухом остатке всё-таки четыре, нет, пять... Гена Крокодил отплёвывается яро, словно шерстью пасть набита. Фи, гадость! И правда, шерстью. Бурая какая-то... Во-о-он оно в чём дело! Хрена лысого Пятачок так запросто мимо Гениного рта на дурничку проскочил бы! Дудки! М-м-м-м... Чебурашку что-то не видать. Странно. Был. Куда запропастился? ...Я же говорила – идеальный мир! Идиллический! Нулевая агрессивность. Даже этот... шибко возмущённый гражданин Кровосос общей картины особо-то и не портит.

– Так-так... – задумчиво мял переносицу бош. – Сдаётся мне, это «Ж-ж-ж-ж!» неспроста! Не удивлюсь, ежели выяснится, что нервный паукообразный при делах. Так сказать, представитель принимающей стороны. Хе-хе!

– Чего, чего?! – Юрий Иванович безуспешно сражался с узенькими стилиажными джинсами, никак не желающими застёгиваться на его раскормленных за зиму окороках. – Какой ещё стороны?! Уф! ...Это вообще что за размер? Где взяли?! ...Э-э-э-э, бл*дь! ...Сорок второй, что ль?! На чью жопу?! Озверели?! Ни фига ведь не налазят!!! ...Случаем не твои, Жанночка? ...Не перепутали?

– Ну-ка быстренько выдохнул, обжора! Сильней! Живот втянул! – Назаровой, похоже, зверски надоело созерцать всю эту дурацкую кутерьму. – На раз, два, три. Резче! ...Три!!! – лёгким движением руки брюки, конечно же, не превратились

в элегантные шорты, хотя, честно говоря, риск был велик, зато калитка успешно затворена и фиксирована пуговичкой. – Ничего ценного, надеюсь, не защемили, малыш?

– Уф! – вдохнул с опаской. – Вроде нет.

– Вот и слава богу! Носи, котёнок, на здоровье!

– Жмут, суки! Как в них ходить-то? – Ширяев враскоряку бродил туда-сюда по комнате. – Вдруг порвутся?!

– Не ссы, Юрец, не ты первый! Растянутся! Дуй уже давай! – фон Штауфен нетерпеливо подталкивал друга к платформе. – Вещмешок не забыл? Стиляга, думм твоя копф! Хе-хе! Тэ-э-э-экс, проверим-ка... Мыло, зубная щётка, паста... М-м-м-м... Трусы, носки, майки, аптечка... Деньги. Хм! Кто на красненькой-то нарисован, знаешь? ...Нет?! Что говоришь? На Фила Коллинза ¹²⁷ без кепки похож?! Да что ты, не может быть! Хе-хе-хе! То ж дедушка Ленин! Балда ты стоеросовая! Неуч феррюкнутый! ...Пистолеты, ножи, гранатомёты, система залпового огня «Торнадо-С»? ...Всё вроде на месте. ...Спирту на фига тебе две бутылки, хороняка?

– Ну-у-у-у... Мало ли чего! Вдруг горло простужу али в реку с утёса горного сорвусь. Для сугрева, сам понимаешь, обтереться, продезинфицировать чего, аборигенам опять-таки трошки накапать... Бусы-то, чай, не взял с собой.

– Аборигенам? Очумел, что ли?! Времена-то какие! Там,

¹²⁷ Фил Коллинз (Филип Дэвид Чарльз Коллинз, 30.01.1951 г.) – британский певец, барабанщик и автор песен, актёр, продюсер. Участник рок-группы Genesis.

поди, уже водки «по три шестьдесят две» – хоть упейся! Хотя, конечно... Халява – страшная сила! Кто ж откажется? Даже папуасы непьющие и те... А-а-а-а! – устало махнул рукой Роланд. – Один чёрт, тебе тяжести на горбу таскать! Загружайся! Кстати, мой тебе дружеский совет – брючки в носки заправь.

– Зачем?

– На всякий случай! От этого... – кивнул в сторону продолжающего задорно кривляться на экране клеща. – А кусаться ползет, без малейших колебаний к ногтю его, кровопийцу! ...Сергеевна, «Гена» пошёл?

– Давно там уже!

– Молодчинка! «Сергеич»?

– Отключаю камеру. Вывожу малую платформу. Пятиминутная готовность. ...Гм! Одна проблемка, малыши. Дрон малость бесполезен. Не может набрать нужную высоту и вообще как следует осмотреться. Слишком мало информации. Никаких тебе спутников, кроме парочки каких-то пиццалок невразумительных, разумеется, ни, соответственно, навигации, ни-че-гошеньки! Тут такая штукавина, значит...

– Что значит?..

– А то и значит, Юрочка! Мы, дорогой ты мой, доподлинно так до сей поры и не знаем, где, собственно, находится этот самый Соловец.

– Хоть какая-то инфа прояснилась?

– Что-то, конечно, имеется, но, поверь, весьма, весьма

скудненько.

– Ничего не поделаешь, не отменять же «психоход». Выкладывай уж, что есть.

– Значит так, мышастик, смотри сюда. – Назарова ткнула пальцем в пыльный экран. – Единственно, что с довольно большой долей вероятности можно утверждать, приблизительно на северо-запад от места твоего предполагаемого десантирования, вот здесь, где-то примерно через километр пёхом по высохшему болоту, с юго-запада на северо-восток проходит довольно хоженная широкая тропа, которая полюбасику пересекает настоящую лесную дорогу. Видишь её? Отлично! Дорога вполне себе ничего, обжитая, колея, по крайней мере, наезженная. Что уж там по ней юзает: египетские колесницы ли, арбы среднеазиатские, телеги, конница Мамая, тяжёлые лесовозы или бухие экстремумы шныряют на квадраках, сие науке покамест неизвестно. ...Что? ...Да, да, они самые, экстремалы! На всякий случай будь поосторожней, оглядывайся хоть иногда. Они, вполне допускаю, все там по лесу бухие рассекают, особенно фараоны! Дальше... Дальше... А что, собственно, дальше-то? По дороге, никуда не сворачивая, попросту выйдешь из лесу, где и будет тебе мирикал в виде вот этой довольно большой деревеньки. По всем признакам – обитаемой. Дымки тянутся из труб, первачом прёт, аж подташнивает! Не Соловец, ясный пень, но всё ж! Какой-никакой, а очаг исконно-местной цивилизации, понимаешь. Может, и впрямь чего интересенького там

надыбаешь, касатик, дабы зазря чёрт-те куда не мотаться-то! Принцессу, скажем, каку подцепишь... Ха-ха! Ведь ежели, положим, деревня – Шамахановка, сиречь и бабищи там все не иначе как Шамахановския! Ха-ха-ха! Ну вот... – звонко сморгнула носиком, утирая задорную слезу. – Наверное, всё, мой дорогой!

– Очень смешно! Ха, ха, ха. Это... Гм! Болото твоё замечательное... А оно точно проходимое?

– М-м-м-м... Гарантию, сам понимаешь, зайчонок, железобетонную тебе не дам... Но-о-о-о... – Жанин, морща красивый высокий лоб, внимательно разглядывала, перебирала полученные от дрона картинки. – Судя по отсутствию видимых бочажков, светлому мху, густым зарослям голубики, вереска, свинячьего багульника, довольно-таки крепким берёзкам и ещё кое-каким косвенным признакам, думаю, да, вполне. Вполне... Что ещё? Тэ-э-э-экс... Сейчас... Очень на то похоже, весна-красна там в самом разгаре. Апрель типа того – май. Гм... – закусила прядку рыжую, призадумавшись, и тут же бодрячком отрезюмировала: – Ничего страшного! Вымокнешь на крайняк, обсохнешь потом у костерка, но уж точно не сгинешь! Чай, не Манчак ¹²⁸, в конце-то концов, выберешься! Болото, кстати, вовсе не моё, чтоб ты понимал, местное. И раз уж мы об этом заговорили, натянул бы ты, дружок, непромокайку поверх цивильного-то, всё ж оно по-

¹²⁸ Болото недалеко от г. Новый Орлеан (Луизиана, США). Издревле славится обитающими в нём в изобилии огромными аллигаторами.

суше будет.

– Ну спасибо тебе, любимая, успокоила! Ладно, хоть что-то! Дальше своими силами как-нибудь да разберусь. Сам, по-ди, с усами! Терпеть не могу презервативы! – Юра с огромным трудом натянул специальные дышащие вейдерсы¹²⁹ прямо поверх джинсов с кедами. – Бл*дь! Ненавижу! ...Русский язык, надеюсь, кто-нибудь понимает там? Глядишь, так с шутками, прибаутками и до Киева доберёмся!

– Не за что! А вот в Киев не надобно тебе, котёнок! Далековато.

– Сам не хочу! Что скажете, Роланд Йозефович? Каков дальнейший план? Примар, так сказать...

– Хе-хе! Марко было бы тукнуть по пестрякам. Да хохари облыго ружуют. На том и покалим сростень. Это наш примар.¹³⁰

– Эй, мальчишки! Вы не очень-то тут фрякайте, кочеврягу, понимаешь, кочевряжьте! Чай, не одни! По-русски, плиз!..

– А-а-а-а, чего-то я запамятовал, у нас же здесь больша-а-ая любительница Стругацких! Что ж, можно и по-русски сподобиться, хе-хе! Чего антимионии-то попусту разводиться?! Наливай, Юрец! Присядем, что ли, на дорожку. ...Ну,

¹²⁹ Вейдерсы, или забродники, – специальный костюм, обычно выполненный в формате полукомбинезона. Основная функция вейдерсов как защитного костюма – обеспечить непромокаемость и комфорт.

¹³⁰ А. и Б. Стругацкие, «Трудно быть богом».

вздروгнули! Чтобы все всегда возвращались! ...Ещё по одной? ...Нет желающих? А я, пожалуй, махну! ...Милейшая Д'Жаннэт, не забудьте выдать товарищу командировочному пульт ДУ от «Гены», плиз! Неровён час, забудет ведь, растяпа! И пушай скорее уже катится отсель по Малой Спасской. Горше редьки надоел, хурензон! Время-то не ждёт! – и тихонечко так, почти что шёпотом проворчал нараспев. – Вер ес ништ им копфэ хат, хат ес ин ден байнен, хе-хе ¹³¹!

– Большая платформа пошла. Тридцать секунд. – Жанна Сергеевна украдкой тёрла глаза. – Возвращайся скорее, малыш! Я буду скучать! Очень-очень!

Серой и грозой на сей раз воняло исключительно гнусно! Треск стоял, аж уши закладывало! Ширяев обернулся, лукаво подмигнул оставшейся где-то далеко за «Рубиконом» восхищённой публике, затем, немного потоптавшись для храбрости, решительно «занырнул» в Новый Неизведанный Мир. Благо не шибко высоко. И всего-то сантиметров тридцать! Удивительно, но ничего страшного не произошло: не расшибся, не провалился, не утонул, не задохнулся, никакие коварные опарыши смельчака не сожрали... Ну да ладно, хватит уже! ...Походил, попрыгал, поплевал через левое плечо. Дождавшись, пока платформа вернётся восвояси, жестом победителя поднял большой палец вверх, небреженько так прощально махнул рукой: «Пока, бубёныть!» – читалось по

¹³¹ От Wer es nicht im Kopfe hat, hat es in den Beinen (нем.) – За дурной головой ногам покоя нет.

его губам, кликнул пультом и растворился в Неведомом. Гер-р-рой, мазаффака!

...А где-то далеко-далече, за семью морями, легендарный агент ноль-ноль-семь, прикрывшись вчерашними газетками, тихо почивал на лаврах у прудика Серпентин в Гайд-парке. Такой же вчерашний, вторичный и совершенно никому уж нынче не интересный. Эхе-хе-хе-хе!

– Уф-ф-ф-ф! Платформа в стойле.

– Ну наконец-то! Поздравляю, Сергеевна! Добились-таки своего!

– Станцуй-ка в душик, Ролушка. А то после живописательных рассказов равеннских, сдаётся мне, кое-кто подвывает зело!

– Как? Прямо вот так?! Сразу?! Только-только ведь Юрасик за порог, постелька небось не остыла! Тёпленькая ещё...

– Отставить скулить!

Бум-бум-бум-бум! Настойчивый долбёж в дверь упредил дальнейшие тевтонские стенания.

– Неужто снова Хрюкотан?! – запальчиво вскинулась Д’Жаннэт. – Гадюкой буду, прибыю сейчас, как собаку Рейгана!!!

Увы! К огромному девичьему сожалению, это оказался никакой не Максик, а покрасневшийся впопыхах помощник дежурного по Академии.

– Курсант Назарова?

– Так точно! – халатик запахнут наглухо, аж до самого

подбородка!

– Почему не на занятиях?!

– Готовимся к защите курсового проекта!

– Причина неуважительная! Для этого время на самоподготовку определено!

– Э-э-э-э... Дык по третьей форме же.

– О-о-о-о! Эко вас угораздило! Сочувствую... Извините, кстати, за шум. Звонил я... Звонок, кажись, не работает... Курсант фон Штауфен, случаем, не у вас, а? Мобильный чего-то не отвечает.

– Так точно, здесь. Только это не у меня, у Ширяева...

– Срочно к начальнику курса! Бегом! Вся комендантская рота на ушах стоит, его разыскивая! С ног сбились!

– А нельзя минуточек через сорок, а? М-м-м-м... Диарея вроде того у него....

– Я говорю, бего-о-ом, вашу мать!!! Мне голову снимут! Наряд в медсанчасть вне очереди захотели?!

В санчасть никто не хотел. Лучше уж на кухню или в караулке своё отбарабанить. На КПП можно, в прачечную-химчистку, на худой конец кичу посторожить, только не местная больничка! Таких кошмариков насмотришься, наслушаешься, нанюхаешься там, неровён час, сам в психушку угодишь!

– Никак нет! Курсант фон Штауфен на выход с вещами!

– Да бегу уже, бегу!

– погоди! – шёпотом притормозила его неугомонная Жанин. – Ты, друг-сосиска, хоть программку-то хрюковскую,

надеюсь, хакнул?

– Спрашиваешь, подруга-редиска! В наилучшем виде, с полным КЦ! Да что там КЦ, по самую... это... Гравицапу, дрек без пфеффер!!! Хе-хе-хе! Нашёл с кем тягаться, молокосос! Штанишки пусть-ка сменит для начала на сухие и малиновые, пацак сопливый¹³²!

– Хоть это радует! Ну беги, беги. Жду, котёнок, возвращайся с солнцем! Чмоки-чмоки! Целую в пимпочку!

– Куда, куда, простите?!..

Помощник дежурного по Академии, как вы уже наверняка догадались, тоже зачем-то обеспокоился местом нахождения некоей загадочной «пимпочки». Какого, спрашивается, рожна?! Хм! Вот и нам непонятно... Вследствие чего был решительно отослан на поиски пресловутого Нах-Наха, куда сей же секунд, несолоно хлебавши, и убыл вслед за припустившим бодрой рысцой приблизительно в том же направлении быстроногим саксонским Королём-оленом, счастливо избегнувшим, таким образом, неминуемых насильственных действий откровенно сексуального характера со стороны настырной Червонной Королевы. Хе-хе-хе!

Жаль, конечно, что Роланд ибн Йозеф барон наш милейший фон Штауфен волею проказницы Судьбы вновь с необычайной лёгкостью ускользнул из умопомрачительных объятий Жанны Сергеевны Назаровой. Чертовски, будем

¹³² Некоторые понятия, устройства и предметы вымышленной вселенной фильма «Кин-дза-дза!».

говорить, жаль! Кар-р-рамба! Просто-таки феноменальная невезуха, кус раббак! Было бы весьма, на наш взгляд, любопытственно понаблюдать за животворным спариванием четы богомоллов. Что вы себе думаете? Есть в том, согласитесь, нечто завораживающе магическое. Гм! В особенности трагический финал. Или комический? Это как посмотреть... Трагикомический! Но... По обыкновению, вмешалось маленькое такое, противненькое, зверчайше веское «Но!». Эдакое, знаете ли, с запашком-с... И, разумеется, тут же всё пошло сикось-накось. Ну так ещё не вечер! По-роландовски говоря: «Мюэ унд флайс бришт аллес айс»¹³³, и ещё, наверное: «Штеитер тропфн хёльт ден штайн»¹³⁴ – тоже, согласитесь, в темку рифмуется неплохо!

Между тем раз уж так вышло и лейтмотивом нашего, несомненно, увлекательнейшего местами повествования изначально определена некая цепочка ранее вскользь где-то упомянутой релятивно-плюральной темпоральной событийности жития-бытия вполне себе конкретного Конфедеративного Маршала, имеет, наверное, смысл, по крайней мере в ближайшей среднесрочной перспективе, на его, красавчика, судьбинушке с должным усердием и сосредоточиться. Как считаете, милостивые государи, государыни мои? Придёт черёд, беспременно уделим внимание и иным сюжетным линиям, персонажам, будьте покойны! Засим же предлагает-

¹³³ От Mühe und Fleiß bricht alles Eis (нем.) – Терпение и труд всё перетрут.

¹³⁴ Steter Tropfen höhlt den Stein (нем.) – Вода камень точит.

ся незамедлительно вернуться на круги свои, то есть поближе к Юрию Ивановичу Ширяеву, в точку его пока вроде бы успешного, так сказать, «заныривания». Итак, приступим-с!